ЗАДАЧИ СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Изданіе І. Постмана и Б. Ревзина въ Берлинѣ.

I.

Д^ръ Д. Койгенъ.

Міровоззрѣніе соціализма.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія „Энергія", Загородный, 17.
1906.

.5К

„Пров 38“

Н

НХ
12

Академии Наук

161
39

Отъ издателей.

Предлагаемая брошюра является первымъ выпускомъ выходящей въ свѣтъ серіи статьей, объединенныхъ общимъ заглавіемъ: „Задачи соціалистической культуры“

Въ составъ серіи входятъ слѣдующія брошюры.

1) „Міровоззрѣніе соціализма“, Д Койгена.
2) „Этика и политика“, проф. Ф. Штаудингера.
3) „Парламентаризмъ и соціалдемократія“, Эд Бернштейна.
4) „Экономическій строй соціализма“, Э. Вандервельда.
5) „Соціализмъ и сельское хозяйство“, Эд. Давида.
6) „Коммунальная политика соціализма“, Г. Линдемана.
7) „Соціализмъ и профессіональное движеніе“, А. фонъ-Эльма.
8) „Соціализмъ и кооперативное движеніе“, Г Давида.
9) „Соціализмъ и генеральная стачка“, Р Кальвера.
10) „Соціализмъ и международныя отношенія“, М. Мауренбрехера.
11) „Соціализмъ и національный вопросъ“, Фр. Гертца.
12) „Соціализмъ и искусство“, С. Люблинскаго.

Всѣ перечисленныя статьи, написанныя спеціально для настоящаго изданія, составятъ сборникъ, имѣющій цѣлью дать русскому читателю столь же сжатый, сколько и исчерпывающій отвѣтъ на всѣ основные вопросы соціалистическаго міровоззрѣнія.

Міровоззрѣніе соціализма.

Прологъ.

„Не думайте, что Я пришелъ нарушить Законъ или Пророковъ не нарушить пришелъ Я, но исполнить".

Ев. отъ Матѳея, 5, 17.

I.

Проблема нашей исторической эпохи объ эмансипаціи человѣка и соціализмъ

О либерализмѣ

Чтобы проникнуть въ сущность соціалистическаго міровоззрѣнія, слѣдуетъ на время отрѣшиться отъ всѣхъ злободневныхъ стремленій, съ которыми обыкновенно связывается судьба и содержаніе нашей доктрины и должно спросить себя какую миссію въ ходѣ человѣческой исторіи беретъ на себя соціализмъ, рѣшеніе какой проблемы культуры вызвало его къ жизни? Только зная совокупность историческихъ препятствій, или проблемъ, преодолѣніе которыхъ знаменуетъ собою раскрытіе соціалистическаго принципа, мы можемъ питать надежду овладѣть содержаніемъ соціализма въ его, свободной отъ временно-партійныхъ случайностей, культурной чистотѣ. Не имѣя здѣсь возможности шагъ за шагомъ прослѣдить развитіе соціали-

стическаго рѣшенія жизненныхъ вопросовъ на протяженіи всей міровой исторіи, мы ограничимся нашей эпохой въ ея главнѣйшихъ запросахъ и проблемахъ. Мы съ тѣмъ большимъ правомъ можемъ прибѣгнуть къ такому пріему, что современный соціализмъ возникалъ и развивался въ тѣснѣйшей связи съ рѣшеніемъ вопросовъ индивидуально-соціальной жизни, такъ называемаго, новаго времени, а именно послѣднихъ четырехъ вѣковъ.

Бываютъ понятія, которыя какимъ-то магическимъ образомъ объемлютъ самые разнообразные вопросы существованія и даже заключаютъ въ себѣ отвѣты на нихъ. Такимъ чарующимъ и всеобъемлющимъ понятіемъ въ переживаемой нами исторической эпохѣ была мысль объ эмансипаціи человѣка, являлось слово свобода Сознаніе эпохи шло такъ далеко въ своемъ поклоненіи „свободѣ“, что всѣ тѣ невзгоды жизни, съ которыми не въ состояніи было справиться это крылатое слово, смѣло отрицались, а вызываемые ими вопросы вычеркивались, какъ ненужные и устарѣлые. И „свобода“ по истинѣ творила чудеса. На закатѣ средневѣковой и на зарѣ нашей эры культурный человѣкъ предпринялъ съ ея помощью борьбу противъ всѣхъ трехъ извѣстныхъ ему формъ эксплоатаціи человѣческой личности· онъ стремился во что бы то ни стало къ освобожденію отъ реалистическихъ, идеологическихъ и метафизическихъ враговъ своихъ. Онъ воспринялъ весь семейный, государственный и соціально-хозяйственный укладъ жизни, унаслѣдованный имъ отъ исторіи, какъ враждебныя ему реалистическія силы. Ихъ узрѣлъ онъ и въ нѣкоторыхъ чисто-природныхъ условіяхъ своей дѣятельности, а впослѣдствіи онъ сталъ находить ихъ и въ международныхъ, межклассовыхъ и межгрупповыхъ отношеніяхъ, въ

совмѣстной жизни людей и въ особенности въ сосуществованіи половъ. Однако, какъ непосредственный реальный гнетъ, имъ ощущались и „идеологіи“ въ формѣ различныхъ видовъ мышленія, правового сознанія и оцѣнки поступковъ и людей, опредѣленные принципы міропониманія, моральныя понятія, вѣрованія, предразсудки, историческія традиціи сильно волновали его сердце, не взирая на то, что нерѣдко такого рода „идеологіи“ покоились на историческихъ и естественно-психологическихъ недоразумѣніяхъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ первой категоріи эксплуататоровъ и въ опредѣленной близости ко второй стояли метафизическіе враги, требовавшіе, такъ сказать, *вит*-исторической борьбы и напряженія силъ человѣка, какъ такового, т. е. человѣка въ его идейной возможности. Тайна міросданія, проблема о единствѣ жизненныхъ проявленій, о безусловной и абсолютной важности и цѣнности человѣческихъ стремленій, вопросъ о назначеніи и соотношеніи міра и человѣка тоже являлись серьезнымъ препятствіемъ, причиняли боль и мѣшали побѣдоносному шествію новаго человѣка по новому пути. Строй и содержаніе жизни выросли въ одну универсальную проблему, разрѣшеніе которой ознаменовалось созиданіемъ новаго національно капиталистическаго культуропорядка. Борьба со старымъ соціально-духовнымъ укладомъ переходитъ въ борьбу за созиданіе новаго строя, на почвѣ котораго проблема эпохи объ эмансипаціи перетерпѣла полную трансформацію.

Въ своей абстрактной чистотѣ вопросъ эпохи гласилъ. что есть свободный человѣкъ, въ чемъ долженъ видѣть онъ основу своей жизни, какія формы должны принять его отношенія къ окружающимъ и къ соціальнымъ институтамъ, и что, наконецъ, готовитъ

свобода человѣку? Если не считать унаслѣдованной феодально-католической культуры, то за рѣшеніе эмансипаціонной задачи эпохи взялись съ самаго начала ея возникновенія два теченія: духовно-идеалистическое и либерально-натуралистическое. Либерализмъ превратилъ тенденцію къ свободѣ въ стремленіе къ независимости и изолированности, и высшую положительную цѣль онъ видѣлъ въ завоеваніи личной власти, хозяйственной и правовой. При историческомъ освѣщеніи вся сущность либерализма сводится къ укрѣпленію свободно мыслимаго человѣка въ сферѣ частно-владѣльческихъ отношеній. Либеральный индивидуализмъ есть, однимъ словомъ, консерватизмъ на почвѣ частно-капиталистической системы жизни Въ отличіе отъ стараго церковно-феодальнаго консерватизма, которому пришлось прибѣгнуть къ сверхъ-естественному обоснованію своихъ идеаловъ, консерватизмъ либерализма опирается на естественно-научныя положенія. Философскій натурализмъ призванъ быть завершителемъ его историческаго зданія. При свѣтѣ либеральной доктрины содержаніе культуры отождествилось съ жизнью природы. Человѣкъ превратился въ атомъ, общество человѣческое въ сумму атомовъ, сосуществованіе которыхъ регулируется по естественно-имманентнымъ законамъ [1]). По аналогіи съ представленіями о природѣ жизнь и борьба атомовъ-людей, призванныхъ въ силу всеобщей механики культурозданія къ выполненію опредѣленной соціально-хозяйственной функціи, приводилась по внутренней логикѣ вещей къ гармониче-

---

[1]) Ср. мои рецензіи на книги H v Leesen, „Frédéric Bastiat“ etc. и доц. Бирмана, „Staat und Wirtschaft“; ibd въ „Documente des Socialismus“ за 1905 г

скому концу. Изъ *естественнаго* стремленія каждаго человѣка-атома укрѣпить свое независимое существованіе выводилось его *естественное* право на неприкосновенность его дѣятельности и на освобожденіе отъ эксплуатаціи какими-бы то ни было, мнимо чуждыми его естеству, соціально-духовными силами. Необходимо предоставить каждому свободу проявленія, училъ либерализмъ, и вопросъ о всеобщей эмансипаціи самъ собою разрѣшится. „Общество, какъ и природа, само себя лѣчитъ“,— принадлежитъ къ крылатымъ словечкамъ либерализма. Активное вмѣшательство чуждыхъ интересамъ отдѣльной личности общественныхъ силъ—противоестественно. Государство и общественные институты суть лишь проэкціи личной натуры, и задачи ихъ, какъ собирательной воли единичныхъ воль-атомовъ, должны быть исчерпаны простымъ урегулированіемъ „естественнымъ путемъ“ конкуррирующихъ и борющихся другъ съ другомъ людскихъ интересовъ. Преслѣдовать свои партикуляристическіе интересы есть поэтому высшее, что вмѣняется въ обязанность человѣку. Въ этомъ смыслѣ всѣ равны передъ закономъ, какъ и предъ природой. Свойственная процессамъ послѣдней правильность и закономѣрность указываетъ на разумность всего существующаго и, наоборотъ, все разумное—естественно. Разумна и естественна поэтому и свободная жизнь человѣка съ человѣкомъ, и человѣка съ обществомъ и государствомъ. Когда люди слѣдуютъ законамъ природы, что одно и то-же, что законамъ разума, тогда само собою устанавливается единственно возможная гармонія во всѣхъ хозяйственно-соціальныхъ отношеніяхъ. Единственнымъ аргументомъ для установленія господства и подчиненія, для пріобрѣтенія и отчужденія, для равенства и неравенства могутъ поэтому

быть лишь „естественныя“ способности человѣка, его „естественный“ разумъ. Пусть каждый преслѣдуетъ свою выгоду, „разумъ“ заботится о всѣхъ, объ обществѣ. Пусть каждый слѣдуетъ указаніямъ своихъ потребностей или «разума», тогда и общество, какъ совокупность дѣйствій разумныхъ существъ, проникнется разумомъ, т. е. хозяйственныя, правовыя и т. п. отношенія между лицами, группами и государствомъ достигнутъ своего гармоничнаго конца.

Мы, такимъ образомъ,—заявляютъ адепты либерализма — рѣшили проблему эпохи, проблему всей человѣческой культуры. Мы прежде всего лишили теократическій строй среднихъ вѣковъ его мнимо незыблимой основы и разрушили всѣ, исторически сложившіяся всякими правдами и неправдами, права меньшинства феодаловъ на трудъ и душу большинства человѣчества. Передъ лицомъ нашей доктрины о естественно разумномъ человѣкѣ всѣ созданныя цивилизаціей неравенства разлетѣлись въ прахъ. Мы дерзнули и завоевали европейскому человѣчеству независимаго, неограниченнаго въ своей дѣятельности человѣка. И не только свободу отъ цехового, церковнаго и полицейскаго ига обѣщаетъ человѣку нашъ строй жизни, но и равенство, то самое равенство, о которомъ мечтали христіане первыхъ вѣковъ, которое провозгласила великая французская революція, этотъ потрясающій гимнъ нашей эпохи, и которое соціалисты припрятали для грядущаго человѣчества. Вѣдь мы-же установили равенство всѣхъ передъ закономъ, передъ моралью, передъ самимъ Богомъ, если такой имѣется; съ нашей точки зрѣнія всѣ вправѣ завоевывать независимость, умножать богатство и наслаждаться плодами природы и рукъ человѣческихъ. Мы въ дребезги разбили скрижали стараго, мѣшающаго намъ развер-

нуться міра и на мѣсто его водворили естественный порядокъ вещей, голосъ совѣсти, придуманный страдальцами человѣчества, замѣнили голосомъ разумной природы. „Природа“—единственное наше мѣрило, это та мѣра, противъ которой никто идти не можетъ, а потому и не долженъ. Богатство и бѣдность, правители и управляемые, имущіе и пролетаріи созданы въ нашемъ либеральномъ строѣ не злой человѣческой волей, а природой. Данныя намъ, такъ сказать, отъ рожденія способности создали соціальное неравенство, которое исчезаетъ при свѣтѣ либерально-научнаго сознанія; ибо оно — „естественно“, оно „создано природой“.

На мѣсто потусторонняго триединства стараго міра—о Богѣ—Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ—мы указали человѣчеству на яркое созвѣздіе свободу, равенство и братство. Да, и къ братству приводитъ либеральное рѣшеніе проблемы нашей эпохи. Равные въ естественномъ отношеніи, свободные отъ церковной и государственной опеки и независимые люди-атомы волею имманентныхъ законовъ вступаютъ въ хозяйственно-соціальное сотрудничество другъ съ другомъ, которое влечетъ за собою установленіе общественной гармоніи, что и есть настоящее братство. Каждый, заботясь исключительно о себѣ и пріобрѣтая для себя, тѣмъ самымъ заботится и пріобрѣтаетъ для другихъ, чѣмъ богаче каждый изъ насъ (пусть даже это богатство сосредоточивается въ сравнительно немногихъ рукахъ), тѣмъ богаче и государство, это регулирующее начало въ нашей, правда, незлобивой хозяйственно-правовой борьбѣ, этотъ добрый геній въ человѣческой семьѣ. Насъ обыкновенно попрекаютъ свободной конкурренціей, будто-бы вызывающей въ людяхъ самые низменные, хищные инстинкты. Пора, господа, оставить эти

мелкія обвиненія. Свободная конкурренція, это художественная игра нашей энергіи и мощи. Хозяинъ и рабочій, крупный предприниматель и ремесленникъ, капиталистическій землевладѣлецъ и рабочій-земледѣлецъ—всѣ они равноправные, добрые друзья, старшіе и младшіе братья. Не получать-же въ самомъ дѣлѣ несовершеннолѣтнему брату такую-же долю изъ общественнаго дохода, какъ и старшему. Что полезно одному, то вредно для другого. Соціально-хозяйственное состязаніе — „естественно“, и безъ него обойтись нельзя Благодаря ему, создаваемыя обществомъ блага переходятъ изъ рукъ въ руки, они пріобрѣтаютъ цѣну, отчего пріемлетъ цѣнность какъ жизнь тѣхъ, которые владѣютъ ими въ изрядномъ количествѣ, такъ и тѣхъ, которые вынуждены вести борьбу за ихъ обладаніе. И тѣ и другіе знаютъ полноту жизни, и, съ точки зрѣнія „естественнаго хода вещей“, не все ли равно, какъ они достигаютъ ея. Ни у кого впрочемъ не отнимается возможность быть владѣльцемъ творческаго капитала и повелителемъ человѣческой воли, направленной на умноженіе послѣдняго Пусть никто не забываетъ, что въ индустріально-либеральномъ строѣ всякая зависимость создается „природой“, а не сатаной, какъ учила древняя церковь; здѣсь не феодалъ прикрѣпляетъ къ занятіямъ и мѣсту, здѣсь дѣйствуетъ законъ себялюбія; здѣсь борьба, сотрудничество и обмѣнъ „свободныхъ“ людей,—а въ процессѣ обмѣна людскихъ способностей и товаровъ, созданныхъ неуклонной волей и благимъ наставленіемъ предпринимателей, рождаются цѣнности, оцѣнивается человѣкъ. Всѣ поступки, дѣянія и желанія людей могутъ быть отнынѣ подвергнуты количественному подсчету. Категорія количества—это центральное, истинно-научное понятіе господствуетъ во всей нашей жизни. Раньше

жили во имя потусторонних, неуловимых для элементарных ощущений благ и фантазій, а теперь всѣ мы живемъ вполнѣ осязательными плодами творческаго капитала, обладающаго всѣми тѣми созидательными тенденціями, которыя философами приписывались духу Самъ „духъ“ намъ благоволитъ...

Такъ пѣлъ либерализмъ на зарѣ своей беззаботной молодости устами своихъ избранниковъ, и оптимистическая пѣснь его нерѣдко убаюкивала заслушивавшихся ею.—Да не закрадется въ душу нашу и тѣнь подозрѣнія на счетъ искренности людей, такъ или иначе способствовавшихъ созиданію либеральнаго вымысла. Привыкшіе видѣть въ исторіи культуры необходимый процессъ, полный человѣческаго смысла, мы не бросимъ камнемъ въ строителей либеральнаго культуропорядка и съ замираніемъ сердца мы бы перешагнули порогъ той самой хижины въ парижскомъ Montmorency, гдѣ одинокій и глубоко раздвоенный Жанъ-Жакъ Руссо творилъ свою общественную гармонію. Мы съ благоговѣніемъ и великимъ удивленіемъ всматриваемся въ дивную архитектуру либеральной экономіи, натурсоціологіи и политики, и даже холодный фанатикъ „естественной“ идеи, узкій, черствый моралистъ Робеспьеръ вплоть до дѣтски-дикой пляски санкюлотовъ около богини „Разума“ не вызоветъ улыбки и тѣни сожалѣнія на нашихъ устахъ. Вѣдь здѣсь обнаружилась та sancta simplicitas поступательнаго хода исторіи, безъ которой жизнь человѣческая была-бы такъ же пуста, какъ пустъ былъ міръ до сотворенія его творцами библіи.

Раціонально-натуралистическій либерализмъ повидимому не рѣшилъ проблемы эмансипаціи. Искомая свобода, сведшаяся къ обладанію независимой личностью матеріальныхъ благъ, могла быть добыта лишь меньшинствомъ, и то при условіи эксплуатаціи имъ

большинства. Свобода эта оказалась въ первую голову свободой, такъ называемыхъ, первыхъ двухъ сословій, основнымъ жизненнымъ стимуломъ которыхъ всегда является стремленіе къ власти и господству Съ природой самой „независимости“ дѣло обстоитъ очень печально, и отъ этого страдаютъ уже не только угнетенные производительные классы, въ качествѣ подчиненныхъ и управляемыхъ, но и весь культурный укладъ жизни вплоть, до затаенныхъ уголковъ человѣческой души Даже руководители эпохи, которые мнили себя свободными, очутились въ кабалѣ у безымяннаго капитала. Всю жизнь опутала раціоналистическая иллюзія. А бѣдные классы, лишенные капитала, еще въ большей мѣрѣ стали рабами его: погоня за нимъ и подчиненіе ему стали основнымъ двигателемъ ихъ жизни. На всей эпохѣ тяготѣло проклятіе; чѣмъ больше она обогащалась матеріально, тѣмъ пуще бѣднѣла она душевно. И неудивительно. Конечное, всеобъемлющее бытіе нашей исторической фазы нашло свое выраженіе въ категоріи количества,—иначе говоря, въ духовно пустомъ понятіи. Если бы человѣкъ либерально-натуралистической культуры могъ до конца думать и глубоко чувствовать, онъ долженъ былъ бы испугаться великой міровой пустоты, обнимающей все его изолированное существованіе. Самъ человѣкъ отождествился съ количествомъ поддающихся измѣренію благъ, а блага пріобрѣли, въ видѣ денежнаго и производительнаго капиталовъ, ту самую угнетающую силу, которая прежде приписывалась потустороннему порядку вещей. Даже восхваляемая въ началѣ эпохи спонтанность естественной энергіи изжилась и уступила мѣсто желѣзнымъ законамъ циркуляціи безъимянныхъ капиталовъ. Либерализмъ неминуемо впадалъ въ противорѣчіе со своимъ идеаломъ. Отстаивая свой индивидуалистическій принципъ, онъ вынужденъ

былъ возстановить тотъ самый идолъ „историческаго права“, которому онъ на зарѣ своего жизненнаго пути противопоставилъ право личнаго пріобрѣтенія классовая, передаваемая по наслѣдству капиталистическая собственность стала центромъ либеральнаго культуропорядка Для защиты ея притязаній волей-неволей пришлось поступиться и другими аттрибутами „свободнаго соглашенія“. Самъ носитель капиталистической собственности быстро перетерпѣлъ эволюцію. Вначалѣ онъ сплошь да рядомъ былъ тѣсно связанъ со своимъ предпріятіемъ. Теперь-же онъ по большей части отдѣленъ отъ него. его мѣсто занимаютъ безъимянныя промышленныя общества, техническіе и коммерческіе руководители и т. д. Здѣсь не мѣсто воочію показать, какъ современный индустріализмъ превращается въ родъ капиталистическаго феодализма. Слѣдуетъ только вызвать въ своемъ воображеніи всю организацію производства съ его акціонерными обществами, картелями, трестами, банками и не забыть, какія препятствія коллективный договоръ производителей встрѣчаетъ въ своеволіи предпринимателей, вплоть до стремленія послѣднихъ законодательнымъ путемъ закрѣпить за собою личный авторитетъ даже въ обще-государственной политикѣ, чтобы предстала полная картина развитія новыхъ феодальныхъ правъ и привилегій. Отнынѣ промышленно-развитыя страны потеряли всякій общественный стыдъ. Свобода, равенство и братство установились примѣнительно къ капиталистической собственности. Голая борьба за классовые и кастовые интересы, классовыя привилегіи и предразсудки и лично-классовая ненависть наполнили жизнь.

За недостаткомъ мѣста мнѣ остается здѣсь только намекнуть, какъ подъ вліяніемъ новой соціологиче-

ской формаціи все теченіе либеральной жизни перемѣнило свой ликъ Строй, „высшій“ господствующій типъ котораго представленъ „феодаломъ“, не нуждается больше въ міровоззрѣніи, призванномъ доказать его естественную необходимость, ему не нужны больше идеалы о равноправіи и равноцѣнности жизни каждаго, для него излишенъ альтруизмъ, и ему не приходится также ломать копья за то, чтобы уяснять, какъ личный эгоизмъ ведетъ къ соціальной гармоніи и къ благу всѣхъ. Ему вообще не нужна никакая этика. Раціоналистическій матеріализмъ больше не укрѣпляетъ въ жизни, а успѣхъ обезпеченъ за натуралистическимъ біологизмомъ, болѣе вооруженнымъ соціальной хитростью и капиталомъ. Сила господства и владѣнія здѣсь выше права, инстинктъ важнѣе разума. Общественное благо, духовная жизнь съ человѣчествомъ, жизнь во имя и для идеи—однѣ иллюзіи. Кому не приходятъ здѣсь на память модные философы, выставившіе феодальные идеалы предметомъ высшихъ стремленій. Какъ видно, и эта полоса исторической жизни не можетъ обойтись безъ оправданія свыше. Но ничто не въ состояніи больше помочь либерализму. Онъ является препятствіемъ къ возстановленію искомой общественно-духовной гармоніи, онъ неминуемо долженъ проповѣдовать антагонизмъ людей и классовъ, онъ не можетъ дать равныхъ условій жизни, одинаковаго права и одинаковаго образованія всѣмъ членамъ общества. И развивающаяся послѣдняя феодальная фаза либерализма только пуще обнаружила глубокій кризисъ, переживаемый современной эпохой.

О протестантизмѣ и демократизмѣ.

Въ своемъ конечномъ желаніи наша эпоха стремилась къ оправданію и укрѣпленію въ мірѣ свободной отъ церковно-католической, феодально-цеховой и полицейско-государственной опеки человѣческой личности, жизнь которой обладала-бы безусловной цѣнностью и довлѣла-бы самой себѣ. Задолго до выработки натуралистически-количественнаго міросозерцанія либерализма, за рѣшеніе проблемы взялось упомянутое выше духовно-качественное теченіе, которое, какъ увидимъ ниже, вынесло на соціальную арену политическій демократизмъ. Положить начало въ этомъ направленіи въ новое время выпало на долю религіозно-этической реформаціи и нѣмецкаго философскаго идеализма Къ какимъ результатамъ привелъ этотъ историческій опытъ, мы сейчасъ вкратцѣ укажемъ.

Реформаторамъ, пріобщеннымъ къ духовно-качественному взгляду на вещи, нужно было-бы, такимъ образомъ, разрѣшить задачу: какъ человѣкъ и его жизнь могутъ заключать въ себѣ конечную основу бытія, иными словами, какъ человѣкъ можетъ самого себя доказать. Спонтанный ходъ историческаго натиска повидимому подготовилъ содержаніе для подобнаго разрѣшенія, а отдѣльные реформаторы и мыслители постарались дать новымъ фактамъ исторіи объективную форму.

Въ реформаціонное время человѣкъ возвращается къ самому себѣ. Передъ его взоромъ носится понятіе автономной, духовной личности, которая противуполагается прежней легкомысленной, преходящей. Объективный, механизированный внѣшній міръ, міръ, гдѣ царствуетъ хроническій непреоборимый дуализмъ между

Библіотека

желательнымъ и существующимъ, между идеаломъ и дѣйствительностью, между „той стороной“ и „этой стороной“, міръ, въ которомъ удовлетвореніе большинства человѣческихъ потребностей совершается по однажды исторически заведенному плану, дряхлѣетъ и пустѣетъ. Онъ становится въ тягость, постепенно стушевывается и затѣмъ совсѣмъ умираетъ. За то тѣмъ глубже ощущается обновленное, внутреннее „я“: въ человѣкѣ оживаетъ творецъ Творчество, лежащее въ основѣ всякой культуры, всего „человѣческаго“, снова подаетъ признаки молодой, возрождающейся жизни.

Христіанскіе историки обыкновенно обозначаютъ этотъ реформаціонный процессъ, какъ реакцію евангелическаго христіанства противъ христіанства, понимаемаго, какъ „законъ“, какъ объективно-внѣшняя сила. Они вполнѣ справедливо видятъ въ немъ возвратъ къ индивидуально-качественной оцѣнкѣ человѣческихъ проявленій въ противуположность къ господствовавшему чисто количественному подсчету послѣднихъ. Неудивительно поэтому, что тенденція реформаціи всегда клонится къ тому, чтобы превратить въ tabula rasa всѣ ощущаемые авторитеты, весь гнетущій соціально-религіозный „церемоніалъ“ и, наконецъ, всѣ символическіе идолы, которыхъ въ сущности послѣдующая философская мысль окрестила именемъ грубаго анимизма и соціальнаго антропоморфизма. Свободное самоопредѣленіе человѣка въ мірѣ соціальномъ и въ мірѣ божескомъ—высшій пунктъ ея творческихъ стремленій. Личность не нуждается больше въ посредникахъ между собою и Богомъ или, какъ я-бы выразился, она непосредственно, хочетъ овладѣть культурно-историческимъ творчествомъ.

Само понятіе о жизненномъ творчествѣ беретъ

свое начало въ возродительно-реформаціонныя эпохи. Уже въ реформаціонный періодъ одного своего „я“ личность не живетъ больше натуралистически, какъ въ періоды, предшествовавшіе возрожденію, она больше не видитъ смысла существованія въ простомъ копированіи шаблоннаго космоса, соціальнаго и естественнаго, или въ приспособляемости къ нему, и также не находитъ его въ исключительномъ обличеніи стараго порядка Ей нѣтъ больше надобности жить на счетъ одной борьбы съ опустѣвшей, потерявшей всякую цѣнность жизнью, на счетъ полнаго отрицанія. Источникъ духовнаго творчества, бьющій ключемъ въ такой личности, дѣлаетъ ненужнымъ и жизнь на счетъ иллюзіонной надежды на неясное и скрытое будущее, дѣлаетъ излишнимъ томленіе по потустороннемъ, загробномъ островѣ блаженныхъ Однимъ словомъ, такая личность не ощущаетъ больше потребности ни принаравливаться къ отжившимъ формамъ соціально-духовной жизни, ни копировать ихъ, ни бороться съ ними, ни, наконецъ, преодолѣвать ихъ съ помощью выстраданной фантазіи для отысканія смысла своего существованія. Сами эти, стѣснявшія или вызывавшія жизненный импульсъ личности, соціально-духовныя рамки безпощадно ломаются отъ напора ея собственнаго кипучаго, творческаго міра. Быстрый, всепоглащающій процессъ внутренняго творчества скоро скрываетъ въ себѣ и самого носителя послѣдняго—человѣческую личность, и его разливъ обхватываетъ въ своемъ потокѣ весь большой божій міръ. Весь міръ этой личности становится божескимъ, творческимъ, самодовлѣющимъ. Міръ человѣка, поскольку онъ проникается тѣмъ творческимъ началомъ, которое, главнымъ образомъ, дѣлаетъ возможнымъ всякую человѣческую культуру, даетъ себѣ самъ законы, становится

самооцѣночнымъ. Жизнепониманіе личности духовнаго реформатора носитъ непремѣнно поэтому глубокій позитивно-утверждающій характеръ. Духовный реформаторъ не нуждается больше во внѣшнихъ временныхъ перипетіяхъ, чтобы утверждать себя въ мірѣ и міръ въ себѣ. Скорѣе эта „внѣшняя“ жизнь пріобрѣтаетъ настоящую цѣнность, поскольку она становится неотъемлемой частью творческаго „я“, поскольку она выказываетъ способность пріобщиться къ его жизни, дышащей міровою незыблемостью и вѣчностью.

Духовное содержаніе реформаціонно-возродительной личности по причинамъ, которыя способствовали водворенію либеральнаго общественнаго строя, не могло найти себѣ въ соціальной культурѣ соотвѣтствующаго объективнаго выраженія. Жить же только самимъ собою тоже оказалось невозможнымъ; субъективизмъ серьезно угрожалъ потопить въ мистицизмѣ трудно добытый внутренній строй, весь безбрежный, самодовлѣющій міръ, связанный съ завоеваннымъ взглядомъ на личность, какъ на качественно отличную, духовную субстанцію. Мартинъ Лютеръ первый нашелъ выходъ изъ этого двойственнаго положенія. Вся задача свелась въ сущности къ тому, чтобы при наличности свободно индустріальнаго строя, философскимъ выразителемъ котораго является натуралистически-либеральный индивидуализмъ, найти такой принципъ, съ помощью котораго можно было бы сохранить за личностью ея духовно-творческій характеръ, т. е. чтобы въ конечномъ счетѣ примирить духовно-качественный и натуралистически-количественный индивидуализмъ. Вѣра и есть искомое начало. Ибо вѣра, училъ Лютеръ—есть то активное проявленіе человѣка, та его добродѣтель, благодаря которой онъ въ состояніи подняться надъ непосредственно-даннымъ, натурали-

стически-эмпирическимъ міромъ и въ силу чего, скажемъ современнымъ языкомъ, онъ можетъ образовать понятіе культурнаго субъекта. Вѣдь вѣра есть стремленіе къ тому, чего еще нѣтъ и что предполагается, какъ бытіе въ будущемъ. А чѣмъ отличается такого рода вѣра отъ идеи! Идея въ формѣ вѣры, т е въ качествѣ опредѣленнаго образа мыслей, или завоеваннаго внутренняго состоянія души (нѣмцы имѣютъ для того особое слово Gesinnung) представляетъ собою ту духовную дѣйствительность, которую удалось реформаторамъ спасти отъ бурнаго натиска наивнаго и количественно - раціоналистическаго натурализма. „Сердце—писалъ ученый выразитель реформаторскихъ стремленій Меланхтонъ—основной элементъ человѣка“, понимая подъ сердцемъ то, что чувствуетъ, стремится и вѣритъ. „Богу все служитъ, что творится, говорится и мыслится въ вѣрѣ“. (Luthers Werke, I Bd, Berlin, 1898, стр. 7). „Въ этой вѣрѣ (мы-бы теперь сказали, идеѣ) всѣ дѣла уравниваются, и одно похоже на другое; теряется различіе между вещами, будь онѣ велики, малы, коротки, длинны, многочисленны или ничтожны“ (ibid., стр. 9). „Однимъ словомъ, заключаетъ Лютеръ, вѣра не просто добродѣтель на ряду съ другими, ея скорѣе не отдѣлишь отъ всѣхъ другихъ формъ человѣческой активности, она стоитъ надъ ними и живетъ въ нихъ всѣхъ“.— Мы здѣсь очевидно имѣемъ дѣло съ основнымъ формулирующимъ принципомъ жизни, вѣрнѣе, съ формой бытія, приводящей конкретнаго, „эмпирическаго“ человѣка въ соприкосновеніе съ міромъ духа или истины и стремящейся пріобщить все временное существованіе его къ самодовлѣющей и къ an und fur sich цѣнной, индивидуальной, духовно-качественной дѣйствительности. И съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ

смотрѣть на изложенный здѣсь основной философскій принципъ протестантизма, какъ на первую серьезную попытку воздѣйствовать качественнымъ образомъ на эгоистическій и утилитарный міръ, гдѣ центральное мѣсто принадлежитъ понятію количества въ выше развитомъ смыслѣ. Но этой идеѣ-вѣрѣ суждено было, понятно, остаться праздничной, въ буквальномъ смыслѣ, мечтой: только въ воскресные дни съ амвона раздавалась проповѣдь о равенствѣ всѣхъ людей въ идеѣ, или вѣрѣ, объ одинаковой важности и въ то же время незначительности человѣка въ безконечной вселенной. Соціально-хозяйственную дѣятельность протестантизмъ по существу предоставилъ естественно-разумному ходу вещей, сохранивъ за собою только власть надъ внутреннимъ человѣкомъ, надъ его образомъ мыслей. Отъ внутренняго голоса личности, отъ „совѣсти“ ея ожидалось освященіе совмѣстнаго существованія людей и ихъ дѣяній. Если только у человѣка имѣется „совѣсть“, тогда не страшны ему ни борьба за существованіе, ни явное поползновеніе сильнаго къ власти и господству, ни стремленіе людей эксплуатировать другъ друга. Къ вопросу о личной совѣсти сводятся всѣ проблемы христіанскаго протестантизма, не исключая отсюда и русскаго протестантизма, напр., толстовскаго толка. Только въ кальвинизмѣ постулатъ о неприкосновенности совѣсти переходитъ также въ долгъ и обязанность передъ собою и собственной дѣятельностью. Кальвинизмъ, этотъ призывъ къ самообладанію, является какъ увидимъ, однимъ изъ важныхъ условій новаго частновладѣльческаго хозяйства. Если поглубже вдуматься въ сущность протестантизма, въ этотъ духовный ферментъ современнаго культуропорядка, то намъ далеко не покажется наивнымъ это сознательное игнорированіе хода соціальной жизни. Протестантизмъ, возникая въ

борьбѣ съ католицизмомъ, видитъ все зло въ тѣхъ противорѣчіяхъ жизни, которымъ средневѣковой міръ приписывалъ сверхчеловѣческій характеръ. Богъ и сатана, трансцендентность и имманентность, добро и зло, дѣйствительность ощущаемая и дѣйствительность, постигаемая разумомъ, были для католицизма вѣчными непримиримыми началами жизни. Первородный грѣхъ, несовершенство человѣческихъ отношеній тяготѣли здѣсь надъ человѣкомъ и отказывали ему въ „спасеніи". Протестантизмъ въ этомъ вопросѣ приблизился къ античному реализму, который смотрѣлъ на грѣхъ и несовершенство какъ на излѣчимую болѣзнь. Всякое зло отъ незнанія, училъ Сократъ. Межъ тѣмъ какъ античный міръ обращался къ соціальному человѣку, къ его твореніямъ въ видѣ національнаго, а впослѣдствіи и мірового государства, какъ къ бытію, объединяющему въ высшее духовное единство физіологическіе и эстетическіе силы единичнаго человѣка съ его соціальной активностью, протестантизмъ, напротивъ, а вслѣдъ за нимъ и либерализмъ, всѣ отношенія людей свелъ къ личной духовной или натуралистической мощи отдѣльнаго человѣка. Выше жизненныхъ возможностей, зависимыхъ отъ воли единичнаго человѣка, не пошелъ ни протестантизмъ, ни его соціально-государственный истолкователь, либерализмъ.

По вопросу о взглядѣ на носителя культуры, на личность, между протестантизмомъ и либерализмомъ произошли крупныя чреватыя послѣдствіями разногласія. Затаенныя стремленія протестантизма шли въ сторону сооруженія неприступнаго духовнаго „я" и внутренняго общенія между людьми; только въ будничной жизни позволялось человѣку слѣдовать своимъ естественно-разумнымъ побужденіямъ Такимъ образомъ, протестантизмъ, счастливо перешагнувъ черезъ

пропасть католическаго дуализма, очутился лицомъ къ лицу съ новымъ противорѣчіемъ: онъ отдалъ жизнь освобожденнаго человѣка во власть совѣсти и природы, или, какъ этотъ процессъ представлялъ Л. Фейербахъ, человѣкъ оказался мишенью въ рукахъ двухъ непреодолимыхъ противоположностей: разума и вѣры [1]). Правда, это уже не старый христіанинъ, глядѣвшій на міръ человѣческій, какъ на необходимую, но вредную иллюзію и въ той только мѣрѣ признававшій этотъ несовершенный міръ, въ какой рождаемыя имъ страданія побуждали человѣка устремлять свой ищущій взоръ въ даль истинно-идеальнаго строя, въ царство Божье. Больше по исторической традиціи, чѣмъ по существу, Лютеръ, а съ нимъ и протестантское христіанство неодобрительно относится къ человѣческому высокомѣрію и ставитъ ему въ примѣръ аскетическое смиреніе; но страданіе, какъ основной трагическій аккордъ жизни, навсегда изгнано изъ обихода протестантизма. Въ душѣ-же стараго христіанина, какъ и самого Христа, выдвинутая въ старомъ Римѣ проблема соціальной, духовной и физической смерти сгустилась въ великую грусть, съ помощью которой совершалось таинство объединенія міра земного съ міромъ идеальнымъ.

Чтобы обнаружить духъ современной культуры мнѣ хотѣлось-бы остановиться еще на занимающей насъ разницѣ между новымъ и древнимъ христіанствомъ. Для этого послѣднее должно быть выдѣлено изъ родственныхъ ему теченій міровой исторіи. Примѣромъ здѣсь можетъ служитъ первоначальный, рожденный въ глубоко-истрадавшейся душѣ идеалъ христіанства и

---

[1]) Ср. Ludvig Feyerbach, „Pierre Bayle“, etc. 2 Ausg Leipzig, 1844, стр. 10 и т. д.

идеалъ буддизма. Вѣдь буддизмъ видитъ въ мірѣ сплошное страданіе, „страдающую субстанцію“, отъ которой надо во что-бы то ни стало освободить человѣка. Но буддизмъ и христіанство смотрятъ діаметрально противоположно на значеніе страданія. Страданіе губитъ высшее, что есть въ человѣкѣ, а именно стремленіе къ объективной истинѣ,—полагаетъ буддизмъ; страданіе очищаетъ отъ оковъ несовершенства,—противополагаетъ этому христіанство. Наше индивидуальное существованіе вызываетъ горе и затемняетъ разумъ; надо отказаться отъ своей индивидуальности и такимъ образомъ побороть міровыя страданія, учитъ буддизмъ, идеалъ котораго „жизнь“ въ великомъ „ничто“, въ нирванѣ. Чисто художественное созерцаніе великой пустоты остается здѣсь для свободнаго и не идущаго на компромиссы человѣка. „Сохрани твою индивидуальность, можетъ за то сказать христіанство, ибо только она страдаетъ, а страданія дѣлаютъ человѣка зрячимъ и сознаніе твоего большого горя родитъ образъ новой жизни, идеальнаго міропорядка“. Человѣкъ долженъ сознать свою трагедію, побѣдить ее, и тогда только ему откроется царство Божіе Христіанство, какъ оно жило въ душѣ творцовъ его, было внѣ сомнѣнія ученіемъ глубоко революціоннымъ, и на всѣ попытки первыхъ христіанъ устроиться „по божески“ на землѣ (церковно-коммунистическія общины въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія) слѣдуетъ смотрѣть какъ на наслѣдство этой революціи, какъ на дѣятельное освобожденіе отъ міровой трагедіи. Понятно, что тѣ народы, которые непосредственно не переживали упомянутой трагедіи, не доросли и до христіанскаго жизненнаго строя Неудивительно также поэтому, что германцамъ, славянамъ и т. п., „принявшимъ“ христіан-

ство, не по плечу оказалась и его этика, выросшая какъ прямое слѣдствіе сознанной имъ жизненной трагедіи Имманентные законы соціальныхъ сношеній въ средѣ этихъ народовъ и греко-римское наслѣдіе въ государственно-правовомъ отношеніи тоже не совсѣмъ благопріятствовали христіанской жизни. Естественно, выростала католическая теорія компромиссовъ, духовно-церковный универсализмъ и государственный сепаратизмъ, и въ нѣдрахъ средне-вѣковаго міра зародилась борьба между „божескимъ“ и „человѣческимъ“ началомъ. Борьба за свободнаго человѣка, живущаго по духу Евангелія, стала лозунгомъ всѣхъ угнетенныхъ элементовъ вплоть до крестьянина, стремившагося сбросить иго феодализма и римскаго права. Борьба велась на нѣсколько фронтовъ. Государство то шло съ церковью, то боролось съ нею, какъ и съ феодально-государственнымъ сепаратизмомъ; индустріальное творчество и его носители рвались изъ цѣпей цеховой регламентаціи. Въ этой грандіозной междуусобной войнѣ люди поперемѣнно взывали къ тѣнямъ христіанскаго индивидуализма, античнаго натурализма и цезаризма. Результатомъ слегка намѣченной здѣсь игры силъ явились протестантизмъ, либерализмъ и просвѣщенно-полицейское государство, духовное содержаніе котораго суммируется идеологіей первыхъ двухъ теченій.

Я не пишу исторіи и мнѣ хотѣлось-бы только рельефнѣе выдѣлить сознательный ферментъ нашей исторической эры, чтобы впослѣдствіи яснѣе стала проблема и задача соціалистическаго міросозерцанія. А ничто больше, чѣмъ либерализмъ и протестантизмъ, ведущій къ современному демократизму, не выражаетъ такъ содержанія переживаемой эпохи. Протестантизмъ есть по существу христіанство, вывер-

нутое на изнанку Въ радостяхъ и свѣтломъ воображеніи живетъ вымыселъ царства Божія Личное нравственное усовершенствованіе съ цѣлью пересоздать человѣческій міръ въ нравственный міропорядокъ, въ нравственную земную церковь—есть высшій соціальный пунктъ, котораго протестантизмъ достигъ въ лицѣ вѣрныхъ ему по духу европейскихъ философовъ. Все существо человѣка свелось къ нравственной возможности, къ обладанію „совѣстью". Индивидуалистическая и соціально-пассивная нравственность Лютера переходитъ въ активно-соціальную нравственность нѣмецкаго классическаго идеализма. Всѣ люди, масса, какъ нравственные субъекты имѣютъ одинаковое право на пріобщеніе къ культурѣ. Демократическій идеалъ, а не сепаратическій либерализмъ долженъ стать руководящимъ при выставленіи соціальной программы Христіанство первыхъ вѣковъ обращается съ своею проповѣдью къ бѣднымъ классамъ, къ изстрадавшимся массамъ, протестанство имѣетъ въ виду просто человѣка, лишь-бы тлѣлась въ немъ искорка Божія Но, несмотря на это, тамъ больше соціальнаго сознанія и универсализма, чѣмъ въ соціальномъ индифферентизмѣ протестантства, которому важна только добрая воля, такъ сказать, внутренняя культура. Измѣнить въ корнѣ соціальную жизнь, на его взглядъ, ирраціонально, противоестественно, и только выросшій на его почвѣ демократизмъ видитъ въ этомъ необходимость, вытекающую изъ общаго всѣмъ нравственнаго постулата. Протестантизмъ удовольствовался только тѣмъ, что снялъ запретъ, лежавшій на хозяйственно-соціальной энергіи „эмпирическаго" человѣка, демократизмъ-же при свѣтѣ идеи-вѣры объявляетъ желанія массы—нравственными и почти-что святыми. Въ горячую почву конкретной человѣческой

борьбы онъ несетъ свое нравственное зерно и защищаетъ права человѣка, какъ качественно-отличной субстанціи, безотносительно къ соціальному положенію, которое тотъ по волѣ судьбы занимаетъ. Демократизмъ какъ-бы знаменуетъ собою человѣка, который послѣ долгаго періода самоопредѣленія и самобичеванія рѣшается наконецъ вступить въ общество себѣ подобныхъ въ надеждѣ, что и ближніе достаточно воспитаны. Съ подобными ближними можно заключить общественный договоръ на благо всѣмъ. Но безъ основной идеи протестантизма не возможенъ былъ-бы ни этого рода демократизмъ, ни идеалистическій организмъ нѣмецкой философіи. Протестантизмъ, какъ идея въ видѣ чувства и простого воззрѣнія, расширился въ идею, созидающую мысль и волю, и на лицо оказались всѣ тѣ духовные элементы, съ помощью которыхъ можно было серьезно подумать о преодолѣніи протестантскаго дуализма между вѣрой и разумомъ, между внутренней культурой и внѣшней соціально-объективной. Демократизму не суждено было взять на себя этой грандіозной задачи; онъ дальше нравственно-политическихъ требованій не пошелъ. Этимъ занялась европейская идеалистическая мысль, отчего, какъ увидимъ ниже, съ нею навсегда укрѣпился союзъ соціализма.

Протестантизмъ и либерализмъ сошлись въ пунктѣ провозглашенія единичнаго человѣка цѣлью бытія. Но въ первомъ человѣку оставалось самого себя услаждать, въ либерализмѣ его услаждало естественное развертываніе силъ Центральная форма цивилизованной жизни, трудъ, отданъ былъ въ рабство закономѣрныхъ механизирующихъ процессовъ и классовъ общества, живущихъ въ силу господства и подчиненія себѣ народной массы. Тутъ протестантизмъ въ ши-

рокомъ смыслѣ старался навязать новому человѣку совѣсть, создавъ помимо технически-практическаго отношенія къ вещамъ и людямъ еще безкорыстно-нравственное и эстетическое отношеніе. Духовное теченіе мысли, связанное съ принципомъ качественной оцѣнки міра, стало живымъ укоромъ для грубаго индустріальнаго утилитаризма, пока оно не выросло въ живую соціальную силу На высотахъ человѣческаго творчества этическія, религіозныя, эстетическія, научно-теоретическія, техническія и соціально-государственныя отношенія слагались въ грандіозный культурный организмъ, гдѣ, по замыслу творцовъ его, мотивомъ къ жизни должно было стать само стремленіе къ созиданію сплошного культурнаго царства. Но этой свѣтлой мечтѣ европейскаго человѣчества пока не суждено было осуществиться: она не находила соотвѣтствующихъ соціальныхъ формъ. Духовное содержаніе эпохи распалось на двѣ новыхъ противоположности, на технически-утилитарное отношеніе къ вещамъ и людямъ и на чисто духовно-качественное, лишенное цивилизирующихъ стремленій. Либерально-индустріальный порядокъ въ свою очередь гналъ отъ себя всякое болѣе глубокое воздѣйствіе духовно-качественнаго или чисто-культурнаго принципа на соціальныя отношенія, и духовно-идеалистическое теченіе культуры, если не считать отдѣльныхъ демократическихъ попытокъ, обречено было на соціальное безплодіе Для дальнозоркихъ мыслителей не оставалось дольше сомнѣнія, что такое положеніе вещей задержитъ ростъ культуры и можетъ даже повести къ сильной реакціи

Классическая идеалистическая мысль, которой по праву гордится научный соціализмъ, уже въ лицѣ Канта предприняла походъ противъ механизма жизни,

утверждаемаго либерализмомъ и только Гегелю суждено было сдѣлать теоретическую попытку выйти изъ дуализма духовно-качественнаго и количественно-натуралистическаго принциповъ культурнаго существованія. Философія Канта есть, въ цѣломъ, философія культуры, занимающаяся установленіемъ сущности, цѣнности, границъ и смысла содержанія человѣческой жизни, всей системы человѣческихъ отношеній отъ технически-практическихъ до безкорыстно-духовныхъ. Первой предпосылкой культурной исторіи Кантъ полагаетъ абсолютно-свободнаго человѣка, человѣка—созидателя міровыхъ законовъ и вообще всего духовнаго содержанія жизни. Но какъ выраженіе природы человѣкъ-законодатель самъ подверженъ дѣйствію имъ же установленныхъ естественныхъ законовъ. Поскольку человѣкъ открываетъ собою творческое начало новаго, цѣлесообразнаго міропорядка—онъ нравственный или культурный субъектъ. И только люди какъ разумные, нравственные субъекты принимаются въ разсчетъ, когда идетъ рѣчь о строеніи культурнаго міра, въ которомъ, какъ и въ протестантизмѣ, на человѣка можно глядѣть не только какъ на средство (натуралистически—количественно) но, въ согласіи съ творческимъ началомъ жизни, и какъ на самоцѣль (духовно-качественный принципъ). Къ какого рода трагической дилеммѣ ведетъ кантовское культуровоззрѣніе, и какъ носитель его, человѣкъ категорическаго императива, на каждомъ шагу преслѣдуется всѣмъ ходомъ соціальной исторіи, я выяснилъ въ другой моей работѣ. За недостаткомъ мѣста мнѣ остается отослать читателя къ ней [1]). Только

[1]) См мои ст. „Der Mensch des Kategorischen Imperativs“ въ изд. „Europa“. Berlin 1905, № 7 и „Hermann Cohen als

объ отношеніи Канта къ истинно-правовому государству, этому соціальному ферменту демократизма, мнѣ нельзя здѣсь не сказать нѣсколько словъ Вѣдь правовое государство въ пониманіи Канта является значительнымъ шагомъ впередъ, чтобы облечь духовно-качественный принципъ жизни въ соціальную форму. Въ противоположность къ либерализму, для котораго право отождествляется съ хозяйственно-политической силой, Кантъ постулируетъ право какъ продуктъ неприкосновенности свободнаго проявленія каждаго лица. Съ этой точки зрѣнія государство есть правовой союзъ свободныхъ людей, свобода которыхъ только тогда требуетъ ограниченія, когда она мѣшаетъ свободѣ другихъ членовъ союза. „Государство есть объединеніе множества людей согласно правовымъ законамъ“, т. е. сообразно закону сосуществованія свободъ или человѣческихъ законодательствующихъ воль. Право, основанное на свободномъ сосуществованіи людей, есть цѣль государства и опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ границы его дѣятельности. И здѣсь рѣшеніе не затрагиваетъ положительной стороны соціально-духовной проблемы. Дано, правда, новое пониманіе свободы. Свобода отнынѣ (въ демократизмѣ) есть законодательная сила, а не простое стремленіе къ независимости и изоляціи, но нѣтъ еще понятія коллективной воли. народъ и вообще соціальныя группы являются еще простой суммой отдѣльныхъ воль, признающихъ другъ друга свободными. Каждый здѣсь, какъ выражался Фихте, демонстрируетъ свою свободу на признаніи свободы другого, и наоборотъ свобода ближняго представляетъ собою доказательство отъ противнаго соб-

---

rationalistischer Kulturbegrunder“ въ „Documente des socialismus“, № 4, Bd V.

ственной свободы. Однимъ словомъ, въ демократизмѣ, рожденномъ протестантской мыслью, формы, въ которыя облекается соціальная жизнь, лишены еще значенія самодовлѣющихъ и раскрывающихся идей. Соціальная жизнь играетъ для человѣка роль дѣйствительности второго порядка. Дуализмъ между качественнымъ и количественнымъ началомъ, въ особенности-же между индивидуальнымъ и соціальнымъ остается еще въ силѣ. Преодолѣть его выпало на долю Гегеля и родственнаго ему соціологическаго мышленія. Но говорить объ этомъ, значитъ говорить о побѣдѣ надъ проблемой эмансипаціи, значитъ, въ сущности, близко подойти къ соціализму.

II.

Основное начало соціализма и его синтетически-творческія послѣдствія.

Въ либерализмѣ и демократизмѣ проблема эмансипаціи искала адекватнаго выраженія и, не найдя его, снова возникла въ видѣ той же проблемы. На долю соціализма выпало наново ее формулировать и разрѣшить. Соціалистическій культуропорядокъ, идущій либерально-демократическому на смѣну, является совершенно новымъ видомъ культурной трансформаціи. Въ наше время принципъ, которымъ проникнутъ соціализмъ, не успѣлъ еще выразиться во всей цѣлокупности и теоретической чистотѣ; раскрытіе его содержанія на каждомъ шагу задерживается историческими силами, по существу соціализму чуждыми, и попеременно за его основу выдаются то натуралистически-количественное начало, то духовно-качественное, а иногда эклектизмъ обѣихъ. Но кто не разучился читать въ ве-

ликой книгѣ исторіи, для того не остается и тѣни сомнѣнія въ поступательномъ движеніи новой специфически-соціалистической идеи, заключающей въ себѣ, правда, въ высшей формѣ и основныя направленія жизни текущей исторической эпохи.

Носителями либеральнаго начала всегда и повсюду руководили, въ соціальномъ отношеніи, стремленія къ самообожанію и къ укрѣпленію себя при помощи особаго вида власти, т. е. при помощи господства на разстояніи (какое развѣ иное названіе подходитъ къ капиталистическому характеру строя?), что свелось въ жизни къ побѣдѣ количественной и грубонатуралистической оцѣнки, приверженцы-же демократической мысли имѣли дѣло съ человѣкомъ, какъ нравственнымъ существомъ, и его они полагали въ основу человѣческихъ отношеній и союзовъ. Демократизмъ сталъ поэтому, болѣе или менѣе скрыто, наслѣдникомъ христіанскаго отношенія къ жизни. И не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что при посредствѣ новой демократической идеи христіанство вторично въ исторіи склонило культуру въ сторону уничтоженія рабства. Я имѣю здѣсь въ виду борьбу за независимость въ американскихъ земляхъ въ XVIII в. Самъ человѣкъ, а не его владѣнія, призванъ на этой плоскости жизни управлять судьбой. Человѣкъ, какъ мы знаемъ, хотѣлъ сказать этимъ міру, что качество, попросту человѣческая душа, а не право на трудъ и цѣнности другихъ, не общественное положеніе,—должно стать масштабомъ соціальнаго существованія. Поэтому и въ государственныхъ вопросахъ власть должна принадлежать большинству народа безотносительно къ его богатству. Но демократизмъ наравнѣ съ либерализмомъ не зналъ понятія народа, какъ особой духовной дѣйствительности, какъ соціаль-

наго синтеза, большой совокупности людей, изъ которыхъ слагается народъ. Либерализмъ и демократизмъ, оба брали начало изъ одного индивидуалистическаго источника, и съ обѣими направленіями мы встрѣчаемся не только въ жизни одной и той-же группы, но часто и въ душѣ одного и того-же человѣка. Вотъ почему такъ трудно бываетъ на практикѣ различать демократическіе и либеральные элементы. До развитія сознанія о соціальной взаимоисключаемости группъ, владѣющихъ производительнымъ капиталомъ и лишенныхъ его, другими словами, до культурнаго обособленія слоевъ населенія, управляющихъ производствомъ соціальной жизни, въ такъ называемомъ третьемъ сословіи, либеральная идея на время встрѣтилась съ демократической и, казалось, что онѣ на вѣкъ сольются воедино. Въ вел. фр. революціи, въ которой принципы жизни новаго времени причудливымъ образомъ переплелись въ одно неразрывное цѣлое, либерализмъ, опиравшійся еще на разумное влеченіе людей, какъ таковое, (Руссо) подалъ братскую руку демократизму, основной предпосылкой котораго всегда были нравственныя apriori. Раціоналистическій либерализмъ констатировалъ и санкціонировалъ разумно-существующее: онъ вѣрилъ, что совмѣстная жизнь „разумныхъ“ существъ приведетъ къ разумной гармоніи. Демократизмъ-же,—по существу этическая доктрина,—уповалъ на «долженствующее быть». Вся вел. фр. революція и отчасти послѣдующее время, если и безъ достаточнаго успѣха, на дѣлѣ все искали согласованія либерализма и демократизма, рода сущаго и должнаго. Къ этой-же цѣли въ сущности стремилась въ лицѣ Наполеона реставрація на свой особый ладъ, на почвѣ просвѣщенно-гражданскаго абсолютизма.

Не всякое, однако, движеніе и объединеніе въ исто-

рiи есть развитiе или прогрессъ Прогрессивной эпохой мы называемъ такую, принципъ которой одновременно заключаетъ въ новой высшей формѣ начала предыдущихъ эпохъ (поскольку онѣ являются не просто продуктомъ исторической игры силъ, а выражаютъ собою онтологическую природу всечеловѣческой культуры) и свою специфическую форму жизненнаго содержанiя Съ этой точки зрѣнiя изъ всѣхъ современныхъ соцiальныхъ воззрѣнiй только соцiализму удалось выставить свою особую идею жизни. Я не берусь здѣсь рѣшать, насколько идея соцiалистическаго культуропорядка исчерпываетъ собою идею культуры вообще, т. е. я оставляю пока открытымъ вопросъ о совпаденiи соцiалистической системы жизни съ концомъ человѣческой культуры. Все наше вниманiе теперь должно быть направлено на то, чтобы доказать прогрессивный характеръ соцiализма въ выше развитомъ смыслѣ, и наша задача будетъ въ значительной мѣрѣ выполнена, если намъ удастся показать, какъ въ соцiалистическомъ культуропорядкѣ бiо-онтологическiя начала переживаемой эпохи, количественное и качественное отношенiя, сущее и должное, и сама проблема о мiровой эмансипацiи человѣка, объ утвержденiи его въ жизни, въ новой всеобъемлющей соцiальной формѣ найдутъ по крайней мѣрѣ свое историческое успокоенiе.

Трудъ есть искомое слово для обозначенiя соцiалистической идеи. Только то, что производитъ жизнь и что искренно сознаетъ себя творцомъ ея, имѣетъ право на управленiе жизнью и можетъ даже дать ей оправданiе. Съ этой простой мыслью подготовляется полнѣйшiй переворотъ во взглядѣ на культуру. Когда трудъ (во всѣхъ его видахъ) становится самымъ очевиднымъ и важнымъ образовательнымъ факторомъ

жизни, тогда этимъ самымъ создается соціологическая возможность для переоцѣнки всего содержанія культуры съ новой трудовой точки зрѣнія. Въ культурѣ среднихъ вѣковъ, напр, главную роль играла земля и ея продукты и вообще домашнее производство, производство для ограниченныхъ потребностей и ограниченнаго круга Трудъ здѣсь не могъ еще сознавать. себя основнымъ созидателемъ жизненнаго содержанія Художественный характеръ городского труда тоже не способствовалъ къ выдѣленію труда, какъ объективнаго творческаго начала. Давать тонъ жизни здѣсь могли лишь тѣ слои населенія, которыхъ историческая игра силъ въ большой мѣрѣ наградила землей и классы, защищавшіе созданный укладъ культуры отъ внѣшнихъ и душевно-внутреннихъ враговъ, т. е. какъ отъ роста внутреннихъ потребностей и отъ внутренняго разлада, такъ и отъ завоевательныхъ притязаній чуждыхъ данному соціальному строю элементовъ. Духовенство и феодально-военное сословіе, церковь и партикуляристическое государство писали законы индивидуальнаго и соціальнаго жизнеповеденія. Они одни были въ собственныхъ глазахъ, какъ и въ глазахъ широкихъ слоевъ народа, единственными творцами того, что мы называемъ культуропорядкомъ. Культура третьяго сословія, культура либерализма опредѣляется господствомъ соціологическихъ группъ, организовывающихъ индустріальное производство и не знающихъ границъ своимъ естественнымъ потребностямъ. При наличности средневѣковой связанности и ограниченности человѣка, борьба группъ за организацію новыхъ формъ труда въ широкомъ смыслѣ *) являлась единственной прогрессивной задачей времени, пока

*) т е также и научнаго труда

трудъ въ болѣе широкой формѣ не занялъ центральнаго мѣста въ укладѣ новой жизни Тогда на сцену міровой культуры стали выступать слои населенія, являющіеся главными носителями труда, и нѣкогда прогрессивный трудъ третьяго сословія подвергся во многихъ отношеніяхъ принципіальной критикѣ. Выросъ вопросъ, котораго не знали предыдущія эпохи. кто есть производитель новой жизни, кто является творцомъ ея, кому принадлежитъ поэтому право давать законы и открывать завѣсы культуры? Проблема эпохи: что есть свободный человѣкъ?—превращается въ болѣе широкую и захватывающую проблему: кто есть творецъ жизни, что есть культурное творчество? Не требуется понятно особаго глубокомыслія, чтобы понять, что такой вопросъ могъ возникнуть только тогда, когда человѣкъ такъ или иначе занялся уже проблемой эмансипаціи, когда человѣкъ уже позволилъ себѣ быть свободнымъ.

Центръ культурно-критической мысли переносится такимъ образомъ въ область экономики, права, а впослѣдствіи психологіи, этики и метафизики; въ самое послѣднее время соціологія, стремящаяся по внутреннему своему содержанію стать тотальной наукой о человѣкѣ, по своему занялась намѣченнымъ выше вопросомъ. Пошли ожесточенные споры о сущности производительнаго труда, о творчествѣ жизни вообще, о силахъ, придающихъ вещамъ и поступкамъ цѣнность, о правахъ на законодательство, споры, которые и по сію пору не замолкли; состязаніе труда съ властью, человѣка—творца съ человѣкомъ, ищущимъ изолирующей свободы и господства на разстояніяхъ (см. выше), едва-ли закончится подобнымъ-же результатомъ, къ какому привела борьба разумно-законодательной и вмѣстѣ съ тѣмъ необузданной

власти либерализма со связанностью средневѣковья. Принципъ грядущаго культуропорядка, бытіе освобожденнаго труда, охватываетъ по своей идеѣ всего человѣка и всѣ основныя стороны предшествующей культуры. Трудъ этотъ заключаетъ въ себѣ оцѣнку количественную и качественную, онъ есть и мысль, и воля, и чувство, онъ сближаетъ человѣка съ природой и создаетъ одновременно условія оцѣнки и содержанія жизни. Уже по своей сущности онъ противоположенъ всякому атомизму, его задача—всегда создавать органически-живую дѣйствительность. Онъ всегда предполагаетъ объектъ (въ видѣ продуктовъ природы и содержанія человѣческой души и человѣческаго-же труда) и двухъ субъектовъ — субъекта, оплодотворяющаго и субъекта, для котораго плоды труда предназначаются. Трудъ есть поэтому тотъ мостъ, который связываетъ царство природы съ царствомъ человѣческимъ, человѣка съ самимъ собою и человѣка съ человѣкомъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ человѣческихъ отношеній, трудъ—самое широкое, по идеѣ своей онъ безъ сомнѣнія представляетъ основное соціологическое явленіе, являясь какъ-бы ячейкой развернувшихся въ исторіи человѣческихъ сношеній.

Если, напр., изъ чисто половыхъ и кровныхъ отношеній вычесть имманентную цѣль этихъ отношеній, т. е. если представить себѣ ихъ безъ присущаго имъ природнаго характера, то въ нихъ больше ничего не окажется. Здѣсь еще отсутствуетъ человѣкъ-творецъ, эта инкарнація труда, здѣсь родовое начало всецѣло руководитъ человѣкомъ, человѣкъ живетъ въ немъ. *Сознаніе*-же, что онъ живетъ для рода, это сознаніе цѣлокупности—чисто культурно-соціологическаго происхожденія. Отдѣльныя проявленія активности, какъ

отношенія власти, подчиненія, страха, активной любви, состраданія, иронии и т. п. не обхватываютъ сущности человѣка, всего его содержанія. Иная картина открывается намъ въ трудѣ. Міровое значеніе труда было, повидимому, знакомо и Марксу, когда онъ въ своемъ «Капиталѣ» писалъ Der Arbeitsprozess in seinem einfachen und abstrakten Moment ist zweckmassige Tatigkeit zur Herstellung von Gebrauchswerten, Aneignung des Natürlichen für menschliche Bedurfnisse, allgemeine Bedingung des Stofwechsels zwischen Mensch und Natur, ewige Naturbedingung des menschlichen Lebens und dahe runabhangig von jeder Form dieses Lebens, vielmehr allen seinen Gesellschaftsformen gleich gemeinsam Въ трудѣ проявляется почти весь культурный человѣкъ, человѣкъ мыслящій и критикующій, ставящій цѣли и стремящійся къ ихъ достиженію, вступающій въ сношенія и оцѣнивающій послѣднія, и просто человѣкъ, чувствующій и созерцающій. Человѣческій трудъ поэтому рѣзко отличается отъ «труда» животныхъ, отъ труда близкаго къ нимъ примитивнаго человѣка и отъ простой біологической игры силъ. Вотъ что пишетъ, правда, мимоходомъ, Марксъ со свойственной ему силой и опредѣленностью въ выраженіяхъ объ этой разницѣ: «Wir unterstellen die Arbeit in einer Form, worin *sie dem Menschen ausschliesslich angehört.* Eine Spinne verrichtet Operationen, die denen des Webers ahneln, und eine Biene beschamt durch den Bau ihrer Wachszellen manchen menschlichen Baumeister. Was aber von vorneherein den schlechtesten Baumeister von der besten Biene auszeichnet, ist, dass er die Zelle in seinem Kopfe gebaut hat, bevor er sie in Wachs baut. Am Ende des Arbeitsprozesses kommt ein Resultat heraus, das beim Beginn desselben schon in der Vorstellung des Arbeiters, als schon ideell vorhanden war. Nichts dass er nur eine

Formveranderung des Natürlichen , bewirkt, verwirklicht er im Natürlichen zugleich seinen Zweck, denn er weiss, dass die Artund Weise seines Thuns als Gesetz bestimmt und dem ersemen Willen unterordnen muss... Ausser der Anstrengung der Organe, die arbeiten, ist der zweckmässige Wille, der sich als Aufmerksamkeit aussert, fur die ganze Dauer der Arbeit erheischt». Къ этому надо прибавить чисто соціологическое отношеніе, которое уже скрывается въ человѣческомъ процессѣ труда. Всякій трудъ что-нибудь объективируетъ, удваиваетъ и умножаетъ, будь-то внутри самого человѣка, или-же внѣ его. Въ процессѣ самого труда происходитъ противопоставленіе элементовъ, что̀ и рождаетъ оцѣнку сознающей себя активности: трудъ уже самъ по себѣ цѣненъ. Цѣнность проистекаетъ здѣсь не только отъ преодолѣнія препятствій, встрѣчающихся въ процессѣ созиданія, какъ любитъ это представлять современное психологическое мышленіе, но и отъ творческаго синтеза, получающагося, какъ результатъ созидательной активности. Съ точки зрѣнія теоріи, объясняющей происхожденіе цѣнности фактомъ преодолѣнія препятствій, трудъ, заключающійся, напр., въ свободной игрѣ физіологическихъ и психическихъ силъ человѣка и вообще трудъ генія долженъ очутиться внѣ категоріи оцѣнки; такъ какъ, слѣдуетъ логично заключать, трудъ всякаго здороваго человѣка является его естественной потребностью и вовсе не сто́итъ ему «труда», то слѣдовательно не всѣ продукты труда современнаго рабочаго подлежатъ оцѣнкѣ; тотъ-же результатъ нужно будетъ примѣнить къ творчеству геніевъ. Но на самомъ дѣлѣ трудъ въ конечномъ счетѣ не потому цѣненъ, что онъ является актомъ преодолѣнія, а потому, что онъ есть актъ созиданія. Все созидаемое человѣкомъ противопоставляется сущему и

уже встрѣчаемому, является чѣмъ-то новымъ и которому, такъ сказать, присуща идея бытія, а слѣдовательно и цѣнности. Даже природа пріемлетъ по стольку цѣнность, по скольку она удостаивается творческаго взгляда человѣка. Жертвы, которыми сопровождается трудъ даже въ нашу эпоху, ничего общаго съ самимъ трудомъ не имѣютъ, а скорѣе суть слѣдствіе историческихъ условій его существованія Трудъ по идеѣ своей есть творчество. Но муки и страданія творческаго труда кореннымъ образомъ отличаются отъ страданій, которыми сопровождается трудъ въ формѣ приспособленія, копированія, механизированія и борьбы съ природными и соціальными препятствіями. Историческая эра, базирующая на понятіи производительнаго труда, имѣетъ сильную тенденцію превратить производителя въ творца и *eo ipso* въ свободнаго творца. И вся борьба производителей съ историческимъ наслѣдствомъ и съ пріемами современной жизни можетъ быть формулирована однимъ лозунгомъ освобожденіе труда! Производительный трудъ,—эта субстанція человѣческихъ обществъ,—продѣлалъ длинную эволюцію, и въ занимающей насъ фазѣ историческаго развитія мы его встрѣчаемъ въ образѣ общественно-необходимаго труда. Онъ заключаетъ въ себѣ возможность стать обязательно-объективнымъ, иными словами, въ немъ обнаруживаются черты всеобщности, черты теоретической истины. И этотъ освобожденный трудъ, который не вызывается больше къ жизни мотивами, чуждыми первой потребности человѣка въ творчествѣ, а являетъ собою творчество и истину въ одно и тоже время, соціализмъ поднимаетъ на ступень идеи надвигающейся культуры.

Трудовая идея неуклонно ведетъ къ новой общественной классификаціи людей. Классификація, по-

кающаяся на юридическомъ понятіи собственности, не захватываетъ такъ далеко общественныхъ группъ, какъ это дѣлаетъ общественный трудъ. У соціалистовъ временъ реставраціи, искавшихъ новыхъ научныхъ основъ общественной жизни и политики, замѣчаются попытки, хотя и слабыя, опредѣлить, при помощи понятія производительнаго труда, принадлежность той или иной группы къ тому или иному классу и вмѣстѣ съ тѣмъ постулировать понятія коллективныхъ общественныхъ цѣлыхъ. Быстрый ростъ національнаго хозяйства и обнаружившееся углубленное соціально-техническое раздѣленіе труда побуждали научную мысль рѣшать вопросъ объ индивидуальной жизни въ связи съ проблемой объ общественномъ устройствѣ и о формахъ соціальной активности, которыя дѣлаютъ возможнымъ существованіе общества. На мѣсто стараго либерально-атомистическаго мышленія стало развиваться новое соціологическое, первыми рѣшительными поборниками котораго въ новое время выступили соціалисты и которому Гегель придалъ реалистическій характеръ (въ средневѣковомъ смыслѣ слова). Соціализмъ въ лицѣ С.-Симона, смутно догадываясь, что производительный трудъ есть формирующій принципъ индивидуальной и общественной жизни, логически заключалъ, что жизненная возможность продуктивныхъ группъ совпадаетъ въ конечномъ счетѣ съ интересами всей общественной культуры. Понятіе объ „общественномъ благѣ“ лишено было своего фантастическаго характера, и оно вмѣстѣ съ тѣмъ по содержанію своему оказалось больше простой суммы интересовъ отдѣльныхъ членовъ общества. Мы почти-что договорились до соціологическихъ идей. И впослѣдствіи стали дѣйствительно обнаруживать существованіе идей не въ головахъ одинокихъ мыслителей, а въ

бурной жизни соціальнаго космоса. Производитель, какъ возможный носитель идеи труда во всемъ ея соціологически-культурномъ объемѣ, торжественно занялъ подобающее ему мѣсто единственно искренняго поборника всекультурнаго прогресса. Отнынѣ соціологическая классификація общественныхъ элементовъ ведетъ неустанную борьбу съ классификаціей по признакамъ этническимъ, психическимъ, политическимъ и историко-философскимъ. И всеобъемлющая соціологическая классификація остается по существу неотъемлемымъ методомъ соціалистическаго міросозерцанія. Намъ здѣсь нѣтъ дѣла до политическихъ, чисто личныхъ и т. п. мотивовъ, приведшихъ къ мысли о рабочихъ (производительныхъ классахъ), какъ о „естественныхъ“ поборникахъ общественно-индивидуальнаго прогресса. Мы должны только вскрыть содержаніе идеи производительнаго класса, которое явится одновременно содержаніемъ соціалистической культуры. Совпадаетъ-ли тенденція послѣдней съ культурой вообще,—должно стать предметомъ особаго изслѣдованія.

Человѣкъ—производитель по преимуществу, ставитъ себѣ совершенно другія цѣли, нежели, напр, человѣкъ—правитель. Власти и независимости!—требовали либерально-индустріальные классы; труда, только общественно-полезнаго труда,—желалъ производитель на зарѣ своего выступленія на историческую сцену. Сколь много трогательныхъ чертъ обнаружилось въ этомъ глубоко серьезномъ, почти что инстинктивномъ требованіи рабочихъ классовъ И въ этомъ скромномъ призывѣ современнаго производителя заключалась гордая программа жизни, въ немъ видно было великое спокойствіе творца, которому чужды всѣ мелкія чувства зависти, жизни на чужой счетъ и

т. п. „Хлѣба и зрѣлищъ!“, какъ идеалъ жизни, могло зародиться только въ рабской душѣ деклассированнаго древне-римскаго пролетарія. Современный рабочій не деклассированъ, не „пролетарій“, а производитель, который уже начинаетъ догадываться о творческой миссіи, выпавшей на его историческую долю. Его орудіе жизни—трудъ (и это не простое пророчество) должно дальше развиваться согласно своему назначенію, своей внутренней идеѣ. Другими словами, трудъ хочетъ стать свободнымъ, какъ отъ чисто естественно-біологическихъ (животныхъ) мотивовъ, такъ и отъ мотивовъ голода и міровой скорби. Тайная цѣль производителя, это—трудиться не въ силу чисто эстетической игры мускуловъ, мышленія и воли и не въ силу борьбы съ пустотой жизни и съ имманентными страданіями ея или простого самосохраненія, что относится больше къ временно-историческимъ мотивамъ жизни: затаенная страсть производителя заключается въ трансформаціи всѣхъ подобныхъ условій жизни въ адекватный идеѣ труда мотивъ, въ индивидуальное и соціально-міровое творчество. Проблема либерально-демократической эпохи о свободѣ личности, перешедшая въ проблему современнаго соціализма, въ проблему освобожденія рабочихъ классовъ, найдетъ свое успокоеніе лишь въ эпохѣ общественнаго господства идеи труда, этого принципа соціалистической культуры Съ точки зрѣнія послѣдней, весь современный культуропорядокъ долженъ пойти на сломъ и, въ лучшемъ случаѣ, трансформироваться.

Принципъ труда и связанная съ нимъ идея класса производителей не есть, какъ видно, простая фантазія досужей мысли. Онъ глубоко коренится въ конечномъ бытіи соціально-индивидуальной системы жизни и во всемъ наслѣдіи поступательнаго хода исторіи. Идеа-

лизмъ соціализма есть поэтому, въ противоположность къ идеализму прошлыхъ временъ (а каждая эпоха формулируется какой-нибудь господствующей идеей),— соціологическій идеализмъ *), охватывающій цѣлокупность культурнаго содержанія жизни. Въ качествѣ соціологической идеи, дѣятельность класса производителей не есть продуктъ политической ситуаціи; она не вызвана исключительно къ жизни стремленіемъ другихъ классовъ заставить его служить своимъ временно-историческимъ задачамъ Вѣдь соціально-историческая ситуація никогда не въ состояніи объяснить намъ позитивныхъ побужденій и строительныхъ задачъ, заложенныхъ въ рабочемъ классѣ. И даже оборонительная политика послѣдняго вытекаетъ по существу своему изъ его идеи строительства. Въ той мѣрѣ, въ какой индивидуальныя и соціальныя проявленія рабочаго класса носятъ именно такой положительно-созидательный характеръ,—онѣ глубоко соціалистичны. И только въ этомъ случаѣ онѣ и соціалистичны.

Съ помощью соціалистической идеи, этого непосредственнаго продукта соціологическагомышленія, творцамъ соціализма въ прошломъ вѣкѣ удалось пріобрѣсть господство надъ всѣмъ, такъ сказать, соціальнымъ эмпиризмомъ и раздробленностью жизни. Въ этомъ смыслѣ соціологическій идеализмъ Маркса, величаемый по историческому недоразумѣнію матеріализмомъ, оказалъ новому времени неисчислимыя услуги. Но навряд-ли удалось-бы Марксу безъ реалистическаго идеализма Гегеля добраться до своей соціологической доктрины. Марксъ однако не совсѣмъ освободился отъ одновременнаго тройственнаго вліянія пріемовъ атомистически-количе-

*) Подробное развитіе системы соціологическаго идеализма я надѣюсь дать въ особой книгѣ.

ственнаго мышленія либерализма, отъ духовно-качественнаго демократизма и философскаго идеализма и соціологическаго „реализма“, т. е. идеализма Гегель, учитель Маркса, сдѣлалъ серьезную попытку синтетизировать качественную и количественную точки зрѣнія Марксъ прибавилъ къ этому еще соціологическое содержаніе, на которое указывали французскіе соціалисты. Конечное бытіе, или міровой духъ, заключающій, въ себѣ по Гегелю, и міръ количества (въ пространствѣ) и міръ качества (по времени), міръ природы и міръ человѣческой исторіи, приводимые въ силу діалектическаго развитія въ связь другъ съ другомъ и вообще къ одному духовному знаменателю, Марксъ какъ-бы желалъ свести къ соціологическому единству. Въ этомъ его философская заслуга. Когда Марксъ пишетъ, что не сознаніе производитъ бытіе, а бытіе приводитъ къ сознанію, онъ этимъ, въ началѣ своей научной дѣятельности, хотѣлъ сказать, что соціальныя отношенія людей, вытекающія изъ соціологической структуры общества, представляютъ собою то сознаніе, которымъ исчерпывается содержаніе культуры. Начиная съ Канта, философія неустано работаетъ надъ проблемой: какова онтологія культуры, какъ и чѣмъ живетъ міръ человѣческій? Для разрѣшенія ея Кантъ написалъ три «критики», цѣль которыхъ заключалась въ томъ, чтобы исчерпать основное содержаніе всѣхъ формъ человѣческихъ отношеній. Но Кантъ еще боролся съ критическимъ и онтологическимъ взглядомъ на вещи. Опредѣляя формы человѣческихъ отношеній (теоретическую, этическую и эстетическую, исчерпывающія въ либерально-протестантской эпохѣ содержаніе культуры), онъ съ одной стороны оставлялъ еще мѣсто для другого, внѣ этихъ трехъ формъ лежащаго вида бытія (вещь въ себѣ), а съ другой—отож-

дествлялъ, по формулѣ tantum scimus, quantum sumus, познаніе и содержаніе жизни. Для Гегеля-же *дѣятельное познаніе* исчерпывало собою и все содержаніе міра. Его философскія стремленія можно выразить формулой: quantum scimus, tantum sumus. При помощи ея Гегелъ надѣялся преодолѣть дуализмъ между міромъ, гдѣ царствуетъ причинность, и міромъ свободы, между протестантизмомъ и либерализмомъ, между „вещью въ себѣ“ и конкретно даннымъ явленіемъ, между идеаломъ и дѣйствительностью. Идея или, что одно и тоже, активное содержаніе человѣческой культуры, сводимое къ познанію, объемлетъ оба царства. Сознаніе въ своей высшей чистой формѣ „мыслить мысль“, какъ выражается Гегель въ своей энциклопедіи, исчерпываетъ собою все содержаніе человѣческаго міра, а слѣдовательно и міра вообще Идея или понятіе существующаго въ видѣ исторической дѣйствительности не есть простая абстракція существующаго, а содержитъ in potentia все содержаніе этого понятія. Иными словами, духовная дѣйствительность, получающая свое выраженіе въ проявленіяхъ разума, является единственно истиннымъ міромъ. Раскрытіе и послѣдовательное развитіе всеобъемлющей идеи или духовнаго бытія является одновременно процессомъ созиданія, какъ и познанія міра. Только познавая міръ, только въ силу постепеннаго приведенія его къ высшему сознанію, понятіе міра пріемлетъ конкретное содержаніе; универсально-безличное становится исторически индивидуализированнымъ. Познать и сознавать здѣсь означаетъ духовно различать, видѣть и создавать. Все конкретное разнообразіе человѣческой исторіи есть только воплощеніе всеобъемлющей абсолютной идеи или духовной дѣйствительности, распавшейся въ силу законовъ развитія на многочисленныя историческія

идейныя реальности, какъ народы, государства, группы, классы и т. д. Только поднявшись на абстрактную высоту и обозрѣвъ всю исторію міра, можно увидѣть, какъ исторически-данныя идейныя реальности или творческіе центры исторіи, въ силу свойственной имъ индивидуальной природы, противоположны другъ другу, а въ силу общаго имъ идейнаго источника сходны другъ съ другомъ. Эта внутренняя двойственность объемлющихъ дѣйствительность идей-реальностей вноситъ борьбу и движеніе. Выражаясь языкомъ логиковъ, мы скажемъ. имманентное подчиненіе дѣйствительности законамъ идентичности и противорѣчія ввергаетъ ее въ процессъ развитія. На послѣдней ступени развитія идеи, т. е. дѣйствительности міра, противорѣчія и противоположности компенсируются.

Вернемся, однако, къ Марксу. Духовный реализмъ Гегеля укрѣпилъ и его въ соціологическомъ реализмѣ французскаго соціализма. Какъ и учитель, Марксъ и его современники полагали, что идея—шире и сильнѣе единичныхъ явленій и желаній людей. Только идея Маркса не носилась на орлиныхъ крыльяхъ мірового духа, какъ у Гегеля, а обхватывала категоріи исторической жизни народовъ. Идея рабочаго класса, какъ послѣдняя въ хронологическомъ порядкѣ идея исторіи, должна была заключить въ себѣ богатство предыдущихъ идей-реальностей. Борьба идей, т. е. формъ коллективнаго, цѣлостнаго сознанія, или въ конечномъ счетѣ методовъ культурнаго отношенія, перешла теперь въ борьбу общественныхъ классовъ, въ борьбу идейныхъ реальностей. Но раскрытіе содержанія идеи рабочаго класса, другими словами, структура соціалистической культуры у Маркса и его школы ушли на задній планъ. Критика и анализъ совре-

меннаго соціальнаго уклада и выработка методовъ борьбы рабочаго класса съ другими враждебными его цѣлямъ общественными силами совершенно поглотили вниманіе марксистскаго соціализма. Поставленные въ положеніе борцовъ противъ безъидейной индустріально-либеральной системы жизни, марксисты сами часто теряли идейное содержаніе. Не являясь творцами соціалистическаго культуропорядка, марксисты должны были на личномъ примѣрѣ убѣдиться въ силѣ либерально-натуралистическихъ пріемовъ жизни. Ихъ собственное созидательно-идейное начало подверглось атрофіи, что, въ концѣ концовъ, торжественно подтвердилось доктриной, обратившей идею и вообще методы культурной жизни въ идеологію, въ наполеоновскомъ смыслѣ этого слова. И намъ приходится съ грустью констатировать, что даже въ соціальныхъ твореніяхъ соціализма, какъ, напримѣръ, въ его профессіональныхъ союзахъ, хозяйственныхъ коопераціяхъ и политическихъ партіяхъ, нерѣдко еще имѣетъ мѣсто та самая культура силы, господства и вообще жизненнаго атеизма и нигилизма, противъ которой соціализмъ обязанъ вести непримиримую борьбу. А вѣдь въ нѣдрахъ всѣхъ этихъ соціалистическихъ взаимоотношеній производителей должна зародиться соціалистическая культура, должно вырости новое историческое бытіе Если въ индивидуальной и собственной соціальной сферѣ жизни производителей ростъ дѣйственнаго соціалистическаго сознанія не успѣлъ еще обнаружиться во всей своей силѣ и красотѣ, то за то въ борьбѣ рабочихъ классовъ съ враждебными имъ историческими силами сказалось присутствіе идеалистическаго реализма марксистской соціологіи. Завершеніе раздробленной эмпирической борьбы за существованіе и развитіе людей Марксъ

мыслилъ, какъ борьбу сознающихъ свое историческое назначеніе общественныхъ классовъ. Этимъ воззрѣніемъ всякое сознательное столкновеніе производителей со старыми классами поднималось на ступень принципіальной, идейной борьбы Выставляя въ процессѣ этой борьбы въ качествѣ аргументовъ не только эгоистическіе, временные интересы, но и требованія идеи и принципа жизни труда, соціализмъ, а съ нимъ и все государственное сознаніе сдѣлало важный шагъ впередъ по пути культурно-духовнаго оплодотворенія жизни. Основная мысль Гегеля объ идентичности процесса культурнаго созиданія и сознанія созидателей дала въ марксистскомъ соціализмѣ богатые плоды. Борьба новаго, по содержанію своему адекватнаго соціальному цѣлому, класса противъ отживающихъ формъ соціальнаго существованія является, такимъ образомъ, одновременно и теоретическимъ, т. е. общеобязательнымъ аргументомъ. И даже Марксъ вѣритъ въ правоту дѣла производителей не потому, что за ними—физическая сила, а потому, что каждый ихъ шагъ впередъ знаменуетъ собою развитіе историческаго прогресса, т. е. историко-теоретическаго разума И въ этомъ смыслѣ надо понимать Энгельса, когда онъ смотрѣлъ на переходъ современной культуры въ соціалистическую эру, какъ на «прыжекъ изъ міра необходимости въ царство свободы», т. е. въ такой строй отношеній, гдѣ мотивомъ и цѣлью людей является сплошное идейное бытіе или духовная дѣйствительность Въ современной эпохѣ духовное или культурное бытіе призвано только украшать и въ лучшемъ случаѣ санкціонировать «естественный ходъ вещей»; въ соціалистической оно становится стимуломъ и сущностью жизненнаго организма. Какъ идея или духовная дѣйствительность переходитъ въ конкретное

содержаніе всей жизни, и какъ разрѣшеніе соціалистической проблемы является одновременно водвореніемъ идеи культуры вообще, мы увидимъ отчасти на примѣрѣ созиданія соціалистически - культурнаго бытія, этого самаго великаго событія новой исторіи. И мы надѣемся, что производители найдутъ въ нашемъ живомъ словѣ свою собственную затаенную мысль У скептиковъ-же дѣйствительно-конкретнаго идеализма рождаемаго изъ глубинъ современнаго соціальнаго движенія, мы постараемся вызвать дивный, чарующій образъ, заимствованный нами у глубоко-страдавшаго, трагическаго Ницше· свѣтъ самыхъ далекихъ звѣздъ приходитъ позже всего къ людямъ; и пока свѣтъ не достигъ человѣка онъ *отрицаетъ*, что тамъ существуютъ звѣзды. .

III

Религія соціализма.

Объ иррелигіозности нашей эпохи и о принципѣ религіи вообще.—Тенденція соціализма къ религіи и стремленіе религіи стать универсальной.

Борьба за существованіе въ узкомъ соціальномъ мірѣ разростается въ борьбу за жизнь въ мірѣ вообще. Человѣку необходима увѣренность въ безусловной цѣнности, правоспособности и неизсякаемости источника собственныхъ жизненныхъ проявленій. Всякій законченный внутренній строй заключаетъ въ себѣ силы, отвѣчающія всѣмъ этимъ требованіямъ. О системѣ культурной жизни, въ которой люди не могутъ открыть безусловной самодовлѣющей цѣнности, въ которой предвидится конецъ присущей ей активности, и которая, наконецъ, не находитъ объективнаго оправ-

данія своему существованію,—о такомъ соціально-духовномъ строѣ мы обыкновенно говоримъ, что онъ лишенъ религіи, что въ немъ нѣтъ Бога. Въ мірѣ культурномъ, этомъ единственномъ убѣжищѣ человѣческаго индивидуума, такая иррелигіозная система безусловно не имѣетъ права на существованіе, ибо, рано или поздно, безсмысленность существованія проникаетъ во всѣ поры человѣческой души, и общее пониженіе жизненнаго пульса, ослабленіе культурной воли, массовой пессимизмъ или въ лучшемъ случаѣ безшабашная разнузданность слѣпыхъ страстей, инстинктовъ и ограничивающаго кругозоръ и суживающаго душу культа животнаго „я“ пріобрѣтаютъ господство. Строй такъ или иначе неуклонно близится къ трагической развязкѣ. Предпосылки и цѣли каждаго культуропорядка по существу однородны и, смотря по обстоятельствамъ, становятся источникомъ культурнаго роста или-же безплодія и въ концѣ концовъ смерти. Кто привыкъ провидѣть жизнь до конца, и чью мысль постоянно обвѣваетъ горячее чувство, тотъ никогда не удовлетворится временной пользой, доставляемой капризной игрой историческаго момента. Онъ всегда спроситъ себя, во имя чего и для чего совершается ломка старой жизни и созидается новая и взоръ его пытливо будетъ искать «дыханія Господа». Вся исторія человѣческая, по скольку она является процессомъ созиданія и водворенія сотвореннаго, т. е. движеніемъ сознательнымъ, представляется какъ-бы однимъ лицомъ, безпрестанно живущимъ своимъ Богомъ или, по крайней мѣрѣ, ищущимъ его. Безъ этого всеобъемлющаго, животворящаго духъ человѣческій источника жизненнаго строя, безъ довлѣющей себѣ полноты, въ которой утопаютъ всѣ мелкія и быстро преходящія желанія и проявленія, чело-

вѣку грозитъ безконечная пустота, и передъ взоромъ его постоянно носится великій минусъ жизни Согласно съ этимъ мы вправѣ спросить у всякаго реформатора культуры, какъ обстоитъ дѣло съ плюсомъ или минусомъ цѣлокупной жизни въ проповѣдуемомъ имъ новомъ строѣ. Отвѣта на подобный вопросъ мы понятно обязаны добиваться и у адептовъ соціалистической культуры

Въ, такъ называемой, публикѣ и не рѣдко въ средѣ соціалистовъ циркулируютъ самыя нелѣпыя воззрѣнія на соціалистическую религію Одни попросту отрицаютъ за соціализмомъ всякую религію, другіе-же по истинѣ самоотверженную преданность параграфамъ программы соціалистической демократіи, этой чисто политической партіи соціализма, отождествляютъ съ религіозно-соціалистической жизнью. Большинство прямо считаетъ атеизмъ и вообще культъ натуралистическихъ воззрѣній на человѣческую жизнь неотъемлемыми, имманентными сторонами соціалистической системы. Ни исторія, ни, еще меньше, онтологія предмета не въ состояніи оправдать этихъ ложныхъ выдумокъ враговъ и близорукихъ друзей соціализма. Не только, напр, соціализмъ среднихъ вѣковъ (коммунизмъ консума по преимуществу), но и соціализмъ производства (коллективизмъ) XIX вѣка въ большинствѣ своихъ представителей совершенно не понялъ-бы, если-бы его стали упрекать въ отсутствіи религіи. С.-Симонъ началъ съ религіи, а ученики его, эта плеяда первыхъ соціальныхъ реформаторовъ прошлаго столѣтія, кончили великимъ планомъ, «соціальнаго синтеза», „synthése sociale“. Тоже самое можно сказать даже о марксистской школѣ, когда гегемонія въ ней не принадлежала еще ея эпигонамъ. Философія марксизма взглянула въ сущности на религію какъ на согласованіе индивидуальной жизни съ

вѣрой въ прогрессъ исторіи. Подобный же взглядъ раньше былъ высказанъ Пьеромъ Леру. Эпигоны-же марксизма объявили религію дѣломъ излишнимъ, что они изъ дипломатическихъ соображеній выражаютъ положеніемъ: „Религія—дѣло частное“.

Что религіозное сознаніе—глубоко общественное дѣло, что каждый соціальный укладъ жизни прямо или косвенно апеллируетъ къ религіознымъ началамъ, достаточно еще выяснится изъ послѣдующаго изложенія. Насъ сейчасъ интересуетъ больше внутренняя необходимость и специфическая, доступная нашему историческому сознанію, сущность соціалистической религіи, что заставляетъ насъ здѣсь вспомнить о разрѣшеніи эпохой развитой выше проблемы эмансипаціи человѣка. Ибо религія, какъ и другія стороны культурной системы соціализма, тѣсно связана съ выраженіемъ, которое принялъ вопросъ о свободѣ въ либерально-демократическомъ міросозерцаніи.

Культура либерализма полна разрушительныхъ механизирующихъ и разлагающихъ силъ. Свойственный ей порядокъ отношеній провелъ рѣзкую грань между людьми и поставилъ ихъ въ перманентное враждебное отношеніе другъ къ другу; всякая непосредственная, внутренняя связь между ними стала дѣломъ невозможнымъ. Чисто посредственныя отношенія, направленныя на исключительное личное обогащеніе, въ противоположность къ интересамъ ближняго и вообще широкихъ слоевъ народа, смѣнили всѣ внутреннедуховныя сношенія между людьми. Даже организованныя отношенія господъ положенія, какъ торговыя и акціонерныя общества, фабрики, вплоть до политическихъ союзовъ, носятъ глубоко посредственный характеръ, освященный авторитетомъ чужой силы и принудительной власти. Человѣкъ всегда здѣсь

долженъ быть на стражѣ, и горе ему, если онъ искренно довѣрится своему сочлену. Отчужденность человѣка отъ всего человѣческаго и разрывъ его съ живой природой проходитъ красной нитью черезъ всѣ переживанія современнаго человѣка Даже производитель, взоръ котораго рано или поздно долженъ устремиться въ будущее, вѣчно замкнутъ въ своемъ тѣсномъ углу. Машина стала между нимъ и природой, и сепаратизмъ либерально индустріальной жизни часто отрѣзываетъ его отъ творческаго общенія съ людьми, съ которыми его связываютъ исторія, традиціи и въ большинствѣ случаевъ родственная кровь. Машина какъ-бы разрушаетъ его непосредственное чувство господства надъ природой, хозяйственно-индивидуалистическій укладъ подчасъ отнимаетъ у него всякую увѣренность въ близости къ человѣку. Чувство отрѣзанности и глубокое одиночество закрадываются въ душу человѣка, котораго современная жизнь не успѣла еще окончательно механизировать. Искренность и простота въ отношеніяхъ даже среди лучшихъ изъ общества попадаются все рѣже и часто замѣняются откровеннымъ цинизмомъ. Количественныя воззрѣніе и оцѣнка въ конецъ разрушаютъ внутренній союзъ между людьми, непроходимая пропасть отдѣляетъ человѣка отъ человѣка. Неудивительно, что въ такомъ соціальномъ строѣ единымъ, къ чему возсылаются мольбы, о чемъ денно и нощно мечтаютъ и что поддерживаетъ еще культурныя отношенія, являются деньги, это высшее выраженіе количественной точки зрѣнія*), этотъ безыменный источникъ силы и власти. Чего, въ самомъ дѣлѣ, ждать куль-

*) Ср. апологію денегъ въ кн. Г. Зиммеля „Philosophie des Geldes“.

турному духу отъ эпохи, послѣднимъ бытіемъ которой стали деньги! Фазисъ культуры, Богомъ которой сталъ количественно-формальный принципъ, лишенный самъ по себѣ спонтаннаго творчества и жизненной полноты,—такая культура неминуемо опирается въ своемъ существованіи на радикальное обезчеловѣченіе, она граничитъ съ великой пустотой жизни, которую можно на время затушевать, но нельзя уничтожить, можно пожалуй обмануть, но нельзя искоренить. Такому положенію вещей не помогутъ феодальныя добродѣтели господства и сверхчеловѣчности, и пафосъ, выростающій здѣсь на почвѣ необходимо созданныхъ дистанцій между людьми есть пафосъ силы, власти и рабства, лишенный всякаго объединительно-творческаго дыханія и внутренне-свободнаго благоговѣнія и уваженія. Гдѣ тутъ вырости всеобъемлющему, утверждающему и глубоко примиряющему религіозному чувству, гдѣ здѣсь найти мѣсто духовно-міровой увѣренности, этому ферменту всякой религіи! Во всѣ поры современнаго культуропорядка закрадывается безконечное безпокойство и неудовлетворенность, и смущенная душа напрасно ищетъ кругомъ помощи. Для либеральной культуры, если она сохранитъ вѣрность своимъ натуралистическимъ основоположеніямъ, останется только одинъ выходъ, это умножать матеріальныя цѣнности и обогащать матеріальную обстановку жизни. Но способности удовлетворяться матеріальными благами самою природой вещей положенъ предѣлъ. Вотъ почему, между прочимъ, матеріальному богатству не сопутствуетъ въ одинаковой степени богатство внутреннее и духовно-соціальное. Безспорно, матеріальная обезпеченность и соціальная увѣренность—необходимыя условія освобожденія духовной личности.

Но есть предѣлъ, начиная съ котораго умноженіе мертваго богатства и въ особенности современные методы его пріобрѣтенія больше не побуждаютъ къ проявленію культурныхъ силъ, а явно задерживаютъ ихъ ростъ. Главной причиной свободно-культурной непродуктивности слѣдуетъ считать все направленіе ума и души, диктуемое современными способами жизни. Духовная безплодность является почти общимъ достояніемъ современной эпохи. И такимъ образомъ, второе важное стремленіе нашего времени, стремленіе къ безусловной цѣнности посюсторонней жизни свободнаго человѣка, оказывается при свѣтѣ либеральной системы совершенно иллюзорнымъ. Натуралистическій либерализмъ не далъ намъ внутренней свободы и увѣренности, онъ не создалъ также и условій для безпрерывнаго и безконечнаго оплодотворенія бытія.—

Этико-демократическое движеніе, которое съ большимъ правомъ можно назвать больной совѣстью либеральной культуры, тоже не въ состояніи сколько нибудь удовлетворительно разрѣшить разбираемой нами здѣсь религіозно-метафизической проблемы. Правда, демократизмъ имѣетъ передъ собою человѣка, какъ такового; онъ строитъ всю свою общественную и государственную политику на предположеніи равноцѣнности людей. Чисто соціально-этическія соображенія или же необходимость цѣлесообразнаго устройства всѣхъ членовъ общества призваны демократизмомъ урегулировать систему жизни. Не трудно, однако, замѣтить, что какъ нравственный демократизмъ, такъ и раціональный лишены жизненной законченности въ онтологическомъ и историческомъ смыслѣ. «Свободный», этическій и разумный субъектъ витаетъ между Богомъ и природой. Какъ «свободный» въ протестант-

скомъ значеніи онъ дальше себя идти не можетъ, ему приходится базировать на самомъ себѣ. Его различіе отъ индивидуума—атома либерализма состоитъ только въ возможности вступать въ нравственно безкорыстныя отношенія. Но такого рода чистая нравственность, соціальная формулировка которой гласитъ: pereat mundus, fiat justitia, носитъ въ себѣ глубокую отчужденность, могущую всегда, при отсутствіи всеобъемлющаго религіознаго начала, превратиться въ жестокость. Свободная отвѣтственность, постоянно сопровождающая нравственныя сношенія, ставитъ также человѣка въ посредственное отношеніе къ самому себѣ. Вѣдь процессъ этизированія отношеній, т. е. согласованіе ихъ съ нормой общественнаго добра есть самосудъ со всѣми послѣдствіями суда: оправданіемъ, обвиненіемъ, наказаніемъ, уклоненіемъ и т. д. При этомъ цѣль этого рода нравственныхъ отношеній не простирается на жизнь ближняго или собственную въ ея цѣлокупности; она скорѣе всегда направляется противъ данныхъ состояній жизненнаго строя. Будучи обусловлена нестроеніемъ существующаго, этика всегда имѣетъ въ виду то, чего еще нѣтъ. Но будущее, къ которому она стремится, не содержитъ въ себѣ принципіально новаго содержанія. Ея цѣль, лежащая, правда, всегда въ будущемъ, всецѣло исчерпывается устроеніемъ существующаго. Настоящее всегда не совершенно и раздвоено. Если бы идеалъ этики могъ быть осуществленъ, то тогда пропало бы все то содержаніе жизни, ради котораго, по мнѣнію чистыхъ моралистовъ, жизнь достойна того, чтобы ею пользовались. Этическій демократизмъ долженъ поэтому или вовсе не желать полнѣйшаго осуществленія своего идеала или же не вѣрить въ его возможность. Въ обоихъ случаяхъ культуровоззрѣнію демократизма присуща

какая-то внутренняя неискренность и незаконченность. Если наука всегда даетъ законы міру, руководствуясь прошлымъ опытомъ человѣка, а этика (включая сюда и право) имѣетъ дѣло съ установленіемъ законныхъ отношеній въ будущемъ, то религіозное творчество завѣдуетъ настоящимъ. «Настоящее» является тѣмъ фокусомъ, въ которомъ преломляются лучи прошлаго и будущаго. Безъ него нѣтъ увѣренности въ мірѣ, въ его цѣлокупности, нѣтъ религіи. Соціализмъ, идеалъ котораго осуществляется въ человѣческомъ, посюстороннемъ мірѣ, глубоко религіозенъ. Онъ за все время своего существованія стремится доказать человѣку, что культура въ своей идейной законченности и цѣлокупности вполнѣ достойна быть оправданной. Вотъ почему, между прочимъ, религія всегда пользовалась большимъ вниманіемъ въ соціалистическомъ міровоззрѣніи, этика-же призвана была служить аргументомъ второго порядка въ повседневной борьбѣ за соціализмъ.

Отъ воздѣйствія нравственно или раціонально-демократическаго начала субстанція культурной жизни остается въ сущности такой, какой она была до процесса раціональнаго этизированія. Происходитъ только перетасовка въ существующихъ элементахъ строя, перетасовка, правда, важная, обогащающая духовно-соціальное бытіе данной культурной системы. Но общій жизненный типъ въ своей основѣ остается тѣмъ-же. Этика и право относятся къ процессу урегулированія жизни. Проблема культурной жизни далеко не исчерпывается ни *процессомъ законнаго урегулированія жизненныхъ отношеній*, ни даже критикой содержанія жизни и размышленіемъ надъ нимъ (*процессъ образованія и просвѣщенія*) въ основѣ обѣихъ названныхъ здѣсь формъ человѣческаго проявленія лежитъ *про-*

цессъ производства и воспроизводства культурной субстанціи. Сюда относится трудъ, хозяйственное, религіозное и эстетическое творчество, направленное на созиданіе чего-то абсолютно-цѣннаго и органически законченнаго, на созиданіе, отзывающееся въ душѣ отдѣльнаго человѣка какъ цѣлостное переживаніе Имъ въ конечномъ счетѣ живы бываютъ и всѣ остальныя формы активныхъ отношеній.

Сепаратизмъ, раздробленность, антагонизмъ и отчужденность, замѣчающіяся въ либерально-демократическомъ строѣ жизни, суть важные симптомы отсутствія внутренне-свободнаго творческаго союза между людьми, или живого источника культурнаго прогресса. Слѣдуетъ однако оберегать себя отъ смѣшенія этихъ разрушительныхъ силъ нашего времени съ индивидуализированнымъ состояніемъ общества. Индивидуализмъ, рождающійся на почвѣ соціальнаго сотрудничества, общественно-техническаго раздѣленія труда и естественно-историческаго подбора, есть наряду съ фактомъ существованія общества необходимое условіе непосредственно-религіозныхъ отношеній. Религія всегда предполагаетъ отношенія по крайней мѣрѣ, между, двумя облеченными индивидуальными силами міровыми содержаніями, и она всегда является результатомъ побѣды надъ поднятыми на ступень трагизма драматическими конфликтами жизни. Конфликты, преодолѣть которые призвана всеобъемлющая религіозная активность, внутренне связаны съ соціологическими формами существованія, присущи всѣмъ человѣческимъ обществамъ и какъ-бы коренятся въ онтологіи человѣческой души. Постоянно и вездѣ на протяженіи всей исторіи человѣкъ пытается съ помощью всеохватывающаго живого религіознаго сознанія утвердить себя во вселенной и выйти изъ противорѣчія, въ которое ставитъ его про-

тивоположность между внутренней и внѣшней жизнью, между различными стадіями развитія собственнаго «я», между своимъ идеальнымъ, всеобщимъ «я» и воспринимаемымъ эмпирическимъ міромъ. Религіозное сознаніе, совершающее такія чудеса, кующее, такъ сказать, цѣлостное бытіе, не есть случайное явленіе, и его нельзя вызвать по капризу, какъ нельзя заставить солнце вращаться вокругъ земли. Какъ и всѣ остальные виды культурнаго содержанія, оно связано съ развитіемъ и структурой историческаго процесса. Религія не завершаетъ даннаго культуропорядка, какъ его красивая мечта или фантазія, а воспроизводитъ и оплодотворяетъ его. Религіозное сознаніе такъ же реально, какъ реаленъ трудъ и всѣ отношенія, вытекающія изъ его развитія, т. е. изъ превращенія его въ соціально-творческій трудъ. Культура, выростающая изъ труда, проникается и охватывается связью религіознаго чувства, какъ та-же культура объемлется въ ея цѣломъ и въ состояніи полнѣйшей жизни метафизическою мыслью. Что метафизика постулируетъ и опредѣляетъ, что далѣе, въ меньшихъ размѣрахъ, право, этика, политика и воспитаніе пытаются оцѣнивать, направлять и регулировать, то самое религіозное творчество наполняетъ своимъ горячимъ дыханіемъ. Трудъ же въ своемъ развитіи заключаетъ процессы воспроизводства, урегулированія и оцѣнки, однимъ словомъ, все содержаніе культуры. Культура соціализма, цѣль которой превратить, по замыслу Маркса, трудъ въ первую основную потребность, что возможно въ полности лишь тогда, когда трудъ будетъ отвѣчать своей идеѣ, т. е. когда онъ станетъ свободно-творческимъ трудомъ, такая культура явитъ міру и религіозно-творческія сношенія во всемъ ихъ совершенствѣ; источникъ такой

культуры не изсякнетъ, надъ ней будетъ постоянно играть звѣзда безконечности, она будетъ довлѣть себѣ, и, въ силу своего безпрерывно-активнаго характера (что выяснится ниже), содержаніе ея будетъ безусловно цѣнно. Но что такое по существу религія вообще и соціалистическая въ частности, какое опредѣленное мѣсто она занимаетъ въ общей жизни культурной системы, какіе главные этапы она прошла, какъ она насъ ведетъ къ жизни, и какъ современныя соціалистическія формы борьбы и сотрудничества выносятъ изъ нѣдръ своихъ соціалистическую религію мы сейчасъ постараемся систематически прослѣдить.

* * *

Если философія убѣждаетъ насъ въ существованіи закона (одного для всего міра), и наука оперируетъ имъ, то законъ въ религіи обращается въ жизнь, въ творческую интимную связь. Всеобъемлющій законъ, скрывающій въ себѣ вѣчность, становится живымъ Получается слѣдующее соотношеніе:-- *причинность* (область науки): *тождество* (область метафизики)· *интимность* (область религіи) *)

Добытый результатъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ метаисторическимъ и исторически даннымъ сознаніемъ. Философія духа породила собою убѣжденіе въ существованіи закона, натурфилософія выдвинула на первый планъ постулатъ безпрерывности, а философія чувства или души стремится конкретно осуществить имманентность и безпрерывность вселенскаго закона. Метаисторизмъ («метафизика») поднялъ результаты исторически и опытно установ-

---

*) Ср. здѣсь и дальше *мою* ст. «Die Religionsidee» въ журн. „Archiv für systematische Philosophie", Bd. IX, 4 Heft.

ленныхъ гипотезъ и идей на высоту трансисторической вселенской истины и пытался, при ихъ помощи, возвести міросданіе.

Религія, имѣющая своимъ содержаніемъ, въ болѣе узкомъ смыслѣ, интимность міра, есть въ высшей степени имманентное явленіе, лежащее на линіи міровой идеи.

Что за явленіе! Глубокое и высокое, какъ міровой законъ, спускающееся до безднъ, гдѣ созидаются цѣнности, и поднимающееся до легкихъ облаковъ космическихъ сводовъ. Свойственная ему цѣнность интимности открывается намъ съ новой стороны, доказательство о коренномъ жизненномъ значеніи религіозности получаетъ новое подкрѣпленіе. Мы не знаемъ міровой идеи во всемъ ея объемѣ и во всей ея глубинѣ, но религіозное чувство даетъ намъ предчувствіе ея интенсивности, являющейся идеально величайшей интенсивностью міра. Возможно большая интенсивность и экстенсивность эмоціональной, душевной жизни въ ея цѣлостной и всеохватывающей формѣ ведетъ поэтому къ религіозности. Продолжительная интенсивно-внутренняя активность соприкасается уже съ религіозностью.

Стремясь быть тѣмъ, чѣмъ она по своей сущности должна быть, религія становится *міровой* религіей въ смыслѣ преодолѣнія всякій разъ исторически данныхъ границъ времени и пространства, какъ и въ смыслѣ отношенія къ имманентности. Если она становится такой, то конкретный міръ получаетъ всенеобходимость, высшее единство и одинаковую высшую цѣнность. Такимъ образомъ интеллектуальный постулатъ, выражаемый закономъ, расширяется до имманентнаго постулата жизни. Поэтому понятно, что религія наиболѣе полно выражаетъ свой собственный все исчер-

пывающій характеръ въ области культуропониманія или жизнепониманія, въ области самой жизни. И тутъ она еще разъ обнаруживаетъ свое родство съ міровой идеей.

Какъ въ жизни единичной души, такъ и въ жизни всей человѣческой культуры вплоть до міра, какъ такового, замѣчается присутствіе религіознаго сознанія, представляющаго собою вселенскій законъ въ его живой конкретности. Въ психографіи человѣческой души оно носитъ названіе всеобъемлющаго цѣлостнаго чувства *), въ жизни закона міра оно обнаруживается какъ творческая интимность, а какую миссію оно выполняетъ въ онтологіи культурнаго тѣла, мы сейчасъ укажемъ.

Если посмотрѣть на содержаніе культуры конкретно, то тогда оно предстанетъ передъ нами какъ совокупность цѣнностей матеріальныхъ, правовыхъ, эстетическихъ, моральныхъ, научно - теоретическихъ и т. д. вплоть до религіозной, которая въ сравненіи съ остальными должна быть отнесена къ категоріи, синтетическихъ цѣнностей Такимъ образомъ всеобъемлющее міровое чувство души, синтетическая цѣнность даннаго культурнаго организма и вселенскій законъ въ его конкретности (какъ міровая интимность) другъ другу соотвѣтствуютъ, другъ на другѣ базируютъ и совершаютъ свой путь по одному и тому же направленію. Пестрыя событія дня часто обманываютъ философскій глазъ. Историческая накипь затуманиваетъ часто дѣйствительную онтологическую структуру системы культурныхъ цѣнностей. Не рѣдко частичная цѣнность, напр. хозяйственно-правовая категорія, этическій постулатъ эпохи, политическій идеалъ,

*) Подробнѣе объ этомъ см. ibid стр. 433—444.

соціально-гигіеническая норма,—пріобрѣтаетъ въ силу обстоятельствъ времени значеніе верховной, синтетической цѣнности. Но подобно тому какъ «частичное чувство» не можетъ замѣнить мірового чувства религіозности, частичная цѣнность культурной системы не можетъ претендовать долгое время на позицію верховной цѣнности. Имманентно-ограниченное существованіе частичной цѣнности рано или поздно обнаруживается, и несправедливо приложенный къ ней титулъ «синтеза» скоро и неминуемо теряетъ свои величественные аттрибуты. Наиболѣе глубокіе люди, принимавшіе въ свое время частичныя цѣнности за верховную цѣнность культурнаго существованія, чувствуютъ скоро своего рода «безсмысленность культуры» Самозванство разоблачается. И только въ легкомысленномъ и романтическомъ поколѣніи грядущаго частичная цѣнность пользуется своей прежней узурпаторской славой.

Всякій, до конца продуманный культурный строй, всякая позитивно-утверждающая форма оцѣнки жизни не можетъ обойтись безъ религіозной идеи. Съ другой стороны, религія, эта абсолютно связующая и соціализирующая форма жизни, поддерживаетъ тѣсныя сношенія съ данной ступенью культурнаго развитія. И только культурное бытіе наполняетъ ее извѣстнымъ историческимъ «временнымъ» содержаніемъ, и въ свою очередь религія стремится въ союзѣ съ философіей и искусствомъ освободить это содержаніе изъ когтей Гераклита. Среди всѣхъ силъ сознанія идея религіи является самымъ рѣшительнымъ принципіальнымъ борцомъ противъ всякой, такъ называемой, трансцедентности. Прекрасно выражаетъ эту мысль запоздавшій реформаторъ нѣмецкаго по-классическаго духовнаго движенія Шлейермахеръ, когда онъ говоритъ: «кто проводитъ

различіе между «тѣмъ» міромъ и «этимъ», тотъ самъ себя одурманиваетъ, по крайней мѣрѣ, всѣ, имѣющіе религію, знаютъ только одинъ міръ» («Reden» etc., стр. 27. Halle, Hendel.) Религія обнаруживается въ качествѣ сверхъ-исторической имманентности, активныя тенденціи которой сознаются только въ потокѣ историческаго процесса.

Соціально-культурные конфликты, противорѣчія и въ особенности «антиноміи», парализующіе активную интимность, являются въ тоже время задерживающими факторами связующе-творческой религіозности, идеи религіи. Соціальный строй, бѣдный индивидуальными особенностями и индивидуальностями, т. е. не богатый цѣнностями, не представляетъ собою подходящей атмосферы для откровеній активной религіозной интимности. Религія, это чувство—идея, переноситъ жизненную силу, приписываемую трансцедентности и сверхъ-историческому сознанію, вообще, на имманентную культуру; она открываетъ и вызываетъ вновь къ жизни послѣднее бытіе даннаго человѣческаго сознанія Она всегда имѣетъ въ виду жизненное творчество, какъ цѣлое, которое она одновременно стремится увеличить, углубить и расширить. Замѣчательно при этомъ то, что, несмотря на присущую ей динамическую спонтанность, она создаетъ жизненную увѣренность Жизнь момента и историческая раздробленность вообще превращаются ею въ сплошную вѣчную жизнь. Она является поэтому не только необходимымъ, основнымъ положеніемъ константнаго, опредѣляющаго момента культуры, духовной личности и ея исторической объективаціи, но также культурно-педагогическимъ средствомъ первой величины Сущее и должное совпадаютъ въ ней. Впрочемъ, продолжительность должнаго не долговѣчна въ царствѣ

религіозной идеи. Если должное выдерживаетъ испытаніе синтетизирующаго религіознаго бытія, то оно абсорбируется, переводится въ новую сферу и вообще трансформируется. Вліяніе религіи на культуру еще таково, что она вмѣшивается въ активное строительство. Она усиливаетъ чувство, внутреннюю вѣру человѣка въ свою мощь и волю, въ свое право на жизнь, въ свою возвышенность и мудрость. Исключительно изъ факта ея позиціи слѣдуетъ ея оппозиція, которую она, то и дѣло, уготовляетъ колеблющемуся софисту жизни и насмѣшливому цинику. Ея стремленія идутъ такъ далеко, чтобы окончательно искоренить импотентныя узурпаторскія формы жизни. Въ чисто практическомъ отношеніи религія хочетъ привить каждому отдѣльному человѣку чувство міровой уютности, воспитать и приготовить его къ всевластію и господству во вселенной.

Выступающая здѣсь идея преодолѣнія, незаслуженно играющая большую роль въ философіи или психологіи религіи, является изъ ряда вонъ антирелигіознымъ представленіемъ Не она поднимаетъ человѣка на ступень религіознаго самоопредѣленія. Почти то же самое можно сказать объ идеѣ божества,— объектѣ теологическихъ метафизиковъ. Въ чисто религіозной области представленіе божества является при свѣтѣ исторіи прогрессивнымъ въ той мѣрѣ, въ какой она содѣйствовала на относительно низкой ступени культуры сохраненію индивидуальнаго и соціальнаго существованія, главнымъ образомъ тѣмъ, что она внушила человѣку мысль, самому стать нѣкогда «богомъ» и превратить свою жизнь въ «божескую». Аристократическая идея божества породила демократическую мысль о Прометеѣ. Но только въ качествѣ протестанта въ корнѣ соціализированнаго космоса, въ

качествѣ соціологической величины, только на пути общественнаго прогресса улыбается ему идеалъ властелина жизни. Идеалъ всевластелина значительно выше идеала преодолѣнія. Идея преодолѣнія является только романтическимъ преддверіемъ господства и побѣды. Съ ея помощью привыкли къ возможности-- хотя-бы и поверхностно—сводить счеты съ суровой «безсмысленной» дѣйствительностью. Въ этомъ заключается ея онтологически– историческая цѣнность. Въ то время, какъ идея господства прокладываетъ себѣ дорогу черезъ соціально-культурную активность, идея преодолѣнія, какъ продуктъ невзгодъ человѣческой жизни, живетъ исключительно на счетъ отступленія и отрицанія. Неудивительно, между прочимъ, что религіозное стремленіе къ преодолѣнію вступаетъ въ близкое родство съ этическимъ преодолѣніемъ.—

Міровая исторія много разъ бросала религію на ложныя дороги. Причина этого лежитъ не въ, так. наз., эволюціонной безпрерывности, которой иные историческіе репортеры стараются прикрыть свою поверхностность. Неумолимая хронологія и теоретико-познавательныя соображенія направляются часто столько же противъ догмы эволюціи, сколько противъ скачкообразной формы развитія логики противорѣчія. Причину нужно скорѣе искать въ онтологической структурѣ соціальнаго цѣлаго, въ предѣлахъ которой разыгрывается борьба за объективацію культурныхъ благъ. Объективація, изъ за которой ведется борьба въ области религіозной жизни, находится въ интегрирующей зависимости отъ борьбы за объективацію остальныхъ типичныхъ сторонъ культуры. Исторически и соціологически религія обнаруживаетъ сильную тенденцію стать *міровой* религіей, міровой въ двоякомъ смыслѣ этого слова: универсальной и конкретно-имманентной. На нашихъ

глазахъ разыгрывается эта борьба за міровую религію или міровую идею.

Возьму два-три примѣра изъ исторіи, которые могутъ, хотя бы и на очень ограниченной исторической почвѣ, иллюстрировать религіозно-міровую тенденцію.—Уже въ естественныхъ религіяхъ примитивныхъ народностей обнаруживается имманентный характеръ религіознаго принципа Здѣсь имѣетъ мѣсто, такъ сказать, свѣтская оцѣнка, хотя еще не въ соціально-космическомъ смыслѣ. Религія здѣсь—наивное объединеніе свойственныхъ первобытному сознанію элементарныхъ переживаній.—Индусамъ напр., уже суждено было подготовить, хотя и въ отрицательной формѣ, міровую религію. Религія носитъ у нихъ имманентный характеръ, религіозное, или по просту жизненное, совершенство достигается на «этой сторонѣ», «на землѣ». Но только въ силу свойственнаго имъ чистаго интеллектуализма они выставляютъ человѣка, какъ такового, а не опредѣленнаго человѣка племени, государства и націи, какъ возможнаго носителя жизненнаго совершенства. Атомизирующій интеллектуализмъ индусовъ въ состояніи былъ привести къ преодолѣнію міра, но никоимъ образомъ къ положительному господству надъ нимъ. Вполнѣ послѣдовательно они воплощаютъ поэтому совершенство жизни не въ соціально-міровомъ развитіи, но въ сторонѣ отъ него, въ тѣнистыхъ лѣсахъ и затаенныхъ монастыряхъ. Они тоскуютъ по убѣжищу, ибо не чувствуютъ потребности и необходимости въ дальнѣйшемъ строительствѣ соціальнаго космоса и въ продолженіи самооцѣнки и самопознанія; въ нихъ заглохло стремленіе къ творчеству. — Древніе эллины и іудеи придавали религіозному принципу своеобразную соціально-міровую форму. Это было въ ту пору, когда религіозное и національное содержаніе не воз-

можно было еще внѣ локально-пространственной обстановки. Культурныя цѣнности въ формѣ религіозности и національнаго націонализма были слишкомъ слабы для того, чтобы обойтись безъ носившаго ихъ тѣла цивилизаціи. Національная идея, впрочемъ, легшая въ основаніе ихъ культуры, особенно въ виду угрожавшей со стороны варваровъ опасности, ограничивала царство религіозной связанности.—Исторически-міровая тенденція религіи въ пространственно-временномъ отношеніи обнаруживается въ платоно-христіанской системѣ жизни, или въ, такъ наз., религіи спасенія и въ философскомъ пантеизмѣ. Замѣтимъ кстати, что оба теченія развились исключительно на почвѣ мірового владычества Рима. Но въ то время, какъ въ платонизмѣ и пантеизмѣ, вообще, дана возможность преодолѣть дуализмъ между трансцедентностью и имманентностью, съ цѣлью достиженія жизненнаго единства, послѣдующія христіанскія системы не могутъ обойтись безъ упомянутаго дуализма. Идея религіи свернула снова, и надо полагать не въ послѣдній разъ, съ вѣрнаго пути. То было введеніемъ великой «романтической» фазы жизнепониманія. Но одновременно даетъ о себѣ знать также существенный поворотъ въ стремленіи къ реализаціи міровой религіи. Съ этого момента нѣтъ и слѣда національной ограниченности, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, но далеко еще до имманентности. То тутъ, то тамъ проявляется имманентность, какъ функціональная часть религіозныхъ системъ, что имѣло мѣсто напр., въ оффиціально-церковномъ католицизмѣ. Но рѣзко проведенная, почти непроходимая граница между имманентностью и трансцедентностью оказывала смертельное дѣйствіе на взаимоотношеніе культурныхъ цѣнностей и на самый творческій принципъ религіи. Дуализмъ со времени Аристотеля призванъ для того,

чтобы дать свою санкцію мертвому механизированному соціальному укладу,—этому источнику отравы для истинной религіозной интимности. Вѣкъ реформаціи подготовляетъ только внѣшнимъ отрицательнымъ образомъ идею религіи. Въ основѣ реформаціи лежалъ конечно культурный творческій принципъ. Уже тотъ фактъ, что не только отдѣльные духовные вожди, но и широкія народныя массы приблизили религіозно-этическую и хозяйственную жизнь къ качественной оцѣнкѣ, къ категоріи *качества*, говоритъ за это. Но сама реформація оказалась безсильной, когда зашла рѣчь, объ осуществленіи надеждъ ея до-историческаго періода. Въ процессѣ объективаціи на почвѣ индустріально-индивидуалистическаго строя былъ утерянъ религіозный принципъ реформаціи. Внутренне непродуктивная въ духовномъ отношеніи соціально-политическая революція оттиснула къ собственному удивленію, на задній планъ, религіозную реформацію. Новая, религіозно-творческая личность, изъ-за которой велась первоначально широко-задуманная реформаціонная борьба выродилась въ морализированный комплексъ освобожденныхъ физіологическихъ инстинктовъ Снова, какъ мы это развивали выше, создался дуализмъ между духовнымъ и матеріальнымъ началомъ жизни. Борьба противъ «исключительнаго» въ мірѣ перешла въ борьбу противъ «цѣннаго» и «духовнаго» въ немъ. Только въ морали отведено было мѣсто чисто-духовному моменту. Моральное сознаніе, однако, не въ состояніи замѣнить религіи. Нравственность, всегда нуждающаяся для своего жизненнаго выраженія въ конфликтѣ между хотѣніемъ и долженствованіемъ и теряющая безвозвратно, съ достиженіемъ поставленныхъ себѣ цѣлей, свое право на существованіе, нравственность, кончающаяся, такимъ образомъ, пес-

симизмомъ, абсолютно лишена религіозности. Ея свойства однако помогаютъ ей одержать перевѣсъ всюду, гдѣ нужно побороть или разрушить отживающій культуропорядокъ. Созиданіе-же жизнеспособной культуры не можетъ обойтись безъ религіи. Реформація поставила человѣка на собственныя ноги, и въ этомъ я вижу ея великую побѣду надъ враждебной религіи трансцедентностью. Но этимъ она больше обязана собственной исторіи и высокимъ идеямъ возрожденія, нѣкогда взволновавшимъ міръ и открывшимъ передъ нимъ новыя формы совершеннаго бытія. Ликующіе звуки симфоніи возрожденія скоро замерли въ полумеланхолическихъ, жалкихъ аккордахъ лютеранскаго органа. Натуралистическія жизневоззрѣнія либерально-гражданской эры, со всей своей, отмѣченной еще С.-Симономъ, убивающей прозой, заявляютъ о своемъ существованіи, а протестантизмъ оставляетъ свое томленіе по новой религіи. Въ новѣйшее-же время сознательныя аморальныя тенденціи должны быть привѣтствованы, какъ предвѣстникъ приближающейся религіи дѣйствительности.

Новая ступень религіознаго развитія можетъ проложить себѣ дорогу только въ контактѣ съ всеобщимъ прогрессомъ соціальнаго космоса. Въ силу этого религіи дѣйствительности предстоятъ еще многія романтическія фазы. Въ настоящее время проявляются два новыхъ основныхъ религіозныхъ настроенія. Тихо, пугливо приближаются онѣ къ намъ. Индивидуалистическая форма религіи, которая съ самаго начала подвержена опасности потонуть въ интеллектуальномъ иллюзіонизмѣ или субъективномъ мистицизмѣ, и соціальная религія интимности, которая тѣсно сростается съ идеей соціальнаго «пантеизма». Въ случаѣ побѣды соціалистической системы культурной жизни, соціальная интимность можетъ найти свое вы-

раженіе и въ отношеніяхъ человѣка къ соціальному космосу, и въ нѣдрахъ той вселенской церкви культуры, рѣчь о которой впереди. При побѣдѣ соціалистической универсальной культуры, вмѣщающей въ себѣ въ новой формѣ все содержаніе исторіи, соціальная интимность можетъ превратиться въ сближеніе съ человѣкомъ, природой, планетными системами, мыслимыми, какъ единый, живой, духовный космосъ. Міровая религія тогда спокойно будетъ двигаться къ своему тріумфу. Ограниченіе же религіозности сферой узкой интимности между отдѣльными членами соціальнаго универсума можетъ въ конечномъ счетѣ имѣть слѣдствіемъ атрофію самой культурной активности.

Историческая справка.—Черезъ религію къ жизни.

Намъ необходимо сдѣлать теперь историческую рекогносцировку, дабы установить связь между идеей религіи и историческими формами ея, ибо родство между ними непремѣнно должно обнаружиться, разъ только установлено, что религіозное сознаніе есть основное проявленіе мірового закона, онтологіи культуры и носителя ея, духовной личности Но вѣдь «естественный ликъ» религіи не лежитъ позади насъ, его не найти въ сѣдой древности. Идея религіи совпадаетъ съ міровой религіей, изъ-за которой только идетъ борьба, которая лишь созидается. Намъ возможно поэтому проникнуть только въ отношеніе между идеей религіи и ея историческими формами. Для иллюстраціи этого отношенія, подтверждающаго одновременно нашъ взглядъ на религію вообще, мы сдѣлаемъ экскурсію въ область исторіи, не претендуя здѣсь понятно на полноту.

Если оставить въ сторонѣ составныя части религіозныхъ системъ чисто философскаго характера, то

господствуетъ почти трогательное согласіе относительно описательнаго опредѣленія религіознаго явленія. На самомъ дѣлѣ, всѣ сходятся въ томъ, что религія есть отношеніе или обмѣнъ отдѣльнаго индивидуума съ «чѣмъ-то», т. е взаимоотношеніе культурныхъ комплексовъ жизни. Устройство міровой отчизны, созданіе гармонической, уравновѣшенной, всеобъемлющей конкретной міровой реальности—ея постоянная задача. Это «нѣчто», какъ и природа отношенія и характеръ обмѣна, смотря по религіозной системѣ, различнымъ образомъ оцѣнивается и воспринимается.

Это «нѣчто» составляетъ, напр, въ предѣлахъ гуманитарно-естественнаго міра внѣшнее, болѣе сильное, чѣмъ единичный, «эмпирическій» человѣкъ, соціально-духовное или космическое начало. Таковъ характеръ отдѣльныхъ примитивныхъ религій. Народы дифференцированныхъ системъ цивилизаціи, которымъ присуща дуалистическая форма оцѣнки и которые естественнымъ образомъ прибѣгаютъ къ положенію о трансцедентности, придаютъ этому «нѣчто» метафизическій характеръ. Это—богъ, вершитель космоса, судьбы, источникъ творческой міровой силы, всеблагости или совокупности наивысшихъ ступеней развитія, просто «совершенства». Отдѣльный человѣкъ долженъ разсматривать его, какъ свою противоположность, или единичный человѣкъ составляетъ интегрирующую часть «Всевластителя», переходную ступень къ нему (человѣкобогъ въ потенціи). Этимъ воззрѣніемъ пробивается брешь въ дуализмѣ, и пантеизмѣ; въ особенности неясный мистицизмъ, получаетъ такимъ образомъ свѣжій притокъ воздуха Является чувство зависимости отъ предполагаемаго «нѣчто», или преданность ему, чувствуютъ передъ нимъ «страхъ» или благоговѣніе, стараются ему подражать, символи-

зировать его, умилостивлять, любить. Приближаясь черезъ подобнаго рода благоговѣйныя чувства къ далекому «нѣчто», къ собственному идеалу, начинаютъ думать, что оно стало знакомымъ, что оно познано. Сообразно пріобрѣтенному такимъ образомъ познанію проявляютъ свои благоговѣйныя чувства, свое благочестіе. (Въ этомъ напр., нужно искать психологическое основаніе для Amor dei intellectualis Спинозы).

Не трудно отыскать здѣсь общее всѣмъ формамъ сношеній стремленіе. Черезъ расширенное, мощно-творческое интимное отношеніе стараются обрѣсть *жизненную увѣренность*, ищутъ глубоко-реалистической, соціально-космической родины. Вполнѣ соотвѣтствовало примитивному, дуалистически-метафизическому способу оцѣнки, когда искомую опору открывали въ какомъ-то «нѣчто», въ отчужденной и самодовлѣющей силѣ. Собственный міръ былъ еще слишкомъ бѣденъ, чтобы можно было въ немъ открывать «бога». Несовершеннолѣтній человѣкъ, которому въ сущности чуждъ міръ трагизма, еще не рѣшается на собственный страхъ и рискъ, на свою отвѣтственность творить себя и міръ. Человѣкъ уходитъ отъ самого себя, чтобы потомъ послѣ долгихъ блужданій вернуться къ себѣ и себѣ подобнымъ.

Въ натуралистически-динамическихъ воззрѣніяхъ на религіозную проблему обнаруживается та же тенденція, съ тою однако разницею, что ей дается другая, наглядная форма и подчасъ другая интерпретація. Религія—такъ гласитъ здѣсь формула—есть сношеніе индивидуума съ собственными или чужими представленіями, мыслями и воспріятіями опредѣленнаго порядка, религія является актомъ художественнаго, способнаго освобождать отъ внутренней разрозненности отношенія человѣка къ самому себѣ, какъ къ

идеально мыслимому или въ далекое будущее выдѣленному существу, или къ себѣ, какъ къ коллективному понятію, или даже къ собственной расѣ, къ собственному народу, къ развитію человѣчества, къ «другу», «брату», къ идеально-истинному человѣку (homo homini deus), къ себѣ, какъ родовому существу, просто къ роду, ко вселенной. Такое отношеніе или мыслимый духовный обмѣнъ, устанавливаемый въ соотвѣтствіи съ современной наукой, понимается, сообразно обстоятельствамъ, какъ полезная и необходимая, или какъ вредная и излишняя иллюзія.

Опасною для жизни иллюзіей религія считается, такъ наз, «атеистами», этими религіозными паразитами. Атеисты живутъ до извѣстной степени на счетъ ререлигіозности, на счетъ отрицанія идейно-возможнаго и должнаго Имѣются также положительные атеисты. Къ нимъ принадлежатъ нѣкоторые «натуралисты», разсматривающіе религію какъ «предметъ роскоши», который можно «потреблять». Религія, по ихъ мнѣнію, должна служить инстинкту игры и силы, она исчерпывается, «свободно—играющей энергіей» каждаго Но такъ какъ свободно-играющая энергія человѣка постоянно уменьшается въ ходѣ культурнаго развитія, то, сообразно съ этимъ, должно уменьшаться религіозное содержаніе и сознаніе. Трагизмъ иррелигіозности во всей его полнотѣ ощущается «нигилистомъ», атомизированнымъ индивидуалистомъ, который является законнымъ плодомъ натурализма и атеизма, и это потому, что «нигилистъ» чувствуетъ себя внѣ всяческаго противопоставленія, взаимнаго оцѣниванія и по той сторонѣ всякаго соціальнаго порядка и единства. Нигилистъ и составляющіе ему въ этомъ отношеніи компанію современный типъ ученаго средней руки и «атеистъ» особенно одержимы ложнымъ убѣжде-

ніемъ, что въ религіозно-связующей жизни погибаетъ «спеція», теряется индивидуальность. Должно—полагаютъ они—объявить войну всякой религіи, являющейся въ ихъ глазахъ провозвѣстникомъ слабости.

Въ дѣйствительности-же всякая свободно-религіозная форма жизни непремѣнно предполагаетъ индивидуализацію каждаго отдѣльнаго человѣка и живое, безпрерывное соціальное творчество. Въ свободнотворческой религіозной жизни осуждены на смерть не «основная натура» или «характеръ», а атомизированныя, дробящіяся чувства, имманентно ограничивающія ощущенія момента и уступающія здѣсь мѣсто болѣе интенсивной и соціальной формѣ бытія въ видѣ всеобъемлющаго чувства и преисполненной неисчерпаемой жизнью безусловной цѣнности. Только душевная рябь расплывается; индивидуальность не приносится тутъ въ жертву. Наоборотъ, она достигаетъ крайнихъ предѣловъ возможнаго самотворчества совершается таинство сліянія въ реальное «я» сверхъ-историческаго существа съ существомъ злободневнымъ, историческимъ. Человѣку открывается путь, чтобы сдѣлаться постояннымъ творцомъ героической культуры.

Если оставить въ сторонѣ малодушныхъ, слабыхъ, обремененныхъ, суевѣрныхъ, пользующихся соотвѣтственно аггрессивной религіозной жизнью, у которыхъ религія есть средство самосохраненія и консервированія или политически-гигіеническая заповѣдь, то религія обнаруживается въ своей идеально-дѣйствительной формѣ, какъ активное творчество «я» и міра. Она расширяетъ ограниченный эмоціональный горизонтъ и уничтожаетъ тщеславную, легкомысленную индивидуальность. Иррелигіозность-же съуживаетъ, отрицаетъ и уменьшаетъ содержаніе жизни, создаетъ антисоціальную или противомірову волю, ослабляетъ твор-

ческія побужденія, питаетъ смуту и одиночество, словомъ, она не служитъ вѣчности, она антикультурна — Классическій древній міръ хорошо это зналъ.

Часто культивируемое положеніе, что жизненное совершенство не нуждается въ религіозной «опорѣ», представляетъ собою *contradictio in adjecto,* скрываетъ въ себѣ безсмыслицу. Вѣдь религія, вообще говоря, ничто другое, какъ совершенство жизни, какъ вѣра и увѣренность въ немъ, какъ нахожденіе и воспитаніе этого совершенства. И гдѣ его нѣтъ, религія напоминаетъ о немъ и зоветъ къ нему

Какъ основная цѣнность культуры, религія корреспондируетъ со всѣми остальными видами цѣнностей въ космосѣ. Она проникаетъ ихъ по своему. Мысли она даритъ вѣру въ міровой смыслъ (какъ чувство вѣчной жизни, она становится опорой въ стремленіи къ познанію вѣчнаго), живому человѣку она всегда указываетъ на совершенство жизни, на высотахъ метаисторическаго сознанія она вноситъ въ безжизненную міровую причинность и міровое тождество вѣчное дыханіе жизни Жизненная увѣренность человѣка въ мірѣ, какъ таковомъ, также ея дѣло. Религіозная интимность соединяетъ въ болѣе узкой области соціальнаго космоса разнообразіе цѣнностей и выковываетъ такимъ образомъ міровое чувство, конкретный міръ, на которомъ безстрастныя понятія возводятъ потомъ свои причудливыя построенія. Въ природѣ религіи—превращать самотворчество во всемірное творчество, завершающееся въ жаждѣ безсмертія и вѣчной жизни. И если иногда блѣдныя слова историческихъ будней пріобрѣтаютъ силу волшебства, если среди людей замѣчается неугасимая тоска и томленіе, если мы искренно называемъ дѣянія наши священными—всегда тогда ткетъ свою легкую ткань религіозное самотвор-

чество Невидимо приходитъ оно, поднимаетъ и объединяетъ, расширяетъ и примиряетъ насъ съ царственно катящимися волнами мірового потока Мощно и нѣжно будитъ оно чувство настоящей жизни, къ глубокой непосредственности, къ молитвѣ міру Открывается взоръ для всего истинно-цѣннаго и великаго, для достойнаго желанія и необходимаго, и все прошедшее и будущее, «вчера» и «завтра» становятся нескончаемымъ настоящимъ, продолжающимся «сегодня» Это происходитъ не въ силу забвенія, не вслѣдствіе романтической фантазіи, но исключительно въ силу новаго соціально - творческаго акта. Другъ, сестра, братъ, ближній, природа, надежда на побѣду надъ минусомъ жизни, господство надъ міромъ и пересозданіе его въ міръ неизсякаемаго творчества—все начинаетъ радостно дышать, все лучится и свѣтится, все получаетъ свое значеніе и назначеніе. Опять можно прямо и увѣренно глядѣть на міръ, опять улыбается безсмертіе жизни.

Соціальная церковь.

Tua res agitur.

Религіозный принципъ, обнаруживающій живое содержаніе закона даннаго соціальнаго уклада, стремится принять опредѣленныя конкретныя формы. Въ нихъ онъ хочетъ открыть себя, открыть совершенство и полноту. Когда трудъ начиналъ только свою соціальную исторію, человѣкъ былъ органически связанъ со своимъ кровнымъ союзомъ или семьей—производительной и консумирующей единицей въ одно и тоже время, тогда это-же органическое общественное цѣлое являлось въ сознаніи человѣка носителемъ религіозной жизни. Семейный союзъ былъ одновременно союзомъ церковнымъ. Съ развитіемъ раздѣленія труда, съ диф-

ференціаціей культурнаго содержанія и людей на классы и группы, религіозное сознаніе и средство его проявленія (культъ) отдѣляются отъ первоначальной локальной организаціи и образуютъ особую церковную единицу, какъ носительницу и выразительницу совершенства и полноты истинной жизни на землѣ. Оставляя въ сторонѣ данное культурное содержаніе церкви, мы должны посмотрѣть на церковь, какъ на таковую, какъ на выразительницу жизненныхъ отношеній въ ихъ духовно-культурной цѣлости. Первоначальная церковь—по замыслу водрузившихъ ее народовъ—призвана была представлять сущность постигаемаго содержанія жизни, а не быть, какъ впослѣдствіи, посредникомъ между міромъ конкретно-историческимъ и несовершеннымъ и міромъ метафизическимъ. Теократическая государственность, общины первыхъ христіанъ и т. п. организаціи явили поэтому міру картину болѣе полнаго выраженія церковнаго принципа. Наоборотъ, различнаго рода религіозные ордена въ старомъ буддизмѣ, въ религіяхъ египтянъ и нѣкоторыя фазы католическаго христіанства съузили роль церкви до посредника между божественнымъ началомъ и людьми, и церковь здѣсь стала смотрѣть на себя, какъ на единственнаго носителя культурнаго прогресса. Вотъ гдѣ беретъ начало источникъ воспитательнаго значенія церкви въ жизни старыхъ народовъ, и вотъ почему мы, въ особенности въ церкви христіанской религіи, встрѣчаемъ всевозможнѣйшія соціальныя учрежденія, вплоть до рода коммунистическаго сосуществованія. Борьба соціальная и борьба за культурныя формы воздѣйствія на жизнь находитъ звучный откликъ въ жизни церкви и въ ея догматахъ.

Паденіе роли церкви въ новое время имѣло много причинъ. Міросозерцаніе и жизненный строй

новой Европы сталъ въ враждебное отношеніе къ цѣлостнымъ соціально-религіознымъ переживаніямъ. Свобода, понятая, какъ борьба съ властью и за власть, съ цѣлью достичь изолированной независимости, совершенно не согласуется съ понятіемъ о церкви, какъ о носительницѣ духовной законченности и цѣнности. Современный демократизмъ въ своихъ проявленіяхъ, какъ всеобщая воинская повинность, обязательное для всѣхъ школьное образованіе и избирательное право, тоже нанесъ непоправимый ударъ руководительству старой церкви. Католическая-же церковь, высказавшая столь замѣчательную стойкость въ приспособляемости къ требованіямъ времени, въ данномъ случаѣ массъ, добровольно отказалась отъ непосредственнаго вліянія на политическую жизнь народовъ, сохранивъ за собою право руководить ихъ образованіемъ. Она такимъ образомъ пріучаетъ близко стоящія къ ней массы смотрѣть на нее, какъ на вмѣстилище теоретическаго разума. Отказавшись отъ притязаній на руководительство всей цивилизаціей, она, однако, сохранила за собою авторитетъ духовнаго вождя.

Либерализмъ и протестантскій демократизмъ, чуждые въ основѣ своей соціально-духовной дѣйствительности и, вообще, всего того, что такъ ревностно охраняла церковь, выплеснули, такъ сказать, ребенка вмѣстѣ съ водой. Что-же за мѣсто можетъ занять въ этой сферѣ жизни соціалистическая культура, которая, далека отъ религіознаго и вообще духовнаго абсентеизма, но которой вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко чужда церковь, ведущая къ духовной привиллегіи? Въ соціалистическомъ культуропорядкѣ нѣтъ мѣста духовной опекѣ. Тамъ каждый является собственнымъ творцомъ своей жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу историко-соціальнаго раздѣленія труда и

сотрудничества, также творцомъ жизни другихъ То самое содержаніе культуры, которое церковь такъ ревностно охраняла, какъ отъ хищническихъ инстинктовъ варваровъ, такъ и отъ свѣта научнаго сознанія, въ соціалистическомъ строѣ наполняетъ собою всѣ отношенія людей. «Гдѣ двое собираются во имя Мое, тамъ—Я». Тамъ, гдѣ двое вступаютъ во взаимныя свободныя отношенія другъ съ другомъ, тамъ создается нѣчто новое, раньше не существовавшее. Содержаніе жизни творится въ процессѣ отношеній, но характеръ полученнаго такимъ путемъ жизненнаго содержанія всецѣло зависитъ отъ тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдовались при возникновеніи отношеній. Сепаратизмъ нашей эпохи и общее стремленіе людей къ власти и обогащенію своей животной природы создаютъ жизненное содержаніе, прямо враждебное религіозной интимности. Люди же, первая потребность которыхъ есть трудъ, но трудъ, освобожденный отъ принужденія природы и людей и стремящійся къ творчеству, всецѣло лишены въ своихъ отношеніяхъ содержанія, разлагающаго соціальное цѣлое У нихъ всякія болѣе или менѣе глубокія продолжительныя отношенія умножаютъ соціальныя цѣнности, расширяютъ и возвышаютъ души людей, вступающихъ въ эти отношенія.

На примѣрѣ любого свободнаго соціальнаго отношенія можно прослѣдить возникновеніе и ростъ всего того, что мы называемъ полнотой жизни. Чѣмъ духовнѣе характеръ отношеній, чѣмъ шире кругъ явленій, которыя эти отношенія обнимаютъ, тѣмъ богаче можетъ быть возникающее содержаніе. Только абсолютная и всепроникающая свобода вступающихъ въ отношенія людей и трансъ-субъективная цѣль, которая преслѣдуется ими, необходимы, какъ предпосылка роста жизненнаго содержанія. Если вычесть изъ отношеній по-

ловъ у культурныхъ народовъ физіологическую цѣль этихъ отношеній и свободную игру чувствъ, т е. сантиментальность, сопровождающую ее, то въ нихъ часто остается еще плюсъ, который мы должны назвать любовью Это обстоятельство достаточно уясняетъ намъ, почему не всѣ люди способны любить. Чтобы возникло содержаніе жизни, называемое любовью, необходимо, чтобы люди вступали свободно въ отношенія, чтобы они были равносильны другъ съ другомъ, и чтобы наконецъ цѣль этихъ отношеній выходила далеко за предѣлы ихъ конкретно-личныхъ (эмпирическихъ) интересовъ. Только такимъ образомъ совершается таинство любви, только этотъ процессъ способенъ передъ нами хоть нѣсколько поднять завѣсу тайнъ ея. Можно поэтому сказать, что только *творческая* любовь есть любовь, и что, съ другой стороны, свободно соціальный характеръ отношеній половъ создаетъ полноту любви. Вотъ почему, между прочимъ, исторія человѣчества еще не знала исключительнаго господства брака, основаннаго на любви, и вотъ почему истиннаго брака можно ожидать только отъ соціалистической культуры. Такъ называемая свободная любовь утопическаго соціализма не есть выраженіе соціалистическаго духа, но, какъ законная реакція противъ современнаго, основаннаго на разсчетѣ, на нуждѣ, пустотѣ и жестокости жизни, этотъ идеалъ, указанный великими реформаторами соціальной культуры, является, безъ сомнѣнія, прогрессивнымъ шагомъ.

Вернемся, однако, къ предмету нашихъ разсужденій. Постараемся вникнуть въ культурное содержаніе брака, не касаясь лежащей въ его основаніи творческой любви. За вычетомъ тѣхъ семейныхъ цѣнностей, которыя находятъ свое выраженіе въ чувствѣ личной привязанности членовъ семьи другъ къ другу,

за вычетомъ всего, такъ сказать государственнаго уклада семейной жизни, остается еще нѣчто, формулировкѣ не поддающееся, могущее только развѣ быть названо религіозно - соціальной цѣнностью въ ея зачаточномъ и примитивномъ состояніи. При такомъ взглядѣ на вещи, почти религіозныя отношенія между членами одной родственной семьи пріобрѣтаютъ вполнѣ оправданное теоретическимъ сознаніемъ основаніе. Семья, бывшая у примитивныхъ народовъ единственной формой соціальнаго сотрудничества и носительницей in potentia соціально-интимныхъ отношеній, являлась тѣмъ самымъ въ мірѣ этихъ народовъ единственной носительницей религіознаго совершенства. Семья здѣсь, въ доступномъ членамъ ея, идейномъ представленіи о ней, была поэтому высшей инстанціей жизни, и обращеніе къ предкамъ и родоначальникамъ ея, какъ къ защитникамъ отъ безсмысленности и неправильности хода жизни, является единственнымъ законнымъ слѣдствіемъ семейно-соціальнаго уклада. По мѣрѣ того, какъ въ семью примитивныхъ народовъ вкрадывается антагонизмъ и начинаютъ замѣчаться центробѣжныя стремленія ея членовъ, начинаетъ разлагаться и религіозное содержаніе ея. Семья отнынѣ лишена своей законченности, увѣренности и полноты.

Ростъ и развитіе въ области соціально-психической жизни подверженъ своимъ законамъ. Эти законы способны болѣе, чѣмъ что бы то ни было, выяснить загадку человѣческой жизни. Духовная дѣйствительность, возникающая въ сферѣ интимно свободныхъ человѣческихъ отношеній, подвержена, по существу, дѣйствію тѣхъ же законовъ, наличность которыхъ мы констатируемъ при всякомъ психическомъ ростѣ. На языкѣ психологовъ ростъ психической жизни обозначается

понятіемъ спонтанности. Спонтанность, имѣющая мѣсто въ предѣлахъ любого психическаго процесса, въ новой формѣ проявляется и въ процессѣ человѣческихъ отношеній. Въ области психической жизни сумма элементовъ всегда больше, чѣмъ составляющіе ее элементы, или же, во всякомъ случаѣ, она есть нѣчто иное, чѣмъ эти элементы. И вполнѣ правильно, Вундтъ, повторяющій въ данномъ случаѣ своихъ предшественниковъ, называетъ ростъ психической жизни творческимъ синтезомъ. Для посвященнаго въ ходъ развитія философской мысли прошлаго вѣка ясно, что ученіе о творческомъ синтезѣ есть модифицированный взглядъ гегельянства на развитіе человѣческаго духа. Сущность діалектическаго развитія духа ничѣмъ по существу не отличается отъ синтетически-творческаго роста психической жизни и психическихъ отношеній. Насъ здѣсь не интересуютъ формы, въ которыя, по Гегелю или по мнѣнію современныхъ дальнозоркихъ психологовъ, облекается ростъ психической жизни и психическихъ отношеній; намъ важно лишь отмѣтить, что, какъ съ точки зрѣнія гегельянства—этого высшаго пункта въ развитіи философской мысли новой Европы,—такъ и при свѣтѣ современной психологіи, мы въ психическомъ процессѣ и отношеніяхъ имѣемъ дѣло съ наростаніемъ новой, доселѣ не существовавшей дѣйствительности.

Эта дѣйствительность—не мечта жизни, не простая „идеологія", а сама жизнь, такъ сказать, корень ея.—Получающаяся, такимъ образомъ, духовная дѣйствительность, на которой мы здѣсь подробно остановиться не можемъ, смотря по характеру и по направленію компонентовъ, изъ которыхъ она выростаетъ, получаетъ самыя разнообразныя формы. Мы же здѣсь слѣдимъ исключительно за тѣмъ ея выраженіемъ, ко-

горое получается, какъ слѣдствіе внутренне-свободныхъ интимныхъ отношеній, направленныхъ къ достиженію какихъ бы то ни было соціальныхъ, въ широкомъ смыслѣ слова, цѣлей. Этого рода дѣйствительность отличается той законченной полнотой, которой характеризуется религіозное содержаніе жизни На примѣрѣ семьи мы старались вникнуть въ соціально-историческое проявленіе ея. Въ, такъ называемой, психологіи массы, въ психологіи авторитета, индивидуальнаго и соціальнаго, психологіи партіи, націи, государства и мірового цѣлаго, вообще, мы встрѣчаемся съ той же основной религіозно-духовной дѣйствительностью. Вотъ гдѣ надобно искать тайну столь загадочныхъ явленій соціальной исторіи.

Соціалистическая эра, міровая цѣль которой состоитъ въ радикальной всеобъемлющей эмансипаціи человѣческой жизни, стремится къ возможному аннулированію всѣхъ факторовъ, затемняющихъ свободно творческое содержаніе культурно-человѣческихъ отношеній. Сплошной ростъ, сплошная полнота этихъ отношеній—ея конечная цѣль Съ точки зрѣнія этой задачи, глубоко соціальная религія, религія соціализма ставитъ свои неумолимыя требованія человѣческой практикѣ. «Превратите жизнь во вселенскую церковь, пусть церковь эта включитъ въ себѣ всѣ ваши отношенія,—отношенія человѣка къ труду, человѣка къ человѣку,—въ формѣ ли нравственнаго, политически-правового или эстетическаго бытія Пусть учрежденія ваши будутъ таковы, чтобы человѣкъ-производитель не лишенъ былъ своего высшаго права стать творцомъ жизни, своей и чужой, всего соціальнаго космоса». Человѣку до-соціалистической эры нуженъ былъ храмъ, дабы не забылъ человѣкъ въ жизни своей, направленной главнымъ образомъ на борьбу за существованіе, за гос-

подство и противъ рабства, о духовной дѣйствительности, являющейся свѣточемъ міровой исторіи. Съ соціалистической эрой не согласуется больше обособленная отъ прочей жизни церковь Совершенство и полнота, присущія будто бы исторической церкви, становятся достояніемъ всего соціальнаго космоса, всѣхъ отношеній человѣка,—отъ половыхъ, трудовыхъ, родственныхъ, государственныхъ вплоть до его отношеній ко всему космосу его культуры, а слѣдовательно ко всему его міру. Такимъ образомъ, религіозный духъ соціализма есть та вѣчно пульсирующая, живая кровь, которая течетъ въ сердцевинѣ всѣхъ отношеній соціалистической культуры, всей ея жизни. Соціалистическое право, соціалистическая этика, однимъ словомъ, всѣ соціальныя формы, въ которыя облекается соціалистическая жизнь общества, есть какъ-бы мраморное изваяніе, безсмертную, совершенную красоту котораго обвѣваетъ творческое дыханіе міра. Консервативныя, въ истинномъ значеніи слова, формы соціальной жизни уподобляются великой совершенной книгѣ бытія, буквы которой изваяны изъ мрамора, внутри котораго бьетъ ключемъ безконечное творчество. Конечное бытіе соціалистическаго культуропорядка и соціалистической системы жизни есть, такимъ образомъ, творческая субстанція человѣческаго производства На немъ и зиждется соціальная церковь будущаго.

Было бы величайшей насмѣшкой надъ грядущей культурой, если бы современный человѣкъ, пріобщенный къ міровому движенію соціализма, не находилъ бы уже зачатковъ этой будущей церкви, по крайней мѣрѣ, въ тѣсномъ кругу соратниковъ по духу. Въ этомъ смыслѣ я въ другой работѣ говорилъ, что не далеко то время, когда тѣсные круги производите-

лей станутъ не только ареной, гдѣ воспитывается и закаляется человѣкъ — борецъ за новую соціальную культуру, гдѣ куется оружіе борьбы и создаются средства матеріальнаго и духовнаго обогащенія производителя, но и той почвой, изъ нѣдръ которой широкой волной разольется соціально-міровая интимность, на которой человѣкъ расправитъ свои духовныя крылья, и найдетъ свое мѣсто то, что я назвалъ выше творческой любовью. Исторія человѣческой культуры, какъ и природа ничего не теряетъ, и цѣль высшей фазы культурнаго развитія состоитъ въ томъ, чтобы духовныя средства сообщенія, выработанныя соціальной исторіей прошедшихъ временъ, въ новой расширенной и углубленной формѣ водворить въ жизни новаго культуропорядка. Историческая безпочвенность столь-же пагубна для человѣка, какъ и оторванность, семейная и родовая. Въ этомъ смыслѣ, и только въ немъ,—соціальное содержаніе соціалистическаго культуропорядка является одновременно наслѣдіемъ всѣхъ тѣхъ соціальныхъ объединяющихъ, оцѣнивающихъ и творящихъ формъ жизни, которыя выработала культура прошлаго. Религіозное сознаніе кровныхъ союзовъ примитивныхъ народовъ, теократическая законченность библейскаго народа и народа эллинскаго, вдохновляющая и объединяющая любовь первыхъ христіанъ, духовный универсализмъ католической церкви, духъ конкретности реформаціонныхъ движеній новой Европы, религія красоты возродительныхъ эпохъ и обожествленіе человѣка гуманизмомъ,—все это раздается звучной симфоніей въ груди соціалистическаго производителя жизни.

Въ самомъ названіи нашей культурно-философской доктрины имѣются указанія на характеръ отношеній людей, пріобщенныхъ къ соціалистическому движенію·

слово socius, легшее въ основу обозначенія соціализма, уже содержитъ явный намекъ на характеръ направленія нашей жизни. Именно, въ истинно товарищескихъ сношеніяхъ соціалистическихъ производителей проявляется отблескъ той интимности, которая проникаетъ всю структуру соціалистическаго космоса. Посредственныя, полныя трагизма и конфликтовъ отношенія претворяются здѣсь въ творческую субстанцію жизни. Здѣсь нѣтъ мѣста категоріи зависимости, здѣсь царство искренней непосредственности. Здѣсь—равноцѣнность и абсолютная значительность жизни, которую научное мышленіе выражаетъ словомъ законъ, которую, далѣе, философія выражаетъ постулатомъ идентичности, религія соціализма называетъ интимностью. Законъ создаетъ правильность жизни, идентичность міра явленій дѣлаетъ возможнымъ цѣлесообразность, какъ и необходимость ея, религія же наполняетъ ее живымъ человѣческимъ содержаніемъ. —«Тамъ, гдѣ двое собираются во имя Мое, тамъ—Я». Тамъ, гдѣ на почвѣ нашей жизни совершается духовное, свободное отъ драматизирующихъ, антиобщественныхъ и, слѣдовательно, противокультурныхъ противорѣчій и антагонизмовъ, взаимное оплодотвореніе, тамъ, гдѣ созданная такимъ образомъ духовная дѣйствительность стремится къ жизни въ согласіи съ тенденціей всего содержанія соціальнаго космоса, съ идеей его,—тамъ закладывается церковь соціалистическая Если бы въ жизни мірового соціалистическаго движенія не умножалось число этихъ невидимыхъ церквей культуры, то соціалистическому движенію угрожала бы опасность быть поглощеннымъ содержаніемъ тѣхъ самыхъ системъ жизни, которымъ оно объявило непримиримую войну. И въ особенности значеніе соціально-религіознаго созна-

нія выростаетъ тогда, когда классы общества, въ силу своего соціологическаго существа наиболѣе заинтересованные въ укладѣ соціалистическаго хозяйства и государственности, станутъ руководителями и законодателями культуры.

Съ ростомъ соціализаціи жизни, по мѣрѣ водворенія въ хозяйственно-правовой области принципа коллективизма, весь драматизмъ существованія, выростающій на почвѣ натуралистическаго уклада и направленія жизни, уступитъ, безъ сомнѣнія, мѣсто новой борьбѣ и новымъ конфликтамъ Не говоря уже о противоположности новаго жизненнаго содержанія съ унаслѣдованнымъ, историческимъ, въ самой механикѣ новаго уклада будутъ имѣть мѣсто противоположности трагическаго свойства. Какъ и всякая религія, и религія соціализма призвана преодолѣть трагедію соціальную и міровую. Она является, поэтому, невидимымъ авторитетомъ и высшей инстанціей новаго культуропорядка Ея практическая цѣль — сдѣлать человѣка внутренне способнымъ для жизни въ согласіи съ принципомъ всей новой культурной системы.

Историческія религіи стремились къ достиженію своей цѣли при помощи культа и символовъ, проповѣдей и нравоученій. Задача церковной жизни заключалась въ томъ, чтобы сблизить человѣка съ тѣмъ всеобъемлющимъ принципомъ бытія, который невидимыми путями проникалъ во всю систему жизни этого человѣка Чтобы характеризовать религіозно-церковное проявленіе однимъ словомъ, я скажу: жизнь церкви стремилась быть политикой и педагогикой *всей* жизни въ ея полнотѣ и законченности. Когда происходилъ разрывъ между жизнью личной и соціальной, когда ходъ культурнаго развитія далеко оставлялъ позади себя принципъ, на которомъ оно основы-

валось, тогда и церковная жизнь удалялась отъ общей системы жизни Въ угрюмыхъ стѣнахъ монастырей, вдали отъ полной страданій, томленія и мелкой борьбы жизни дѣлалась попытка спасти идею даннаго культуропорядка Люди, ушедшіе изъ жизни въ монастырь, искали тамъ той самой животворящей идеи, которая изсякла въ ихъ собственныхъ отношеніяхъ. Иные находили за высокими мрачными стѣнами монастырей ту самую увѣренность своего существованія и санкцію его, которой не могла дать внутренне ли разлагающаяся, или угрожаемая вторженіемъ варваровъ и варварскихъ формъ жизни, старая культура. Они умывали руки, и внутренняя душевная концентрація, эгоистическій героизмъ помогали имъ забыть жизненную прозу. Монастырь съуживалъ соціальный горизонтъ, и въ этомъ заключалась причина его смерти. По существу своему, онъ былъ, поэтому, учрежденіемъ, враждебнымъ творчеству и міру Жизнь поддерживалась въ немъ до той степени, до какой это позволяло пріобрѣтенное имъ содержаніе изъ обшей системы родственнаго ему культуропорядка. Монастырь былъ всегда поэтому учрежденіемъ чисто-консервирующимъ. Вотъ почему, по меньшей мѣрѣ, странно, когда въ воображеніи иныхъ лѣтописцевъ монастырская община рисуется оазисомъ культурной жизни.

Послѣ всего вышесказаннаго, наврядъ ли надо еще добавить, что церковно-монастырская изоляція можетъ имѣть мѣсто въ всеохватывающей жизни-церкви соціализма. Но не оазисами представляются намъ религіозные центры соціалистическаго движенія, о которыхъ мы упоминали выше: центры эти только имѣютъ значеніе, поскольку они in potentia скрываютъ въ себѣ вселенскую соціальную церковь. Соціалистическая религія, носителемъ которой, въ противопо-

ложность къ авторитарной «папской» демократіи католицизма, является демократія свободно-трудовая, соціалистическая религія, наиполнѣе выражающая соціально-міровую интимность творческихъ отношеній между людьми и освобождающая, какъ и коллективизмъ, вообще, человѣка отъ господства слѣпыхъ инстинктовъ и натуралистическаго механизма, — такая религія чуждается символовъ исторической церкви. И изъ всѣхъ видовъ искусства, развѣ одна безплотная музыка способна выразить безпрерывную внутренне-творческую связь между людьми. Вотъ въ какомъ смыслѣ само человѣчество является могучимъ символомъ соціалистической религіи, вотъ гдѣ мечты и грезы гуманизма и утопизма облекаются въ плоть и кровь. При свѣтѣ соціализма, человѣчество— не простая мечта, которая увлекаетъ человѣка на зарѣ его юности, оно не есть сопутствующая соціальной исторіи идеологія, оно—идея, оно—сама дѣйствительность. Новое время создало два величественныхъ гимна, больше чѣмъ чтобы то ни было выражающіе собою соціалистическую идею. Объ одномъ изъ нихъ одинъ изъ величайшихъ вдохновенныхъ фантазеровъ политики XIX вѣка, нашъ соотечественникъ, говорилъ, что, еслибъ внезапно погибло все культурное содержаніе нашей эпохи, лучшія ея стремленія, то по одному этому гимну можно было бы возстановить потерянную культуру. Я не знаю, что вкладывалъ великій мечтатель въ свое сужденіе объ этомъ гимнѣ,—девятой симфоніи Бетховена. Я слышу въ немъ не только законченный и радостный аккордъ человѣческой культуры, не только конецъ исторической борьбы, но и саму эту борьбу въ ея главныхъ историко-міровыхъ этапахъ. Въ этомъ гимнѣ сконцентрировалось все то историческое содержаніе, ко-

торое въ высшей формѣ передано въ наслѣдіе поколѣніямъ грядущаго Жизнь, какъ миѳъ, трагическая борьба жизни, освобожденной отъ миѳа, и въ конецъ всеобъемлющее религіозное преодолѣніе мірової трагедіи, творческое братство человѣчества и глубокое, искреннее примиреніе съ освобожденной жизнью—такова симфонія соціалистической культуры. Все драматическое въ жизни, все разслабляющее, разлагающее и децентрализирующее ее, все поднято здѣсь на высоту чисто идейнаго бытія, все превратилось въ великое созвучіе человѣческой исторіи. Даже тихая радостная грусть жизненной полноты, величіе природы и красоты смерти—все выразилъ творецъ соціалистической симфоніи, все сказано поэтомъ ея въ его дышащихъ вѣчностью и тишиной Вселенной словахъ·

„Seid umsehlungen Millionen
Von dem Kuss der ganzen Welt“.

То, что мы назвали духовной дѣйствительностью, то, что рождается въ соціалистическихъ отношеніяхъ производителей жизни, самую идею творческаго труда постигла близкая къ тайникамъ жизни душа творцовъ. Другое же основное стремленіе соціализма,—эта цѣль всего философскаго творчества новѣйшихъ народовъ,—стремленіе къ радикальной и всеобъемлющей эмансипаціи и сама борьба за нее, слышится въ звукахъ марсельезы, второго великаго гимна. Здѣсь рабъ въ гордомъ опьяненіи своей свободой быстро сбрасываетъ съ себя оковы, выпрямляетъ согбенную спину и идетъ навстрѣчу поднимающейся зарѣ новаго историческаго дня:

„Le jour de la gloire est arrivé“.

IV.

О роли искусства въ процессѣ соціализаціи жизни.

Для того, чтобы субстанція жизни, сотканная изъ трудовыхъ и религіозныхъ проявленій человѣка, т. е. изъ глубоко соціально-реалистическихъ отношеній, могла принять законченныя индивидуалистическія формы, человѣкъ обогатилъ міръ искусствомъ. Искусство призвано выражать въ живыхъ индивидуализированныхъ формахъ всю жизнь въ ея цѣлокупности и сущности. Вотъ почему, между прочимъ, первые зачатки искусства мы наблюдаемъ тамъ, гдѣ активность человѣческая проявляется въ видѣ труда или соціально-религіознаго отношенія. Искусство—это ритмъ соціально-трудовой жизни Въ искусствѣ культурный человѣкъ какъ бы стремился воплотить въ жизнь то самое содержаніе, безъ логическаго развитія и законченности котораго, она потеряла бы всякій трансъ-субъективный смыслъ. Искусство, поэтому, есть душа культуры не менѣе, чѣмъ трудъ и соціальныя отношенія. Въ поэзіи, напримѣръ, въ истинной поэзіи, понятно, больше истины, чѣмъ во многихъ сухихъ описаніяхъ иныхъ бытописателей. Искусство не есть убѣжище для бѣднаго и страждущаго человѣка, и нельзя, поэтому, сказать, что совершенная жизнь можетъ обходиться безъ искусства. Вѣдь искусство есть сама эта жизнь, только въ ея индивидуализированной формѣ, но и оно, какъ и всякое содержаніе культуры, не можетъ быть лишено своего историческаго бытія. Въ немъ это бытіе поднято на извѣстную высоту и ведетъ свою специфическую борьбу за существованіе. Глубоко реалистическій элементъ исторіи и романтическій моментъ ея—

эта сказка реализма—стремятся къ объединенію и согласованію, дабы побороть весь деформирующій и разлагающій эмпиризмъ Въ искусствѣ реальная сущность ищетъ осязательной формы, вѣчно стремится достичь адекватнаго, равноцѣннаго и индивидуализированнаго бытія, вѣчно стремится къ этой цѣли, но никогда вполнѣ не достигаетъ ея Въ этомъ трагизмъ искусства, приводящій, какъ и всякій трагизмъ, къ освобожденію и углубленію. Всеобщность и индивидуальность, жизнь космоса и жизнь единичнаго явленія, находятъ примиреніе въ той формѣ культурной дѣйствительности, которую мы называемъ міромъ искусства. Цѣль искусства, поэтому, сводится къ тому, чтобы проникнуть во всѣ проявленія человѣка, отъ языка и труда вплоть до его отношеній къ міру въ его цѣломъ.

Искусство выполняетъ, поэтому, одну изъ сторонъ того самаго міра, созиданіемъ котораго занята соціалистическая мысль. Коллективистическая организація хозяйственной дѣятельности, являющаяся средствомъ освобожденія человѣка отъ натуралистическаго содержанія индивидуальной жизни, есть, поэтому, та плодотворная почва, на которой міръ искусства лучше всего можетъ процвѣтать. Искусство, въ его цѣломъ, стремится къ той же цѣли, къ которой стремится соціалистическій строй, и оно является одной изъ важнѣйшихъ предпосылокъ возможности этого строя. На самомъ дѣлѣ, какъ можетъ трудъ—этотъ корень соціалистическаго культуропорядка—отвѣчать своей идеѣ, безъ того, чтобы не принять въ своихъ проявленіяхъ художественныхъ формъ? Но еще и въ другомъ, болѣе важномъ отношеніи, искусство всецѣло присуще соціалистическому духу. Вѣдь соціализмъ, единственная изъ великихъ міровыхъ системъ, живущая въ согласіи съ научнымъ разумомъ, ничего, по суще-

ству, не отрицаетъ въ данномъ человѣку мірѣ. Онъ только претворяетъ этотъ міръ, какъ мы неоднократно указывали, въ новое соціальное бытіе. А благодаря искусству, вся природа, все тѣлесное въ мірѣ пріобрѣтаетъ соціально-духовную сущность, міръ природы принимаетъ художественныя формы, и мы тѣмъ самымъ вступаемъ въ интимныя отношенія къ иначе мертвой природѣ Искусство есть религія всего того, что воспринимается нами, нашими чувствами. Интимность, которую религія развиваетъ въ отношеніяхъ между людьми, какъ духовными личностями, искусство вноситъ въ отношенія тѣла къ тѣлу, вещи къ вещи. Непосредственность и независимость, которымъ дышетъ религіозная жизнь, глубоко присуща, поэтому и жизни художественной. Свобода, которую несетъ міру соціализмъ, находится въ латентномъ состояніи въ эстетической культурѣ. Но не только интимность и свобода исчерпываютъ внутреннюю жизнь искусства. Оно, какъ мы замѣтили выше, есть творящая сила жизни, сама жизнь.

Не по историческому капризу соціализмъ, съ перваго момента своего возникновенія, воздвигалъ культъ эстетической культурѣ. И совершенно не въ силу культурнаго пессимизма, какъ думаютъ нѣкоторые близорукіе друзья и враги нашей догмы, искусство призвано было обогатить жизнь человѣка соціалистической эры. Пессимизмъ, какъ и оптимизмъ, возможенъ только тамъ, гдѣ корень жизни видятъ, главнымъ образомъ, въ біологической игрѣ силъ и въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Правда, помимо натуралистическаго пессимизма, существуетъ еще другой, волевого характера. Воля человѣческая, разсуждаютъ адепты его, всегда стремится къ большему, чѣмъ можетъ дать человѣку окружающій міръ. Но переводя

на конкретный языкъ объектъ имѣющихся здѣсь въ виду желаній, мы получаемъ тотъ же, хотя и замаскированный, натурализмъ, ибо воля здѣсь направлена преимущественно на пріобрѣтеніе власти, господства, этихъ неотъемлемыхъ аттрибутовъ натуралистической системы жизни. Въ соціалистической же системѣ нѣтъ мѣста натуралистической оцѣнкѣ, а потому и невозможны ни пессимизмъ, ни оптимизмъ. Соціализмъ не говоритъ человѣку «преодолѣй въ себѣ великій минусъ жизни, не отдавайся игрѣ физическихъ силъ», Онъ такъ же не зоветъ человѣка къ великой пустотѣ, къ полному «ничто», какъ единственному избавителю отъ преисполненнаго страданіями бытія, а указываетъ ему на самодовлѣющую безконечно, цѣнную и законченную въ самой себѣ соціально-духовную дѣйствительность, онъ зоветъ его къ неисчерпаемой полнотѣ. Христіанство обѣщало міру побѣду надъ смертью, на самомъ же дѣлѣ приносило смерть повсюду, гдѣ оно встрѣчало творенія рукъ человѣческихъ Боясь слѣпой силы натурализма, оно проглядѣло и культурное содержаніе, истинно божескій міръ человѣка—творца. Искусство и вообще красота привились лишь тогда къ христіанской культурѣ, когда мощное движеніе греко-римскаго міра, этого, такъ называемаго, культурнаго язычества, овладѣло христіанскимъ духомъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что напр , въ церковной культурѣ среднихъ вѣковъ проявился не въ меньшей степени духъ цивилизованнаго язычества, чѣмъ само христіанство. Съ одной стороны, только благодаря соціальному пантеизму христіанства, искусство могло удержаться въ среднихъ вѣкахъ на извѣстной высотѣ и наложить почти на всѣ формы тогдашней, хотя ограниченной и сравнительно бѣдной, жизни свой неизгладимый отпечатокъ. Христіанская основа куль-

туры средне-вѣкового города не давала труду упасть на ступень исключительно полезнаго труда Но съ другой стороны, и іерархія средне-вѣкового строя, дуализмъ между «этой стороной» и «той стороной» лишали средне-вѣковое искусство соціалистическаго содержанія.

Если имѣть въ виду основное направленіе жизни нашей эпохи, всю ея внутреннюю раздробленность и безъидейное содержаніе, то врядъ-ли придется долго останавливаться на фактѣ взаимоисключаемости эстетической культуры и натуралистическаго капитализма Несмотря на освобожденіе міра вещей либеральнымъ духомъ, все же не могло быть и рѣчи о проникновеніи художественнымъ творчествомъ современной жизни. Чтобы возможна была эстетическая культура, требуется извѣстная высота религіозно-этическаго развитія. Религія, въ данномъ случаѣ, призвана открывать тайники жизни, этика должна освобождать стремленія человѣка отъ эгоистическаго утилитаризма. Когда главной цѣлью жизни является эксплоатація чужихъ силъ, когда всякая оцѣнка сводится къ категоріи полезности въ узкомъ значеніи этого слова, когда, наконецъ, политической культурой руководятъ классы, весь жизненный строй которыхъ базируетъ на радикальномъ отрицаніи моральнаго самообладанія и на грубо-матеріалистическомъ пониманіи міра, тогда міру безкорыстной красоты нѣтъ мѣста. Что можетъ здѣсь воплотиться въ художественный образъ, какое конечное бытіе можетъ вдохновить художника на его культурный подвигъ? Культурному человѣку невозможно долго останавливаться на духовной безсодержательности капиталистической машины, его влечетъ прочь отъ этой, отрицающей духовное бытіе, жизни, и художникъ ищетъ вдохновенія въ далекомъ прошломъ,

въ мечтахъ о будущемъ, въ субъективномъ протестѣ противъ настоящаго.

Реформація и возрожденіе дали всѣ предпосылки, необходимыя для эстетической культуры, но теченіе жизни нашей эпохи всецѣло направлялось на искорененіе ихъ И только, съ ростомъ демократическаго движенія, съ развитіемъ соціальныхъ тенденцій въ жизни, вновь создается возможность для проникновенія всѣхъ сторонъ жизни, всей окружающей ее среды предметами искусства, этими живыми памятниками соціально-духовной дѣйствительности. Вещи и картины, ежеминутно бросающіяся человѣку въ глаза, имѣютъ громадное значеніе на весь его душевный складъ. Соціально-активный человѣкъ долженъ быть окруженъ и вещами, съ которыми у него могли бы установиться глубокородственныя отношенія, въ которыхъ онъ бы ежечасно могъ открывать наивысшую возможность собственнаго развитія, и гдѣ-бы онъ могъ черпать силы для жизни, въ согласіи съ собственнымъ міровымъ назначеніемъ. Искусство имѣетъ поэтому еще соціально-практическое значеніе. Въ его звукахъ, образахъ, живыхъ линіяхъ человѣкъ отдыхаетъ и снова возрождается: ремесленное отношеніе его къ своей-же дѣятельности растворяется, уступая мѣсто болѣе творческому и утверждающему моменту. Какъ и мораль, искусство вызываетъ чувство безкорыстія,—необходимаго условія для истины жизни. Особенно въ эпохѣ, гдѣ господствуютъ механическій трудъ и власть «ремесла», просвѣтительное вліяніе искусства безгранично. Народный инстинктъ всегда это понималъ. Поэтому и искусство, которое находитъ себѣ доступъ къ сердцу широкихъ массъ, всегда носитъ характеръ возвышенности и глубокой серьезности, въ немъ важное и типичное міра словно вступаетъ въ интимный діалогъ съ народной

душой Народъ, не тронутый еще неумолимыми требованіями современныхъ механизирующихъ формъ существованія, всегда окружаетъ себя, соотвѣтственно своему культурному развитію, предметами искусства. Архитектура средневѣкового города еще понынѣ вызываетъ въ насъ благоговѣйное удивленіе. Средневѣковые цехи и тогдашняя церковь по своему удовлетворяли потребностямъ въ искусствѣ современниковъ. И еще въ эпохѣ ранняго ренессанса въ сѣверно-итальянскихъ республикахъ народъ считалъ праздникомъ тотъ день, когда въ капеллѣ выставлялась картина знаменитаго мастера.

И въ наше время усиленной демократизаціи, правда, больше внѣ-государственнаго содержанія культуры, искусство во всѣхъ видахъ начинаетъ пролагать себѣ дорогу въ душу и домъ производителя, и прямая обязанность послѣдняго широко распахнуть двери передъ родственнымъ ему началомъ жизни. Если средства единичнаго рабочаго не позволяютъ, къ сожалѣнію, еще на личный страхъ и рискъ пріобщиться къ искусству, то пусть всевозможные союзы труда и въ этомъ отношеніи пойдутъ дѣломъ и словомъ впереди нашего утопающаго въ прозѣ и раздробленности общества. Пусть каждый народный домъ превращается въ храмъ, гдѣ нарождающееся поколѣніе художниковъ найдетъ пріютъ для своихъ твореній, и пусть будетъ заклейменъ словомъ позора каждый городъ, который, въ числѣ первыхъ потребностей, не дастъ жителямъ возможности развить своихъ художественныхъ вкусовъ. Будущій соціалистическій культуропорядокъ и въ области художественной можетъ создаваться теперь же: уже въ наше время она не можетъ обойтись безъ плодотворнаго вліянія и непосредственнаго участія производителей.

V.

О нравственномъ духѣ соціализма.

Хозяйственной, религіозной и художественной активностью не исчерпывается содержаніе культуры вообще и соціалистической въ частности. Противонатуралистическій характеръ соціалистической организаціи дѣлаетъ необходимымъ присутствіе нравственнаго духа въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку и къ задачѣ собственной дѣятельности Нравственность не голько является необходимымъ факторомъ при движеніи къ соціализму, при помощи нея соціалистическія стремленія не только пріобрѣтаютъ лишнюю культурную санкцію, но она,—что для насъ въ интересахъ нашей темы важнѣе всего,—внутренне присуща процессамъ соціальной жизни и своимъ существованіемъ обогащаетъ ее, какъ сейчасъ увидимъ, во многихъ отношеніяхъ. Основной чертой нравственнаго отношенія является способность человѣка сознавать отвѣтственность за свои дѣйствія и за состояніе своей волевой активности. Отсутствіе отвѣтственнаго сознанія было-бы съ другой стороны неисправимой потерей для жизни культурнаго организма. Чтобы отвѣчать своей задачѣ, культурныя отношенія должны, такъ сказать, содержаться въ боевомъ состояніи. Здѣсь-то и является нравственность и энергично напоминаетъ человѣку о его личныхъ и соціальныхъ задачахъ.

Нравственность не есть форма отношенія и урегулированія активности, являющаяся откуда то извнѣ въ процессѣ производства жизни, процессъ производства и созиданія во всѣхъ своихъ многочисленныхъ этапахъ сопровождается сознаніемъ отвѣтственности.

Съ извѣстной точки зрѣнія можно сказать, что нравственная оцѣнка есть самосознаніе производства жизненнаго содержанія или человѣческой активности. Все то, что переступаетъ физіологическія границы и проявляетъ себя, какъ дѣйственное начало въ кругу психической жизни, имѣетъ тенденцію стремиться къ наивысшей безграничной (въ смыслѣ формы и продолжительности) интенсивности, хочетъ быть «вѣчнымъ». Тутъ-то, въ интересахъ общей экономіи психической жизни, является ограничивающее, концентрирующее и уясняющее сознаніе отвѣтственности. Активность здѣсь раскалывается на два отношенія, носитель ея вступаетъ въ двоякое отношеніе, къ себѣ,—какъ къ существующему бытію и какъ къ долженствующему быть. Эта же двойственность имѣетъ мѣсто въ проявленіи активности человѣка вовнѣ, напр., въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку и вообще къ объекту дѣйственности. Силою активнаго процесса человѣкъ становится, такимъ образомъ, въ посредственное отношеніе къ самому себѣ и непосредственное къ объекту своей дѣйственности. Иными словами, активность творитъ судъ сама надъ собою и этотъ самосудъ мы называемъ отвѣтственностью. Отвѣтственность не можетъ заглушить творческаго состоянія активности, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда, активная стремительность, скорѣе, пытается при помощи нея обнять самое себя, т е. убѣдиться въ собственномъ индивидуальномъ существованіи. Активность при этомъ персонифицируется и уже, благодаря одному этому, обогащается.

Мы не можемъ здѣсь дольше заниматься анализомъ существа нравственныхъ проявленій. Для насъ достаточно здѣсь отмѣтить фактъ всеобщаго присутствія въ процессѣ дѣйственности отвѣтствен-

наго сознанія, которое является мостомъ между непосредственнымъ проявленіемъ духа и внѣшней посредственной формой его Въ нравственномъ процессѣ констатируется, такимъ образомъ, наличность религіозной активности. Религіозная непосредственность и безпрерывная интимность вызывается здѣсь къ жизни съ помощью отвѣтственности Вступая въ нравственныя отношенія къ себѣ или третьему лицу, человѣкъ судитъ себя и оцѣниваетъ свой поступокъ, какъ и активное состояніе своего духа передъ лицомъ интимности, созданной между нимъ и объектомъ его нравственнаго воздѣйствія. Вотъ почему, наряду съ самообладаніемъ и самосознаніемъ въ процессѣ нравственной жизни, имѣютъ мѣсто и религіозно-интимныя отношенія. Абстрагируя отъ всѣхъ принудительныхъ формъ жизни, слѣдуетъ сказать, что трудъ въ своей чистотѣ всегда нуждался и нуждается въ нравственномъ подъемѣ для того, чтобы проявиться въ формѣ труда человѣческаго. Исторія труда и исторія нравственности идутъ рука объ руку, и кто рѣшится, напр., сказать, что поступательный ходъ современной техники возможенъ былъ безъ грандіознаго нравственнаго воспитанія, которымъ была проникнута средневѣковая культура Нравственность, какъ и искусство, стремится къ индивидуальному безкорыстію съ той только разницей, что искусство воплощаетъ въ своихъ индивидуальныхъ образахъ бытіе въ его живой совокупности, нравственность же стоитъ на стражѣ согласованія индивидуальной дѣятельности съ интересами доступнаго культурному сознанію мірового цѣлаго. Вотъ почему мы вправѣ называть нравственными всѣ тѣ поступки и активно-внутреннія состоянія, которыя устанавливаются въ соотвѣтствіи съ требованіями общаго міросозерцанія.

Не всѣ условія жизни, однако, въ одинаковой степени благопріятствуютъ развитію нравственной энергіи. Особенно строй общества, гдѣ основа его, трудъ, вызывается къ жизни законами принужденія политическаго и чисто физіологическаго характера, тамъ интенсивность нравственныхъ отношеній быстро идетъ на убыль, тамъ только привиллегированное меньшинство остается *in potentia* обладателемъ нравственнаго воздѣйствія на жизнь Но и это меньшинство, особенно въ своихъ соціальныхъ отношеніяхъ, въ силу соціологическаго самосохраненія, совершенно не пользуется своимъ нравственнымъ достояніемъ За примѣрами намъ, живущимъ въ условіяхъ капиталистической борьбы, ходить далеко не приходится. Можетъ быть въ первый разъ въ исторіи человѣчества здѣсь дѣлается попытка превратить и нравственность, это глубоко демократическое проявленіе человѣка и право его на самосудъ и самооцѣнку, въ привиллегированную и аристократическую форму жизни Здѣсь возникаетъ стремленіе узурпировать нравственность народныхъ массъ, какъ нѣкогда узурпировали ихъ право жить искусствомъ и въ искусствѣ. Кому не извѣстно отрицательное отношеніе современнаго бюргера къ нравственному подъему пролетарскихъ массъ. «Какъ имѣетъ пролетарій, живущій по законамъ нашего общества, право--разсуждаетъ бюргеръ—стремиться къ согласованію своей соціальной дѣятельности съ требованіями отвѣтственности передъ идеей класса производителей. Безспорно, когда неимущій рабочій изъ нравственнаго сочувствія своимъ товарищамъ рѣшается на голодъ и подвергаетъ всю свою семью всевозможнымъ лишеніямъ и случайностямъ, то онъ этимъ,—соглашается даже буржуа—совершаетъ нравственный подвигъ, но мы и законы нашего общежи-

тія не можемъ разрѣшить вамъ такой расточительности. Нравственный героизмъ — роскошь, и только мы можемъ себѣ позволить ее Ваши адепты проповѣдуютъ. «ты долженъ, ибо ты можешь». Этотъ императивъ научной этики писанъ однако для насъ, безъ забогныхъ насчетъ насущнаго хлѣба, господъ цивилизаціи» Буржуа всю культуру превратилъ въ «идеологію» и, въ лучшемъ случаѣ, оставляетъ за ней право быть роскошью. Онъ культуру считаетъ достояніемъ немногихъ, масса же должна служить задачамъ цивилизаціи, т. е. всецѣло заниматься производствомъ полезностей.—На это мы отвѣчаемъ съ точки зрѣнія соціологическаго идеализма, мы вправѣ и обязаны стремиться къ тому, чтобы производитель жилъ не какъ конкретный эмпирическій индивидуумъ, а въ соотвѣтствіи съ соціологической идеей своего класса. «Ты долженъ, ибо ты можешь, какъ носитель и выразитель своей соціалистической идеи! » Къ тому-же невозможенъ и политическій прогрессъ безъ прогресса нравственнаго. Политической активности, какъ и всякой активности, должно сопутствовать нравственное сознаніе. Даже такой крайній представитель матеріалистическаго крыла марксистской школы, какъ Карлъ Каутскій, не могъ не замѣтить въ своей справедливой полемикѣ противъ имморализма Антона Менгера, что, безъ нравственнаго возмущенія и подъема рабочаго класса, немыслима его политическая дѣятельность Мы только расходимся съ Карломъ Каутскимъ въ вопросѣ о возникновеніи нравственнаго сознанія и оцѣнкѣ самой нравственности для жизни всей культуры Каутскій скрывается за ширмой ничего нашему разуму не говорящихъ словъ о матеріальныхъ условіяхъ, создающихъ нравственность Для насъ же нравственныя проявленія имманентны всякому активному проявле-

нію человѣка и въ особенности проявленіямъ группъ и классовъ. Если бы былъ осуществленъ соціалистическій идеалъ общежитія, то, правда, съузилась бы область нравственности въ политическихъ отношеніяхъ между людьми, но съ тѣмъ большей силой она должна была бы проявиться въ сферѣ освобожденнаго труда и индивидуальной жизни. И что, въ самомъ дѣлѣ, это былъ бы за творецъ жизни, которому чуждо было бы сознаніе отвѣтственности! И вотъ почему, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что въ каждомъ шагѣ человѣка будущаго проявится больше сознанія индивидуальности, и, въ связи съ этимъ, будетъ больше мѣста категоріи оцѣнки, чѣмъ въ жизни любого средняго человѣка современнаго культуропорядка, основаннаго на порабощеніи труда.

Классы современнаго общества, средствомъ и цѣлью жизни которыхъ является трудъ, предрасположены къ нравственнымъ отношеніямъ, какъ въ силу своей жизненно-индивидуальной дѣятельности, такъ и вслѣдствіе соціологической формы существованія. Поэтому и въ области нравственной культуры движеніе къ соціализму является ячейкой самого соціализма. Послѣ того, что говорилъ Лассаль въ своей знаменитой рѣчи о связи современной исторической эпохи съ идеей рабочаго сословія, мнѣ ничего не остается прибавить о нравственномъ содержаніи рабочаго класса. «Хотя и въ низшихъ классахъ, къ сожалѣнію, всегда еще достаточно эгоизма, гораздо больше, чѣмъ надлежало бы быть, но здѣсь этотъ эгоизмъ, гдѣ онъ имѣетъ мѣсто, есть порокъ индивидуальный, присущій *отдѣльнымъ* личностямъ, а не необходимый порокъ цѣлаго класса... Въ той мѣрѣ, какъ низшіе классы общества стремятся къ улучшенію своего положенія, какъ *класса*, къ улучшенію своей *классовой участи*, въ той же

мѣрѣ совпадаетъ этотъ личный интересъ,—вмѣсто того, чтобы стать наперекоръ историческому теченію и вслѣдствіе этого быть обреченнымъ на безнравственность,—согласно своему направленію, съ направленіемъ развитія всего *народа*, съ побѣдой *идеи*, съ прогрессомъ культуры, съ жизненнымъ принципомъ самой исторіи, которая есть ничто иное, какъ развитіе свободы... *Ваше* дѣло есть дѣло всего человѣчества... Вы господа—обращался Лассаль къ рабочимъ,—находитесь въ счастливомъ положеніи, вы не умерли для идеи посредствомъ личныхъ интересовъ вы оказываетесь предназначенными быть самыми воспріимчивыми къ ней. Вы находитесь въ счастливомъ положеніи потому, что вашъ личный интересъ совпадаетъ съ трепетаніемъ жизненнаго пульса исторіи, съ движущимъ жизненнымъ принципомъ нравственнаго развитія. Вы можете, поэтому, съ личной страстью отдаваться историческому развитію и быть увѣренными, что вы тѣмъ нравственнѣе, чѣмъ болѣе пожирающа и горяча будетъ эта страсть въ ея указанномъ здѣсь чистомъ видѣ»

Хотя нравственная активность человѣка всегда и повсюду сопутствуетъ всѣмъ культурнымъ проявленіямъ,—будь то форма хозяйственной дѣятельности, государственнаго управленія или соціальнаго урегулированія и просвѣтительнаго, критическаго воздѣйствія,—все же необходимо еще человѣку напомнить о выростающихъ на почвѣ культурнаго труда задачахъ и конечныхъ цѣляхъ его жизненныхъ проявленій. Помимо этики ощущается необходимость въ морали. Мораль призвана уяснить человѣку направленіе, какъ и конкретное приложеніе его отвѣтственнаго сознанія. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что мораль относится къ спонтанной нравственности, какъ государственное право къ обычно-общественному. Какъ

и государственное право, такъ и мораль не только призваны регистрировать существующій порядокъ вещей, а должны еще руководить имъ и указывать на новыя, правда, имманентныя существующему цѣли

Мораль соціализма должна поэтому стремиться къ установленію такихъ заповѣдей, исполненіе которыхъ наиполнѣе воплотило бы въ жизнь принципъ соціалистическаго культуропорядка Ясно, что высшая добродѣтель соціализма есть согласованіе всей нравственной дѣятельности съ тѣми основами культуры, безъ которыхъ существованіе и развитіе соціалистической жизни было бы дѣломъ невозможнымъ «Живи согласно прогрессу культуры!» — высшій императивъ, «буди въ себѣ всеобъемлющаго, безпрерывнаго и свободнаго творца!» — истинная программа индивидуальной морали Долгъ труда, неприкосновенность его и право на него суть важные моральные выводы изъ высшей добродѣтели соціалистической культуры Всѣ добродѣтели греческаго міра, какъ храбрость или личный героизмъ, чувство мѣры и чистоты и т д. заключены въ ней, но она больше ихъ, ибо жизнь въ согласіи съ нею поднимаетъ всѣ формы активности человѣка на новую высоту и создаетъ новый духовный укладъ. Какъ и формы индивидуальной активности, такъ и соціально-государственныя проявленія ея должны стремиться къ имманентной идеѣ культурной дѣйственности *Идеализмъ дѣйствительности* есть настоящее выраженіе осуществленной соціалистической морали. Соціализму остается только сказать человѣку: «стремись къ установленію и сохраненію такого порядка вещей, гдѣ бы жизнь человѣческая превратилась въ сплошной творческій актъ, въ воспроизведеніе и защиту его, гдѣ бы человѣкъ и человѣческій трудъ не могли бы быть мишенью въ рукахъ какихъ

бы то ни было сепаратистскихъ интересовъ, однимъ словомъ, гдѣ бы человѣкъ могъ стать истиннымъ законодателемъ своей, а слѣдовательно и соціальной жизни». Ибо, какъ выяснится дальше, прогрессивное созиданіе индивидуальной и соціальной жизни въ идеѣ своей совпадаютъ, и это совпаденіе—не продуктъ государственнаго принужденія, а внутренняя необходимость культурной дѣйствительности «Не убивай въ себѣ желанія быть героемъ, какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни, пусть бьется всегда въ груди твоей пульсъ культурно-мірового цѣлаго и прогрессивной задачи исторической эры, въ которой ты живешь!»—высшее, что мы можемъ сказать современному человѣку. И мы убѣждены, что, если этотъ человѣкъ найдетъ въ себѣ силы и нравственный подъемъ слѣдовать нашему призыву, онъ будетъ съ нами и не побоится той великой отвѣтственности, которая возлагаетъ на него эта культурная задача Вмѣсто того, чтобы видѣть задачу жизни въ достиженіи «счастья», подъ которымъ люди всегда по существу понимали отсутствіе страданій, онъ сочтетъ жизнь задачей, выполненіе которой можетъ разбудить въ немъ великую отвѣтственность, которая одна превращаетъ человѣка въ индивидуальнаго творца и открываетъ ему путь изъ міра необходимости въ міръ свободы. Такимъ образомъ,—какъ можно въ этомъ убѣдиться на примѣрѣ роста нравственнаго сознанія, — помѣрѣ развитія соціализаціи жизни, разовьется и индивидуализація ея. Способность къ индивидуализаціи, содержаніе которой въ старой культурѣ завершалось то «моралью господъ», то «моралью рабовъ», въ соціалистической эрѣ пріобрѣтаетъ совершенно иное направленіе: она совершается здѣсь, насколько это можно прозрѣть, не на почвѣ неравен-

ства и культурной взаимоисключаемости, не вслѣдствіе борьбы и стремленія къ примиренію, а въ силу выполненія позитивно-творческой задачи человѣческой исторіи Характеръ этой задачи станетъ яснѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи.

VI

Объ обществѣ, партіи и государствѣ.

Общество есть центральное соціологическое понятіе соціализма Соціализмъ, стремясь къ организаціи отношеній, вытекающихъ изъ жизни труда, неминуемо приходитъ къ проблемѣ о реорганизаціи общества. Общество, какъ понятіе, заключающее въ себѣ всѣ активно-трудовыя и, вообще, соціальныя отношенія между людьми, является, съ конкретно-эмпирической точки зрѣнія, понятіемъ абстрактнымъ, которому опредѣленныя формы соціальнаго сотрудничества и соціальныхъ отношеній сообщаютъ индивидуальный жизненный характеръ. Чтобы ясна стала, поэтому, форма общежитія, которую ведетъ съ собой соціализмъ, необходимо обратить вниманіе на соціологическое содержаніе общества, какъ государства, партіи, формы хозяйственнаго сотрудничества и т. д. Въ ряду единичныхъ категорій общества государство играетъ доминирующую роль, ибо, по существу своему, всѣ формы отношеній общежитія, начиная отъ семейной, въ большей или меньшей степени, проникнуты принципомъ государственной организаціи, иначе говоря, они въ своемъ развитіи стремятся къ государственности. Это обстоятельство въ достаточной мѣрѣ выясняетъ, почему идеалъ соціалистическаго общества обозначается въ большинствѣ случаевъ, какъ идеалъ соціалисти-

ческаго государства. Соціализмъ, какъ соціологическая доктрина, несетъ поэтому съ собою новое воззрѣніе на государство. Государство для него—синонимъ цѣлесообразной, раціональной организаціи общественныхъ отношеній и формъ общежитія, призванной вмѣстѣ съ тѣмъ охранять и воспроизводить условія, которыя дѣлаетъ возможнымъ само общество. Намѣчаемый здѣсь соціологическій взглядъ на государственность, какъ на имманентную цѣль всевозможныхъ общественныхъ союзовъ и отношеній, рѣзко выдѣляетъ и въ этомъ вопросѣ соціализмъ изъ рѣшенія соціальной проблемы какъ либерализмомъ, такъ и демократизмомъ. Какъ мы имѣли случай показать, либерализмъ всегда смотрѣлъ на государственность, какъ на чуждое и даже враждебное человѣческимъ отношеніямъ начало. Государство призвано было охранять само собою устанавливающіяся соціальныя отношенія и, вообще, быть на стражѣ само-собою накопляющейся человѣческой свободы. Либерализмъ никогда не могъ отрѣшиться отъ взгляда на государство, какъ на чисто полицейскую организацію принужденія. Государство не только не являлось носителемъ самоопредѣляющей свободы, но оно было, въ глазахъ либерализма, скорѣе источникомъ всевозможныхъ ограниченій личной свободы. Либерализмъ, какъ система приспособленія и консерватизма, въ лучшемъ случаѣ, стремился къ ограниченію государственныхъ притязаній и задачъ. Свободнымъ отъ дуализма свободы и принужденія, общества и государства являлся демократизмъ. Кантъ со своей формулой о законѣ сосуществованія свободъ лучше Руссо выразилъ идеальныя стремленія демократизма Съ этой точки зрѣнія, государство оказалось въ идеѣ своей такимъ же свободнымъ союзомъ самоопредѣляющихся человѣческихъ воль, какъ и любой

общественный союзъ. Но и здѣсь государственный принципъ не являлся носителемъ законодательной свободы, хотя тутъ и помину не было больше о зломъ государственномъ началѣ либерализма. Гегель и соціализмъ совершенно мѣняютъ взглядъ на государство. Государство здѣсь, по существу своему, умножаетъ и сохраняетъ свободу. Правда, свобода гегелевскаго государства, требующая отъ человѣка напряженія всѣхъ его культурно-соціальныхъ силъ и, вообще, самоопредѣленія, ничего общаго не имѣетъ съ изолирующей свободой либерализма Но вмѣсто либеральнаго дуализма, о которомъ сказано было выше, Гегель установилъ соціально-государственную іерархію, высшій пунктъ которой занимала государственная власть. Соціалистическое движеніе всѣмъ ходомъ своего развитія отрѣшилось отъ іерархическаго воззрѣнія и способствовало возникновенію всеобъемлющаго и равномѣрнаго государственнаго начала. Враги нашей доктрины или совсѣмъ отказываютъ соціализму въ государственномъ началѣ или же приписываютъ ему теорію диктаторской, сильной правительственной власти На самомъ же дѣлѣ, соціализмъ одинаково далекъ, какъ отъ анархистскаго безначалія, такъ и отъ полицейской опеки. Какъ и въ гегельянствѣ, государственный принципъ является для соціализма носителемъ законодательной свободы, но, въ отличіе отъ него, соціализмъ, опираясь на болѣе глубокое соціологическое изученіе общества, учитъ, что государственность, какъ творческая и организующая сила, внутренне присуща всѣмъ формамъ общежитія И потому, даже такое явно утопистическое выраженіе соціализма, какъ фурьеризмъ, въ своихъ фаланстерахъ не можетъ обойтись безъ организующей и слѣдящей за правильностью соціальнаго цѣлаго государственности. Вся

тяжесть государственной проблемы лежитъ для насъ не въ вопросѣ о формѣ государственной жизни, а въ децентрализаціи или централизаціи ея, въ вопросѣ ея распредѣленія въ соціальномъ космосѣ Изъ печатаемой ниже статьи Эд. Бернштейна явствуетъ, какъ въ новое время во всѣхъ народныхъ движеніяхъ, начиная съ англійской революціи, соціальная мысль стремилась къ замѣнѣ непосредственныхъ народныхъ формъ самоуправленія политическими формами представительства. Бернштейнъ только, къ сожалѣнію, не останавливается на значеніи этого политическаго процесса для выработки соціалистическаго взгляда на государство. Соціализмъ, какъ поступательное культурное движеніе, не можетъ, подобно анархизму, смотрѣть на пріобщеніе массъ къ государственности, какъ на измѣну какому-то народному, «естественному» идеалу общежитія, и даже, напримѣръ, идея народнаго референдума не всегда является идеаломъ соціалистической государственности. И въ этомъ случаѣ, нерѣдко смѣшиваютъ политику демократизма съ политикой соціализма. Для демократизма рѣшеніе зависитъ отъ суверенитета народа, соціализмъ же ставитъ выше всего суверенитетъ общества и, въ зависимости отъ этого, всегда прислушивается къ голосу соціальной науки. Есть много случаевъ, когда отдать рѣшеніе политическаго вопроса на усмотрѣніе не посвященной массы равносильно передачѣ врачебной дѣятельности въ руки всевозможныхъ знахарей, хотя, съ другой стороны, соціализмъ всѣмъ ходомъ своего развитія стремится къ превращенію массы въ сознательныхъ и образованныхъ носителей государственной идеи.

Соціалистическое правительство, какъ и всякое другое, не исчерпываетъ собою идеи государства и тѣмъ самымъ идеи общества Вотъ почему нѣтъ ника-

кихъ основаній представить себѣ общество даже съ коллективистической собственностью, какъ однообразное соціальное цѣлое. Во всей жизни общества замѣчается однако два полюса. полюсъ всевозможныхъ общественныхъ группъ, организацій, отношеній и единичныхъ интересовъ и полюсъ общихъ государственныхъ задачъ. Посединѣ между ними лежитъ партія. Но какъ и вещи въ пространствѣ, партіи могутъ существовать внутри государственныхъ границъ. Государство является здѣсь тѣмъ извѣстнымъ цѣлымъ, часть котораго (pars), представляетъ партія. Это съ полной ясностью выразили многіе изъ теоретиковъ политики, хотя отношеніе, имѣющее мѣсто между партіями и государствомъ, все еще остается въ тѣни. Сущность самаго этого отношенія должна быть выяснена, если мы хотимъ проникнуть въ необходимость и въ фактъ существованія отдѣльныхъ отъ государства политическихъ единицъ или партій. Проклятый оппортунизмъ слабыхъ и, наряду съ этимъ, наиболѣе утонченныхъ виноватъ въ томъ, что мы еще теперь находимся во власти ариѳметическаго воззрѣнія на отношеніе партіи къ государству. Либерализмъ девятнадцатаго столѣтія, принципіальная цѣль котораго была направлена на консервированіе созданнаго порядка вещей, выставилъ безмысленную теорію о соціально-политическомъ равновѣсіи и создалъ такимъ образомъ иллюзію, будто бы каждая партія должна защищать часть государственнаго содержанія, дабы цѣлое двигалось по настоящему руслу. Наивные натуръ-политики, всѣ эти Ромеры и Блюнчли, сравнивали, какъ извѣстно, партіи съ жизненнымъ возрастомъ людей, дитя, юноша, зрѣлый мужчина, старикъ,- всѣ должны жить и обо всѣхъ должно заботиться христіанское государство. Соціально-хозяйственная возможность государства тре-

буетъ, чтобы каждая партія, поскольку она стремится защищать и охранять жизненныя условія представляемаго ею соціальнаго класса, имѣла право на существованіе, — таково мнѣніе иныхъ дальнозоркихъ либераловъ. Только антропологи-политики, съ одной стороны, и идеалисты-философы права, съ другой, совершенно проникли въ несостоятельность и внутреннюю противорѣчивость доктрины государственно-политическаго равновѣсія, антропологи-политики считаютъ высшей задачей государства надзоръ за физическимъ развитіемъ людей и за сохраненіемъ чистоты соціальнаго типа, и сообразно этому они требуютъ отъ государства, чтобы оно всю свою дѣятельность подчинило идеѣ естественнаго подбора Идеалисты-философы права, не обращая никакого вниманія на кастовые и классовые интересы, указывали государству на согласованіе политической дѣятельности съ идеей цѣлаго, т. е. съ идеей моральнаго субъекта. Наконецъ, политики, проникнутые духомъ соціологіи, высказываютъ убѣжденіе, что государство обязано содѣйствовать побѣдѣ тѣхъ политическихъ тенденцій, которыя способствуютъ сохраненію основы и дальнѣйшему развитію культурнаго содержанія и, слѣдовательно, въ послѣднемъ счетѣ, соціальнаго труда и его носителей. Съ этой точки зрѣнія, исторія не знаетъ совершенно объективнаго государства, какъ и абсолютно субъективной партіи. Партія, по идеѣ своей, отражаетъ государство, государство содержитъ въ себѣ партію, какъ всякая часть пространства заключаетъ въ себѣ идею пространства и, наоборотъ, идея пространства адекватна части его. Я не знаю, сдѣлано ли было когда либо сравненіе между монадологіей Лейбница и сущностью государства: точно такъ-же, какъ въ высшей монадѣ отражается низшая, такъ и государство отра-

жаетъ партію Партія стремится стать государ ствомъ.

Въ самой природѣ партіи заключены границы имманентнаго стремленія партіи къ идентичности съ государствомъ. Партія занимаетъ среднее мѣсто между отдѣльными общественными кругами и государствомъ, въ узкомъ смыслѣ слова, она стремится объединить оба полюса, является одновременно ихъ посредникомъ и нерѣдко разжигаетъ борьбу между ними Уже изъ этого вытекаетъ двойственный характеръ сущности партіи. Однако государство не является простой границей партіи, оно вѣрнѣе проникаетъ во всю ея жизнь. Партія, которая мыслитъ себя внѣ идеи государства, перестаетъ въ сущности быть партіей. Чисто формальное отношеніе между партіей и государствомъ можно было-бы выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ. 1) Партія и государство по идеальной тенденціи своей идентичны. 2) Чѣмъ враждебнѣе партія государству, т. е. чѣмъ меньше въ ней государственнаго содержанія, тѣмъ въ большей степени она находится во власти партикуляризма и, вообще, подвержена разрушительнымъ тенденціямъ. 3) Чѣмъ родственнѣе въ своихъ стремленіяхъ партія съ государствомъ, тѣмъ идеальнѣе проявляется государственное содержаніе ея.

Установленныя здѣсь формулы чреваты важными послѣдствіями, какъ для политической практики, такъ и для метафизики партіи. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ статься, если современное государство станетъ во враждебное отношеніе къ партіи, абсолютно проникнутой идеей государственности? Только опасный и роковой государственный партикуляризмъ будетъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ. Въ самой партіи усилится тогда принципъ государственности, государство въ государствѣ станетъ возможностью.

Никакой дальнозоркій государственный человѣкъ не осмѣлится на долго обойти выставленный здѣсь законъ. Слѣдуетъ только при этомъ случаѣ вспомнить старую борьбу западной церкви съ государствомъ. Когда христіанство въ своемъ развитіи преодолѣло фазисъ импрессіонизма и стало проявлять свою соціальную жизнеспособность, отношеніе государства къ церкви стало почти враждебнымъ. Церковь расширяла свои государственныя прерогативы, и, наряду съ царствомъ небеснымъ, она стала подчинять себѣ и царство земное. Вовсе не надо обладать пророческимъ даромъ, чтобы предсказать, что, напр., можетъ произойти теперь изъ борьбы современныхъ правительствъ противъ проникнутой государственностью соціалъ-демократіи Европы. Если систематическая борьба противъ соціалъ-демократіи не прекратится, тогда послѣдней не останется ничего другого, какъ подчиниться требованіямъ формулы «государство въ государствѣ», и въ такомъ случаѣ для соціалъ-демократіи выростаютъ головокружительныя задачи. Она должна будетъ стать и «церковью». Старая церковь начинала, какъ извѣстно, со спасенія отдѣльной души. Исходной точкой соціалистическихъ партій было соціальное спасеніе, но при этомъ пренебрегли «царствомъ небеснымъ». Имманентное развитіе государственной жизни съ желѣзной послѣдовательностью заставляетъ соціалистическія партіи создать также духовное государство, «церковь», и только, какъ носители цѣлаго культуропорядка, они въ состояніи будутъ помѣряться силами съ современнымъ государствомъ. Среди другихъ существующихъ партій врядъ ли найдется одна, которая, по всѣмъ своимъ соціально-хозяйственнымъ и духовнымъ стремленіямъ, въ силахъ была бы взять на себя эту историческую задачу. Даже ультра-мон-

танизму эта задача не по силамъ Формула его, приспособляйте церковь и жизнь къ требованіямъ *современнаго* государства, а не къ идеѣ государства, какъ таковой,—раскрываетъ всю несостоятельность и культурную безпочвенность этой господствующей партіи

Точно такъ-же, какъ государственный принципъ является условіемъ, факторомъ и границей партійной жизни на одномъ полюсѣ ея, точно такъ-же вліяютъ на ея противоположномъ полюсѣ родственныя ей формы соціальнаго сотрудничества Но и послѣднія не остаются безъ вліянія на отношенія партіи къ государству. Партія, которая рекрутируетъ своихъ членовъ изъ широкихъ соціальныхъ слоевъ, неминуемо стремится стать государственной партіей. Эту законосообразную тенденцію слѣдовало бы такъ выразить: чѣмъ дальше идетъ партія въ своихъ стремленіяхъ въ сторону отъ партикуляристическихъ, направленныхъ на достиженіе чисто временныхъ, частичныхъ и особенныхъ интересовъ, тѣмъ ближе стоитъ она принципіально къ государству. Сословные интересы не могутъ поэтому надолго быть основой политической партіи. Имманентный ходъ развитія государственной жизни оказывается сильнѣе діалектики сословныхъ интересовъ Благодаря общественнымъ интересамъ, партія соприкасается съ земной почвой, изъ которой она выростаетъ. Эти стремящіеся къ соціальной формулировкѣ круги интересовъ образуютъ нижнюю грань партіи Здѣсь накопляются злободневныя, индивидуально-соціальныя стремленія и желанія, которыя партійной коллективностью претворяются и сгущаются въ одно новое цѣлое.

Всѣ почти стремленія современныхъ производителей имѣютъ тенденцію облечься въ коллективныя формы Соціальныя организаціи въ видѣ профессіо-

нальныхъ союзовъ, производительныхъ товариществъ, потребительныхъ обществъ, организацій воспитательныхъ и увеселительныхъ учрежденій, вплоть до политическаго объединенія, стараются охватить всего человѣка, и нѣтъ сомнѣнія, что процессъ возникновенія и развитія коалиціонныхъ единицъ далеко еще не законченъ. Особенно въ области духовной культуры онъ находится въ зачаточномъ состояніи Но всѣ эти формы хозяйственнаго, правового, духовнаго и политическаго сотрудничества, вызванныя къ жизни соціальной діалектикой новаго времени, глубоко проникнуты государственнымъ принципомъ и по общей своей морфологіи, и общей имманентной цѣли напоминаютъ политическую партію, правда, съ той только разницею, что онѣ по соціальному содержанію своему ближе къ непосредственнымъ видамъ дѣятельности человѣка. Въ виду такого положенія дѣлъ мы обязаны спросить себя, какъ обстоитъ дѣло съ занимающей насъ проблемой эмансипаціи, разрѣшаетъ-ли принципіально новый порядокъ соціальныхъ отношеній задачу эпохи или, наоборотъ, усложняетъ ее, и, главнымъ образомъ, не созданы-ли, такимъ образомъ, условія для новаго содержанія искомой свободы и, затѣмъ, приближается-ли развивающійся культуропорядокъ къ до-эмансипаціонному времени или, наоборотъ, къ соціалистической культурѣ?

Враги всетрудовой и демократической культуры указываютъ на организаціи производителей, какъ на новыя формы рабства. Иго и дисциплину полицейскаго государства и развивающагося индустріальнаго «феодализма»—разсуждаютъ приверженцы стараго режима—производители перемѣнили на господство партійное, «цеховое», вплоть до классоваго и государственнаго. Близорукіе друзья освобожденія труда обык-

новенно отвѣчаютъ на это благодаря государственно-классовой организованности производителей уменьшается явная эксплоатація послѣднихъ другими классами, и, въ виду преслѣдуемой великой цѣли реорганизаціи всего соціальнаго порядка на началахъ труда, можно жертвовать своей индивидуальной свободой, кромѣ того подчиненіе *своему* классу вовсе не есть подчиненіе. Основной тонъ жизни создается борьбой противъ общаго непріятеля.—Другимъ, болѣе легкомысленнымъ, но за то, можетъ быть, и болѣе эстетически воспринимающимъ жизнь, просто нравится ощущеніе развивающейся соціальной мощи, и на чьей сторонѣ свободный размахъ силы, къ тѣмъ примыкаютъ и они Если всѣ эти и подобные аргументы могутъ быть достаточны для обоснованія индивидуальнаго отношенія къ соціалистическому движенію, то онѣ отнюдь не могутъ быть достаточны для общественнаго сознанія и совершенно не въ состояніи дать философскаго общеобязательнаго оправданія соціалистическому культуропорядку *an und fur sich*. А его въ первую голову обязано дать міровоззрѣніе соціализма. Кто не нуждается въ категоріи безусловности для укрѣпленія своего культуропорядка и всецѣло остается на исторической почвѣ, долженъ, по крайней мѣрѣ, показать, какимъ образомъ соціализмъ справляется съ выдвинутой историческимъ развитіемъ проблемой. Мы настоящую работу совершенно пріурочили къ этому *magnum ignotum* нашей исторической эпохи, и только мѣсто не позволяетъ намъ, на примѣрѣ всѣхъ сторонъ культуры, въ достаточной мѣрѣ показать, какъ соціализмъ становится господиномъ трудной, захватывающей всю жизнь человѣка, проблемы Но въ предѣлахъ возможнаго, мы и дальше будемъ слѣдить за принципіальнымъ разрѣшеніемъ великой задачи.

Вѣрно понятый государственный принципъ, являющійся внутреннимъ раціоналистическимъ началомъ общества и общественныхъ группъ и организацій, не идетъ въ разрѣзъ съ соціализмомъ, а скорѣе помогаетъ ему сладить съ жизненнымъ эмпиризмомъ, поднявъ послѣдній на высшую ступень культурнаго законодательства. Здѣсь вмѣсто стараго вопроса: насколько обезпечиваетъ новый культуропорядокъ мою независимость, спрашиваютъ: насколько дѣлаетъ меня предполагаемая соціальная культура законодателемъ жизни, и какое содержаніе, независимое отъ каприза времени и единичныхъ людей, даетъ она мнѣ? Слѣдуя нашему общему соціологическому взгляду, намъ не трудно будетъ показать, какъ соціальныя организаціи производителей заключаютъ въ себѣ принципіально новую, самостоятельную жизнь, которая по тенденціи своей совпадаетъ съ создаваемой соціологическимъ прогрессомъ культурой, какъ таковой.

Господствующій номиналистическій взглядъ на вещи не позволяетъ адептамъ либеральной науки проникнуть въ сущность жизни общества, вообще, и политической партіи, въ частности. Творческая связь между личностью и общественными организаціями, такъ сказать, соціальная субстанція остается въ тѣни. Совершенно другой результатъ получается при свѣтѣ соціологическаго реализма или идеализма, который отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ органическимъ воззрѣніемъ въ соціологіи. Для насъ здѣсь достаточно указать на упомянутый выше фактъ вліянія и существованія соціальной активности или активности въ формѣ организованныхъ отношеній Сами по себѣ соціологическія формы жизни являются духовной дѣйствительностью, которой свойственны всѣ черты духовной

личности, какъ этическая оцѣнка и отвѣтственность, религіозная увѣренность и даже познаніе, вѣдь само существованіе соціальныхъ фактовъ есть механизмъ познанія, — оно является одновременно овеществленнымъ научнымъ отношеніемъ Такимъ образомъ, и мысль гегеліанской философіи исторіи о совпаденіи въ соціально-историческомъ процессѣ познанія и созиданія пріобрѣтаетъ возможную конкретную форму. Съ нашей точки зрѣнія, этимъ доказывается автономная цѣнность соціальной культуры, какъ мы это видѣли также на примѣрѣ соціальныхъ религіозныхъ отношеній Я здѣсь не говорю о временныхъ препятствіяхъ, становящихся на пути развитія соціально духовной дѣйствительности, т. е. соціологической идеи. Всякое соціально-творческое объединеніе людей заключаетъ въ себѣ возможность дойти до безусловной религіозной увѣренности, до абсолютной оцѣнки своихъ дѣйствій и нравственнаго самосуда надъ ними и до установленія справедливаго отношенія между ними внутри даннаго соціальнаго круга и внѣ его, сообразно научному сознанію, въ согласіи съ закономъ причинности и высшей цѣлесообразности Не будемъ обманываться: культура есть *соціальная* культура или она вовсе не культура и не представляетъ собою духовной дѣйствительности, долженствующей быть согласованной съ требованіями жизненной возможности всего соціальнаго космоса. Даже такъ называемая, личная или внутренняя культура, въ послѣднемъ счетѣ, представляетъ собою форму обмѣна или видъ какихъ-либо отношеній. Соціальная культура, а также слѣдовательно и выраженія ея, въ видѣ политическихъ партій, государства и т. д., будучи согласованы съ закономъ жизни всего общества и трудовой основой его, уже сами по себѣ цѣнны, разумны, святы и полны абсо-

лютнаго достоинства. *Привести къ дѣйственному сознанію носителей и созидателей соціалистическихъ организацій скрытое въ соціальной культурѣ послѣднее жизненное бытіе—такова основная задача соціалистической реформаціи* Тутъ возникаетъ совершенно новый исходный пунктъ въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку. Вмѣсто стремленія къ подчиненію и власти одной стороны, или къ примиренію враждебныхъ силъ и къ ихъ культивированію, выростаетъ потребность въ творческомъ единеніи. Коллективный энтузіазмъ и религіозная связь между людьми является послѣдствіемъ этого новаго положенія вещей На ряду съ расширеніемъ соціальной культуры и объединеніемъ ея неминуемо растетъ и индивидуализація людей.

Положеніе современной соціологіи, что, съ ростомъ и расширеніемъ соціальныхъ группъ и союзовъ, развивается независимость, самостоятельность, однимъ словомъ, индивидуализація человѣка, не теряетъ, понятно, своего значенія въ предѣлахъ соціалистическаго культуропорядка Но индивидуализація людей неминуемо ведетъ къ посредственнымъ отношеніямъ между ними, и явленія, приводящія ихъ въ связь другъ съ другомъ, носятъ абстрактный характеръ. Жизнь политической партіи и государственно-правовыхъ отношеній очень полно проявляетъ установленный соціологами законъ. Какъ государственное право, такъ и политическая партія не охватываютъ всего человѣка, а имѣютъ дѣло съ одной какой нибудь стороной его, хотя цѣль этихъ отношеній есть тотъ же цѣлостный человѣкъ Право, напр., *по существу* не можетъ интересоваться цѣлокупностью мотивовъ, приводящихъ человѣка къ нарушенію установленныхъ законовъ. Но, съ другой стороны, творя надъ человѣкомъ судъ, право, по тенденціи своей,

стремится вернуть человѣка обществу въ, такъ сказать, нормальномъ состояніи Здѣсь-то законодатель и исполнитель закона выходятъ изъ своей узкой роли, обусловленной дифференціаціей государственно-общественной жизни, и становятся общественнымъ педагогомъ, который, какъ извѣстно, имѣетъ въ виду нормальный, общественно-необходимый средній типъ. И въ политической партіи люди сходятся исключительно на почвѣ общей имъ программы дѣятельности, они вступаютъ другъ съ другомъ въ отношенія, какъ дифференцированные субъекты. И только сознаніе общей имъ, проникающей всего человѣка, лежащей въ основаніи соціальныхъ отношеній, жизни, какъ и цѣль партіи, выводящая членовъ ея далеко за предѣлы подлежащаго реформѣ соціальнаго строя, возстановляютъ всего человѣка Всѣ соціальныя отношенія, поскольку онѣ кристаллизуются въ группахъ, союзахъ, учрежденіяхъ и законодательствѣ, создаютъ, съ одной стороны, такимъ образомъ, сношенія индивидуализированныхъ и дифференцированныхъ людей, а съ другой стороны, наполняютъ ихъ жизнь соціализированнымъ творческимъ содержаніемъ. Партія и, вообще, общественная жизнь, въ конечномъ счетѣ, ничего у человѣка не отнимаетъ, а скорѣе его обогащаетъ. Не говоря уже о томъ, что внѣ общественно-государственной жизни не мыслимы какъ сознаніе собственной индивидуальности, такъ и оцѣнка жизни, возникающая въ силу соціальныхъ отношеній,—только ростъ общественно-государственныхъ группъ создаетъ условія для проявленія безусловной религіозной увѣренности, индивидуальной отвѣтственности, однимъ словомъ, культурнаго содержанія жизни. Борьба противъ политической партіи со стороны приверженцевъ свободы и самостоятельности личности могла только явиться

на почвѣ односторонняго раздѣленія соціальнаго труда, только тамъ, гдѣ политическая партія стремилась овладѣть всѣмъ человѣкомъ для своихъ временныхъ партикуляристическихъ интересовъ. Но это культурное недоразумѣніе имѣетъ и свои болѣе глубокія соціологическія причины. Установленное Спенсеромъ положеніе, что соціальныя группы, дѣятельность которыхъ всецѣло направлена на борьбу съ, внѣ ихъ стоящими, соціальными силами и кругами, неминуемо вліяетъ разлагающимъ образомъ на душевный складъ членовъ ихъ, это положеніе, которое каждый ежедневно можетъ констатировать, не мало содѣйствовало къ установленію подобнаго недоразумѣнія При этомъ, къ сожалѣнію, забывалось все то, что партія и, вообще, общественные союзы однимъ фактомъ своего существованія даютъ склонному къ безшабашному субъективизму человѣку, забывалась воспитательная роль группъ и партій и, главнымъ образомъ, духовная атмосфера, порождаемая ими. И въ особенности, партіи и союзы соціализма, по всѣмъ своимъ имманентнымъ цѣлямъ стремящіеся къ проникновенію отношеній идеей абсолютнаго, безусловно цѣлесообразнаго и цѣннаго культуропорядка, стремящіеся, далѣе, къ внутреннему согласованію общественныхъ движеній и отношеній съ общимъ закономъ жизни всего общества и его трудовой основы, меньше всего могутъ надолго нарушить спонтанный ростъ индивидуальнаго существованія. Самый принципъ соціалистической политики, ведущій къ созданію свободной демократіи, въ отличіе отъ авторитарной, содѣйствуетъ укрѣпленію личности—законодателя жизни.

Не только цѣль, но и характеръ соціалистической политики рѣзко отдѣляютъ въ своей тенденціи партіи и союзы соціализма отъ соціально-конкретныхъ про-

явленій другихъ культуровоззрѣній. Положеніе „все для производителей и черезъ нихъ“ совершенно отличаетъ свободно-соціалистическую демократію отъ формъ либеральнаго, церковнаго и т. п. демократизма. И политика хозяйственная, государственная и культурная, въ узкомъ смыслѣ (школьное дѣло и т. д.) соціалистическихъ партій лишній разъ воспроизводитъ условія для проявленія жизни свободной индивидуальности. „Черезъ соціализмъ къ индивидуализму и черезъ индивидуализмъ къ соціализму!“—является поэтому имманентнымъ требованіемъ трудовой демократіи. Въ крови другихъ видовъ демократіи, начиная съ полицейско-государственной и кончая протестантско-этической, лежитъ сильное стремленіе къ диктатурѣ. Только времена смуты и соціальной дезорганизованности навязали нашимъ партіямъ эту форму угнетенія стараго міра Диктатура здѣсь однако играетъ роль самозащиты, но отнюдь не является способомъ творческаго воздѣйствія. Гдѣ это стремленіе замѣчается, тамъ безспорно происходитъ отклоненіе отъ соціалистическаго принципа, тамъ передъ лицомъ всего міра дискредитируется идея труда. Мы—противники всякой диктатуры, все равно, исходитъ-ли она отъ королей Европы или изъ рядовъ пролетаріата. Въ связи съ подобнымъ политическимъ воззрѣніемъ, выясняется глубокая культурно-историческая роль всѣхъ тѣхъ формъ сотрудничества, которыя создаетъ трудъ въ ходѣ своего соціальнаго развитія. Профессіональные и различнаго рода культурные союзы, хозяйственныя кооперації и политическія партіи производителей не потому только цѣнны, что являются могучимъ орудіемъ въ борьбѣ за освобожденіе труда, но, главнымъ образомъ, потому, что они представляютъ собою ту историческую арену, на которой неуклонно

созидаются соціалистическія формы отношеній, куется соціалистическое правосознаніе, воспитывается человѣкъ-законодатель Вотъ почему тысячу разъ правъ былъ Якоби, когда онъ говорилъ, что каждый новый рабочій ферейнъ имѣетъ большее значеніе для культуры, чѣмъ, (если память мнѣ не измѣнила) битва при Ватерлоо

Всегда и повсюду взоръ производителя долженъ быть направленъ въ сторону положительнаго созиданія, всегда онъ долженъ имѣть въ виду соціально-культурную цѣль труда. Отсюда не слѣдуетъ, что соціально-активныя группы соціализма должны всегда сообразовывать свою дѣятельность съ требованіями другихъ, чуждыхъ имъ общественныхъ силъ и партій. Оппортунизмъ, такъ называемаго, ревизіонизма въ данномъ случаѣ также мало согласуется съ соціалистической тенденціей исторіи, какъ и его антиподъ,—ортодоксальный марксизмъ эпигоновъ,—ведущій въ своемъ послѣдовательномъ проведеніи къ соціальному абсентеизму. Въ обоихъ нѣтъ настоящаго соціалистическаго содержанія Ревизіонизмъ, находясь во власти естественно-научнаго эволюціонизма послѣдней эмпирической формаціи, видитъ подчасъ точки соприкосновенія и общности интересовъ тамъ, гдѣ имѣется воочію самая непримиримая борьба принциповъ двухъ различныхъ культуръ, марксизмъ же эпигоновъ, находясь всецѣло подъ вліяніемъ логики противорѣчій и воззрѣнія на развитіе, какъ на естественный процессъ сплошного отрицанія и ломки историческаго содержанія, обрекаетъ соціализмъ на полное безплодіе. Внутренне - непродуктивная абстрактность одного и чрезвычайное пристрастіе къ эмпирической конкретности другого одинаково вредны для проникновенія жизни соціалистическимъ духомъ. Все новое создается,

понятно, въ конкретной атмосферѣ исторически унаслѣдованнаго и настоящаго. Но само стремленіе къ соціалистическому демократизму въ области хозяйства, права и, такъ наз., культурной политики, стремленіе, глубоко коренящееся во всей соціологической структурѣ современной цивилизаціи, является одновременно однимъ изъ основныхъ условій возможнаго осуществленія соціализма. Нужна только смѣлость взгляда и рѣшительность дѣйствія. Такимъ образомъ, искоренятся и методы старой политики, вся эта политика дозволеннаго обмана, дипломатіи и опеки Трудъ нуждается только въ принципіальномъ, а потому и всецѣло героическомъ образѣ дѣйствій. Насколько можно уже теперь предвидѣть, передъ соціализмомъ лежатъ двѣ дороги, вполнѣ зависимыя отъ внутренней логики соціологическаго процесса: соціализмъ или на время побѣдитъ новый феодальный индустріализмъ, и тогда политикѣ производителей неоднократно придется еще прибѣгать даже къ *ultima ratio* сознающаго свою соціальную мощь класса, а духъ соціалистической культуры найдетъ пока свое выраженіе внутри организаціи труда; или-же возьметъ теперь-же верхъ общая демократизація всѣхъ соціальныхъ отношеній вплоть до межъклассовыхъ и международныхъ, и тогда соціалистическая культура широкой волной разольется по всей поверхности современнаго общества. Это будетъ однако вполнѣ зависѣть отъ героической и дальнозоркой политики рабочихъ классовъ, чтобы въ обоихъ случаяхъ приступить къ совершенной реорганизаціи такихъ, напр., основныхъ формъ истинно демократическаго преуспѣянія, какъ школа, военное дѣло и т. д. Для того, чтобы демократическія средства воздѣйствія на жизнь могли найти практическое примѣненіе, нужно создать одинъ общій и обязательный для всѣхъ образователь-

ный организмъ, который послѣдовательно включилъ бы въ себѣ всѣ формы воспитанія, начиная отъ дѣтскихъ садовъ и кончая совершенно преобразованной средней школой Только государство, опирающееся на подобный высокій образовательный уровень, можетъ пріобрѣсть ту устойчивость, которая необходима для мирнаго развитія истинной культуры Къ радикальному повороту во всѣхъ методахъ государственной и культурной политики зоветъ современный міръ соціализмъ, ибо только онъ въ состояніи разрѣшить и общую проблему нашей исторической эры объ эмансипаціи человѣка. А въ этомъ вся суть, въ подготовленіи новаго человѣка вся цѣль той исторической трансформаціи, соціально-духовное выраженіе которой знаменуетъ собою соціализмъ. Попытаемся-же поднять завѣсу будущаго и бросимъ взглядъ на человѣка грядущей культуры.

VII

Человѣкъ.

Вращается весь міръ вкругъ человѣка.
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Пушкинъ

Каждая культурная эпоха вѣнчается человѣкомъ, носителемъ и завершителемъ ея Находятся даже историки, измѣряющіе ростъ культуры внутреннимъ содержаніемъ человѣческой жизни. Чѣмъ живы были люди въ прошлыя времена историческаго развитія? — таковъ вопросъ, предъявляемый къ человѣческой культурѣ И мы, въ интересахъ нашего предмета, обя-

заны спросить себя, какія возможности внутренней жизни открываются передъ человѣкомъ грядущаго соціалистическаго культуропорядка?

Что духовный складъ человѣка измѣнялся подъ вліяніемъ перемѣнъ, происшедшихъ въ основныхъ функціяхъ жизненнаго единства,—на этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣній факты исторической жизни, какъ и выводы соціологической дедукціи убѣдительно доказываютъ это. Религіозное сознаніе, искусство и литература являются живыми памятниками духовнаго строя. Черезъ жизнь людей всегда проходитъ какое нибудь основное чувство, основное направленіе воли и мышленія,—какое нибудь активное проявленіе всегда владѣетъ всѣмъ человѣкомъ. Правда, конкретная живая жизнь лишена монистическаго шаблона, послѣдній также чуждъ богатому возможностями и ситуаціями соціальному укладу. Въ душѣ одного и того же человѣка свиваютъ себѣ гнѣздо иногда прямо противоположныя тенденціи жизни. Но черезъ нихъ всѣхъ пробивается одна, болѣе или менѣе сознанная, идея, являющаяся одновременно санкціей всего содержанія человѣческаго бытія. Въ виду такого положенія вещей представляется выгоднымъ раздѣлить все содержаніе жизни культурнаго человѣка, какимъ его завѣщала намъ исторія, на два царства, на міръ натуралистическаго и міръ идеалистическаго существованія. Культурно-философская литература и драма нашихъ дней въ сущности неустанно бьются надъ разрѣшеніемъ жизненныхъ проблемъ этихъ двухъ царствъ; и здѣсь и тамъ раздаются голоса объ объединеніи ихъ въ одно всеобъемлющее третье царство.

Человѣкъ съ натуралистическимъ жизненнымъ содержаніемъ продѣлалъ длинную эволюцію, которая не

всегда заслуживаетъ названія прогрессивнаго развитія Онъ явилъ міру большое разнообразіе типовъ, но всѣ эти типы въ силу внутренней необходимости остались вѣрны элементарнымъ свойствамъ жизни натуралистическаго характера, что и позволяетъ намъ говорить объ единомъ видѣ натуралистической жизни. Во всѣхъ его проявленіяхъ натуралистическій человѣкъ ставилъ свое душевное состояніе въ зависимость отъ удовлетворенія спонтанно возникающихъ потребностей Сознающему себя и окружающій міръ духу человѣческому не пріуготовили самостоятельнаго мѣста въ натуралистическомъ царствѣ Зато духъ, какъ сознательное стремленіе къ укрѣпленію существованія единичнаго эгоистическаго человѣка, сталъ однимъ изъ элементарныхъ средствъ этого рода жизни Духъ, какъ служитель физіологическихъ и соціально-біологическихъ „натуральныхъ“ проявленій единичнаго человѣка, былъ признанъ чуть-ли не чисто натуралистической потенціей жизненной активности Половая потребность, удовлетвореніе голода, стремленіе къ сытости, власти, господству и къ красотѣ, какъ къ свободной игрѣ свободныхъ силъ организма, стали въ той или иной формѣ лейтъ-мотивомъ душевной жизни людей натуралистическаго вида. Только драмы и трагедіи, возникавшія на почвѣ борьбы за намѣченную здѣсь цѣль, и духъ, призванный служить и оправдывать эту чисто животную борьбу, придавали натуралистической жизни тотъ или иной человѣческій смыслъ и значеніе. Но тогда борьба выводила человѣка за предѣлы эгоистическаго натурализма въ міръ постоянныхъ соціальныхъ сношеній и отношеній. Борьба за собственный эгоизмъ переходила въ борьбу за эгоизмъ другихъ, вплоть до общей соціальной пользы. Тутъ то стали возможны чувства

славы, честолюбія и широкихъ надеждъ, стремленія къ признанію, уваженію, къ духовной увѣренности, однимъ словомъ, соціальный характеръ существованія, по мѣрѣ своего роста, окрашивалъ натуралистическое бытіе въ человѣческій цвѣтъ; соціально-культурная оцѣнка стала играть роль въ душевныхъ состояніяхъ. Натурализмъ складывался въ культурную систему, и одновременно выростала этика и эстетика борьбы и потребностей, появилась религія атеизма и пантеизма. Трудъ и, вообще, творческое строеніе человѣческаго міра занимаетъ въ натуралистическомъ царствѣ подчиненное мѣсто Неудивительно поэтому, что въ системахъ натуралистической жизни производителю не удѣлялась и сотая доля того вниманія, которымъ пользовался человѣкъ - господинъ. Культурное сознаніе склонялось къ аристократическому идеалу, и все идейное содержаніе жизни сводилось къ аристократическимъ добродѣтелямъ храбрости, силы и славы, или-же къ борьбѣ противъ аристократическаго уклада. Теократическій натурализмъ библейскаго еврейства, эстетическій натурализмъ древнихъ грековъ, іерархически-сословный эвдомонизмъ въ концѣ среднихъ вѣковъ и классовый—въ наши дни суть только формаціи одного и того-же жизненнаго начала, приводившаго въ конечномъ счетѣ къ идеалу жизни господина. Авторы библіи говорили объ избранномъ народѣ, натурализмъ послѣдующаго времени говорилъ объ избранныхъ соціальныхъ группахъ, классахъ и отдѣльныхъ сильныхъ міра сего. Только съ развитіемъ раздѣленія и сотрудничества труда, натурализмъ, какъ содержаніе жизни, облекся въ соціальныя формы, и соціально-индивидуальныя чувства и желанія, о которыхъ мы упомянули выше, наполнили, наравнѣ съ личнымъ эвдомонизмомъ, человѣческую душу,

и въ душѣ человѣка натуралистическаго вида зазвучала нотка героизма Раньше этотъ типъ стремился только къ *владѣнію* и *обладанію*, а теперь—*дѣйствовать, проявлять энергію* стало вторымъ основнымъ стимуломъ его существованія Не только цѣль натуралистическаго характера, но и путь къ цѣли стала давать ему жизнь.

Совершенно другіе аккорды звучатъ въ душѣ человѣка идеалистическаго типа. Здѣсь душа томится по своей сущности, а не только по дѣлу, и въ еще меньшей степени фактъ простого обладанія благами міра сего способенъ умиротворить рвущееся къ духовному простору человѣческое сердце Духовная дѣйствительность «не отъ міра сего» всегда была лозунгомъ человѣка идеалистическаго типа. Идеализмъ Индіи искалъ эту духовную незыблемую сущность внѣ всякихъ физіологическихъ и психическихъ взаимоотношеній, по ту сторону «страждущаго бытія», въ чистомъ самосозерцаніи. Древніе іудеи и греки, по скольку идеалистическій моментъ выражался въ ихъ жизни, находили идею своего существованія, въ единствѣ и правильности сосуществованія, въ соціальномъ космосѣ, который носитъ на себѣ всѣ черты созидающей идеи или высшей цѣлесообразности, и которому, по существу, чужды натуралистическіе инстинкты самопожиранія и господства.

Съ торжествомъ христіанскаго идеализма, мощь духовнаго бытія переносится изъ области соціальной въ сферу индивидуальнаго существованія. Человѣкъ, какъ таковой, освобожденный отъ богатства «міра сего», бѣдный, страждущій человѣкъ открываетъ въ себѣ источникъ жизни. Онъ «свободенъ во Христѣ», его человѣческое существо, пріобщенное къ міровой свободѣ или идеѣ считаетъ ниже своего достоинства жить со-

держаніемъ натуралистическаго царства, царства «зла». Страдая за это зло, христіанинъ—идеалистъ, самъ того не замѣчая, отрицаетъ того самого человѣка, ради спасенія котораго онъ добровольно несетъ крестъ Категоріи обладанія и соціальной активности безпощадно вычеркиваются имъ изъ книги бытія, и водружается «идеалъ бѣдной жизни» Человѣкъ поддерживаетъ здѣсь свое жизненное чувство, благодаря активности, направленной, при свѣтѣ соціально человѣческихъ проявленій, вспять. Всѣ чувства и добродѣтели, призванныя поддерживать его сношенія съ внѣшнимъ міромъ, дѣйствуютъ разрушительнымъ и разслабляющимъ образомъ на біо-онтологію соціальнаго космоса. Еще больше. онѣ своимъ проявленіемъ въ концѣ концовъ обезцѣниваютъ человѣческій міръ и лишаютъ его идейнаго содержанія. Для себя христіанинъ-идеалистъ припряталъ идею абсолютной внутренней свободы и достоинства, базирующую на открытомъ въ себѣ божескомъ началѣ; между нимъ и ближнимъ разстилаются нейтральныя чувства смиренія, кротости, скромности и собственной грѣховности, а любовь къ этому ближнему, которая выражается въ состраданіи къ преходящимъ, драматическимъ моментамъ его неустроенной, «злой» жизни—единственно, что связываетъ его съ міромъ человѣческимъ Христіанинъ, страдающій за несовершенный міръ, христіанинъ, творящій милостыню, христіанинъ, кающійся грѣшникъ, христіанинъ блаженый и наивный, какъ дитя, христіанинъ, томящійся по идеалу «свободной», т. е. «бѣдной жизни»—все это типы одного и того же культурнаго духа. Всѣ ихъ помыслы направляются на водруженіе «царства Божія» внутри самихъ себя.

Но и эта полоса индивидуалистическаго христіанства нѣкоторыми своими сторонами не прошла не-

замѣченной при дальнѣйшемъ созиданіи современнаго соціальнаго культуропорядка. Чувство независимости и самообладанія, выкованныя имъ въ тяжелой исторической борьбѣ за существованіе, легли въ основаніе какъ всего средневѣковаго ремесленно-цехового устройства, такъ и капиталистически-хозяйственной дѣятельности и государственнаго правопорядка Освобожденіе «совѣсти» Лютеромъ и строгій аскетическій ригоризмъ Кальвина, которымъ такъ восхищался Карлъ Марксъ, являются отголоскомъ души христіанина-идеалиста. Идеализмъ XVIII и XIX вв старается, какъ-бы въ унисонъ съ наступательнымъ государственно-соціальнымъ движеніемъ, придать христіанскому идеализму давно утерянную исторіей соціальную форму. Съ одной стороны, выростаетъ идеалъ демократической жизни: люди, въ качествѣ нравственно-разумныхъ центровъ, строятъ «нравственный міропорядокъ», царство свободы на землѣ, съ другой-же стороны, люди стараются жить во имя понятой, какъ развертывающаяся духовная дѣйствительность, идеи—человѣческой исторіи и въ согласіи съ ея требованіями; вѣра въ «прогрессъ» отдается звучнымъ аккордомъ въ душѣ культурнаго человѣка прошлаго столѣтія.

Мы не можемъ здѣсь прослѣдить за всѣми тѣми причудливыми узорами, которые исторія выводила въ душѣ людей обоихъ упомянутыхъ основныхъ видовъ человѣческой культуры. Мнѣ хочется только упомянуть еще о людяхъ—Прометеяхъ, стоящихъ на границѣ между натуралистическимъ и идеалистическимъ жизневоззрѣніемъ, о человѣкѣ-революціонерѣ, который въ одинаковой степени движимъ въ своихъ хотѣніяхъ и чувствахъ, какъ полумистической идеей мессіанства и подвижничества, такъ и эстетическими,

полухищническими инстинктами мощи и власти. Душевный складъ человѣка изъ среды Прометеевъ намѣченъ былъ мною въ моей «Kulturanschauung des Socialismus» [1]), и тамъ-же отчасти выясняется, что черты этого типа мировой исторіи, въ большей или меньшей степени, свойственны людямъ другихъ культурныхъ формъ Здѣсь намъ остается только дорисовать этого человѣка переходныхъ временъ, человѣка историческихъ границъ и культурнаго средостѣнія. Человѣкъ—Прометей не интересуется тѣмъ, что онъ есть, онъ хорошенько не знаетъ, чѣмъ ему обладать, и нужно-ли, вообще, человѣку владѣть чѣмъ нибудь, онъ весь находится во власти категоріи дѣйственности, направленной на переоцѣнку отжившаго содержанія и, вообще, на разрушеніе ограничивающихъ его энергію силъ Онъ всегда знаетъ, противъ чего и кого онъ ведетъ борьбу, но рѣдко во имя чего и еще рѣже,—за что, за какой новый культуропорядокъ. Ницше со свойственной ему близорукостью по отношенію къ соціально-массовымъ движеніямъ новаго времени, прямо оклеветалъ человѣка-революціонера, зачисливъ его въ ряды возставшихъ рабовъ противъ господъ. Онъ забылъ или просто не зналъ, что бунтующій рабъ всегда движимъ въ своихъ дѣйствіяхъ чувствомъ зависти, и проглядѣлъ, что рабъ, по существу, стремится къ господскому положенію. Иной, высшей жизни, чѣмъ жизнь господъ, онъ не знаетъ. Рабъ никогда не дѣлаетъ культурныхъ нововведеній. Ихъ, правда, не совершаетъ и революціонеръ, но онъ за то всегда является ихъ глашатаемъ и правозвѣстникомъ. Тамъ, гдѣ рабъ завидуетъ, а потомъ уже ненавидитъ, «революціонеръ» ненавидитъ а потомъ и

[1]) Готовится русскій переводъ.

презираетъ. Зависть относится къ области психической кражи, презрѣніе-же полно безкорыстія Въ кругу своей, по всему своему характеру ограниченной жизни человѣкъ-революціонеръ живетъ спорадически проявляющимся героизмомъ Если-бы онъ все-таки могъ понять самого себя, онъ можетъ быть ужаснулся бы своего, по истинѣ трагическаго, положенія онъ всегда виситъ въ воздухѣ, и ему всегда грозитъ опасность провалиться въ пропасть. Ницше, Бакунина и г п эта бездна повидимому всегда манила Они всѣ только жили въ процессѣ героической дѣйственности, оставляя вопросъ о сущности ихъ жизни и о содержаніи новой, которой слѣдуетъ овладѣть, совершенно открытымъ. Ихъ дѣло не знало «послѣдняго бытія», которое должно было укрѣплять и оправдывать, его и передъ ними была закрыта завѣса того содержанія, въ которое должно было претвориться «дѣло»

Грядущій человѣкъ соціалистической культуры долженъ явиться ликующимъ наслѣдникомъ всего содержанія міровой исторіи. Это отнюдь не значитъ, что душа его явится какой-то мозаикой, гдѣ гармонично и мирно уживаются камни различныхъ цвѣтовъ и различной яркости. Центръ его жизни,—освобожденный, творческій трудъ, есть скорѣе залогъ его глубокаго единства, созидательный характеръ его дѣятельности побуждаетъ его утверждать и благословлять все, рвущееся къ жизни, безпрерывныя соціальныя отношенія, изъ которыхъ сплетается его жизнь, наполняютъ его трансъ-субъективнымъ, универсальнымъ содержаніемъ. Онъ пріемлетъ *бытіе всѣхъ трехъ категорій—дѣйственности, сущности и обладанія* Мы выше показали, какъ основа его жизни, трудъ, дѣлаетъ изъ него человѣка-строителя, и какъ онъ, созидая свою жизнь, тѣмъ самымъ воздвигаетъ жизнь

соціальную, которая, въ силу внутренней необходимости, превращается въ духовное бытіе, въ животворящую субстанцію существованія, въ универсальную церковь. Устремляя взоръ свой вокругъ себя, онъ видитъ себя обладателемъ не только цѣнностей, имъ непосредственно созданныхъ, но и совладѣтелемъ всего огромнаго человѣческаго міра, а черезъ это,—и міра вообще. Освободивъ трудъ отъ наносныхъ, историческихъ и чуждыхъ ему по существу формъ, онъ становится господиномъ историческаго содержанія.

Соціализмъ, какъ завершитель пройденнаго человѣчествомъ культурнаго пути, не можетъ родить человѣка, отрѣзаннаго отъ бытія историческаго человѣка, ему чужды Иваны, непомнящіе своего родства. Поднявъ основу всѣхъ культурныхъ возможностей, трудъ, на степень центральнаго господствующаго стимула и регулятора жизни, онъ тѣмъ самымъ включаетъ въ бытіе человѣка и всѣ побочныя проявленія исторической активности. Мы поэтому и не ставимъ вопроса либо натуралистическое направленіе жизни, либо идеалистическое и романтическое, либо безшабашный біологизмъ и революціонный героизмъ. Мы не говоримъ чувства и хотѣнія натуралистическаго типа должны подвергнуться атрофіи, или человѣкъ долженъ забыть о духовномъ бытіи, которымъ проникается все его существованіе. Да мы-бы и мало успѣли, если-бы отдались проповѣди культа какихъ-бы то ни было основныхъ сторонъ культурнаго бытія. Законъ сохраненія жизненнаго содержанія и эволюціи того, что дѣлаетъ человѣка «живымъ», всецѣло примѣнимъ и къ внутреннему бытію человѣческой жизни. Только потенціи и чувства второго и третьяго порядка для соціально-трудового культуропорядка, *случайныя* потенціи человѣческаго тѣла и

духа могутъ подлежать искорененію Всѣ-же остальныя чувства, хотѣнія, переживанія и направленія жизни могутъ лишь подвергнуться вліянію *трасформаціи*, въ согласіи съ жизненнымъ единствомъ и бытіемъ новаго, въ данномъ случаѣ, соціалистическаго культуропорядка, что не исключаетъ, понятно, появленія новаго взгляда на вещи, новыхъ чувствъ и особаго волевого сознанія Вся проблема индивидуальной культуры будущаго заключается въ примѣненіи унаслѣдованнаго отъ исторіи психическаго содержанія. Поскольку намъ уже даны контуры грядущаго культуропорядка, мы можемъ попытаться поднять завѣсу съ души будущаго возрожденнаго человѣка.

Начать хотя-бы съ физіологическихъ и индивидуально-психическихъ потенцій и побужденій человѣка. Нѣтъ положительно области человѣческаго проявленія, на которую не посягнула-бы реформаторская рука исторіи Даже интимно-физіологическія сношенія людей подверглись съ той или другой стороны гоненію и порицаніямъ. Соціализмъ, напротивъ, и эту сферу жизни утверждаетъ, переводя ее изъ области слѣпой игры силъ и эстетическаго сантиментализма въ міръ соціальной, полной цѣнности, творческой интимности. «Оставь семью и иди за мной»—такъ приблизительно обращалось еще свободное отъ компромиссовъ романтическое христіанство къ запутавшемуся въ сѣтяхъ элементарнаго натурализма человѣку «послѣднихъ дней». «Мы снисходительны къ твоимъ слабостямъ; чтобы сохранить надъ тобою господство, да будетъ твоя физіологически—семейная жизнь неприкосновенна»—говорили впослѣдствіи другіе учителя культуры. «Созидай во имя мое и въ согласіи со мной твою семью, открой меня въ твоихъ отношеніяхъ къ полу»—говоритъ соціализмъ человѣ-

ку. Все существующее разумно, цѣнно и свято, если оно не идетъ въ разрѣзъ съ закономъ жизни всего соціально-духовнаго космоса, тѣмъ паче, если оно само является микрокосмосомъ культурнаго макрокосмоса «Стремленіе къ мощи и силѣ, чувство превосходства и господства—примиряли меня съ земною юдолью»—плачется человѣкъ натуралистическаго уклада жизни, «они одни помогали мнѣ въ борьбѣ за существованіе и обогащали меня Что-же станетъ со мною безъ этихъ стимуловъ историческаго бытія?» «Приложи ихъ къ труду, господствуй надъ природой и надъ неразумнымъ, нечеловѣчнымъ въ твоей собственной жизни и жизни ближнихъ» – отвѣчаетъ соціализмъ рабу историческихъ пережитковъ «Твоя сила была больше насиліемъ, она не превращала міръ въ одну незыблемую сплошную духовную или идейную дѣйствительность, она скорѣе задерживала ростъ и расцвѣтъ всеобъемлющей культуры, она не позволяла жить въ согласіи съ высшей задачей твоей-же человѣческой жизни. Ты былъ честолюбивъ, лучшіе среди васъ любили славу, почетъ, уваженіе, но слава твоя покоилась на самообманѣ, какъ и вся прочая твоя жизнь. Стремленіе къ славѣ, само по себѣ, законно, важна только форма этого чувства, ибо слава глубоко соціальное чувство, оно покоится на желаніи быть одобреннымъ и понятымъ другими. Въ славѣ мы ищемъ трансъ-субъективной санкціи нашимъ дѣйствіямъ и, вообще, нашей личности, мы, благодаря ей, лишній разъ удлиняемъ нашу не эгоистическую, соціально-духовную жизнь. Понятно поэтому, что, съ ростомъ процесса соціализаціи, развивается и чувство славы, и для возрожденнаго человѣка, сознаніе, что его дѣятельность находитъ себѣ санкцію въ свободной отъ случайностей и кастовыхъ побужденій идеѣ соціалистической культу-

ры,—высшее, чего онъ можетъ достичь въ своемъ стремленіи къ этого рода оцѣнкѣ жизни Соціализмъ меньше всего откажетъ человѣку въ такого рода соціальныхъ переживаніяхъ, благодаря которымъ чисто натуралистическіе, грубые стимулы къ труду замѣняются гуманитарными побужденіями. Соціалистическая культура враждебна только тѣмъ чувствамъ, оцѣнкамъ и воззрѣніямъ, которыя, въ той или иной формѣ, укрѣпляютъ разслабляющій человѣка драматизмъ жизни Конфликты, понижающіе дѣятельность человѣка, исторгающіе изъ его груди звуки проклятія или мольбы, не найдутъ себѣ отклика въ соціалистической жизни. Вотъ почему, мы и теперь чисто и нстинктивно обдаемъ благодарнаго за милости бѣдняка презрѣніемъ и восхищаемся гордостью неблагодарнаго своимъ благодѣтелямъ бѣдняка.

По какому то соціально-психологическому недоразумѣнію публика навязываетъ чувства и добродѣтели бѣдныхъ классовъ населенія возрожденному человѣку соціалистической культуры. Весь соціально-духовный багажъ современныхъ господъ и рабовъ другъ друга стоятъ и другъ другомъ обусловлены; современное богатство, какъ и бѣдность вызываютъ тотъ самый драматизмъ, отъ присутствія котораго тухнетъ всякая истинно-культурная искра въ душѣ современника. Соціализмъ всѣ свои стремленія въ сущности направляетъ не на побѣду рабовъ надъ господами, или конкретнаго «пролетарія» съ его, преимущественно отрицательными чувствами и побужденіями, надъ буржуа съ его тяготѣніемъ къ консерватизму и къ феодализму, а объявляетъ побѣду современныхъ неимущихъ *производителей*. Нельзя сказать, что замѣна почетнаго названія «производитель», заключающаго въ себѣ цѣлую культурную про-

грамму, словомъ «пролетарій», была очень удачной. Это могли оправдать только требованія политическаго момента, но отнюдь не духъ нашего міровоззрѣнія Только при свѣтѣ послѣдняго становится вполнѣ яснымъ, что и духъ постояннаго возмущенія, ненависти не является неотъемлемымъ аттрибутомъ возрожденнаго производителя. «Священный гнѣвъ» противъ унижающихъ производителей соціальныхъ порядковъ—чисто временное проявленіе въ наступательномъ ходѣ соціалистической культуры. Существуетъ и оборотная сторона медали, и ее денно и нощно приходится ковать, гдѣ только двое производителей собираются «во имя Его», входятъ въ сношенія для созиданія всевозможныхъ союзовъ и кооперацій соціалистическаго характера, или хотя-бы даже для завоеванія необходимаго законнаго порядка, какъ условія движенія къ соціалистической культурѣ. Я имѣю въ виду то едино-вѣчное, безпрерывно-творческое жизненное содержаніе, которое вынашивается свободно-соціальными отношеніями, и тріумфъ котораго ознаменовался-бы одновременно побѣдой человѣческой культуры надъ всѣми темными и угрожающими человѣку міровыми силами, вплоть до загадочной смерти; я говорю о тѣхъ переживаніяхъ и внутреннихъ перспективахъ, которыя ощущаются человѣкомъ, основнымъ жизненнымъ мотивомъ котораго становится созиданіе и утвержденіе создающагося. Будемъ вполнѣ откровенны и не побоимся упрековъ со стороны людей, мнящихъ себя носителями «новой жизни», а на самомъ дѣлѣ пребывающихъ въ рабствѣ историческихъ пережитковъ; ихъ смѣлость всецѣло покоится на трусости ихъ чувства и безсиліи творческаго ума. Соціализмъ знаменуетъ собою исходную точку новаго, универсально-культурнаго *бытія*. Пере-

смотръ всѣхъ соціальныхъ отношеній съ точки зрѣнія освобождающагося и свободно-творческаго труда создаетъ и новое жизненное содержаніе, поборникомъ котораго можетъ явиться лишь производитель, свободный отъ традиціонныхъ формъ исторіи. И наша эпоха, гдѣ вся культура становится продуктомъ крѣпкихъ рукъ и здоровыхъ мозговъ производителей, внутренне связана съ процессомъ созиданія возрожденнаго соціалистическаго человѣка.

Мнѣ не хочется повторяться, и я опять отсылаю благосклоннаго читателя къ моей упомянутой выше работѣ Тамъ, въ общихъ чертахъ, намѣчается жизневоззрѣніе и жизнеповеденіе возрожденнаго человѣка-производителя, основнымъ принципомъ жизни котораго является безпрерывное активное творчество, направленное на созиданіе и утвержденіе единой міровой культуры. Такой человѣкъ можетъ, главнымъ образомъ, жить положительными, утверждающими и созидающими чувствами и хотѣніями. Человѣкъ, съ котораго соціальный разумъ снялъ позорную заботу о поддержаніи существованія, и у котораго свободно-творческій трудъ сталъ первой потребностью жизни, такой человѣкъ освобождается также одновременно отъ натуралистическихъ методовъ воздѣйствія на окружающій его міръ. Въ горнилѣ постоянныхъ соціальныхъ сношеній выковывается сильный, вдумчивый и полный отвѣтственнаго сознанія возрожденный человѣкъ. И даже чувства и добродѣтели христіанскаго царства подвергаются коренной трансформаціи. Христіанство отказывалось отъ человѣческаго міра, но, въ силу душевной мягкости, оно проповѣдывало состраданіе къ несовершенствамъ жизни. Возрожденный человѣкъ соціализма своей мощной рукой удаляетъ тѣ самые соціальные корни, изъ которыхъ выросталъ

жизненный драматизмъ, нуждающійся въ христіанскомъ состраданіи, въ томъ самомъ состраданіи, которое разслабляло душу нуждающагося и укрѣпляло положеніе господствующаго, которое приводило къ позорному миру между берущимъ и дающимъ. Благодаря такого рода чувствамъ и волевымъ актамъ, человѣкъ оставался тамъ, гдѣ этого хотѣла слѣпая игра исторической судьбы, творчество культурнаго космоса не умножалось, и человѣкъ не сознавалъ себя творцомъ и соучастникомъ великой жизни человѣческаго рода. Однимъ словомъ, состраданіе натуралистически-христіанской культуры лишено было трагическаго начала, которое поднимаетъ человѣка, а не разрушаетъ его, какъ это дѣлаетъ злободневный драматизмъ. Возрожденному человѣку тоже знакомо состраданіе, но оно относится къ страданіямъ, связаннымъ съ дѣйствіемъ судьбы. Страдая, напр., за историческую судьбу данной личности или народа, мы въ состраданіи нашемъ поднимаемся и одновременно поднимаемъ страждущаго, мы живемъ почти въ «идеѣ», мы, какъ личности, выигрываемъ, а съ нами выигрываетъ и соціальный космосъ. Всякій драматизмъ носитъ кастовый, субъективный характеръ и, въ конечномъ счетѣ, дѣйствуетъ уничижительно. Трагизмъ-же вводитъ насъ въ міръ незыблемаго и типичнаго, сообщаетъ жизни серьезность и важность и сближаетъ насъ съ тотальной жизнью міровой культуры, съ нашимъ Богомъ. Здѣсь великое страданіе возрожденнаго человѣка подаетъ руку примиренія великому счастью, которое не есть плодъ исторически-соціальной случайности, а отражаетъ созданную имъ-же увѣренность и свободу. Основной принципъ его жизни, а именно свободно-творческій трудъ, неминуемо ведетъ къ признанію вѣчно-безпрерывнаго героизма, какъ художе-

ственнаго выраженія жизненной активности Сплошное строеніе и искреннее утвержденіе созданнаго еще въ большей мѣрѣ нуждается въ революціонномъ размахѣ, нежели жизнь человѣка типа Прометея Этапы душевнаго подъема не отстаютъ такъ далеко другъ отъ друга, какъ это имѣетъ мѣсто въ проявленіяхъ человѣка-революціонера Да и промежутки наступательнаго хода жизни не освѣщаются здѣсь слабымъ мерцаніемъ отраженнаго свѣта далекой звѣзды, а согрѣваются горячими лучами вновь зарождающагося творчества Здѣсь играютъ вѣтры міровыхъ сферъ, звуки Пана обвѣваютъ и ласкаютъ слухъ, солнце обнимается съ землей.

Возрожденный производитель будущаго и есть, такимъ образомъ, подлинный наслѣдникъ и обладатель исторической культуры. Натуралистическія, идеалистическія и революціонныя силы человѣческаго развитія перестаютъ играть въ его жизни роль угнетателей и общаго тормаза; онъ снова можетъ любить красоту собственной и чужой природы, объективировать себя въ незыблемую духовную дѣйствительность и чувствовать себя сильнымъ, свободнымъ творцомъ, жизненный путь котораго есть одинъ сплошной героическій актъ. Какъ герой начинаетъ и проводитъ онъ свою жизнь въ творчествѣ безконечно-цѣннаго, животворящаго и соціально-необходимаго, какъ герой оставляетъ онъ ее. Смертью своей онъ въ послѣдній разъ ей служитъ. Свободно и по даннымъ имъ самимъ себѣ законамъ онъ приноситъ себя на алтарь человѣчества. Сознаніе отвѣтственности передъ міромъ, который онъ самъ помогалъ воздвигать и глубоко признавалъ, даетъ ему силы совершить послѣдній подвигъ. Онъ умираетъ, какъ творецъ, въ истинно-трагическомъ и, слѣдовательно, освобождающемъ концѣ

котораго великое горе и великая радость тѣсно обнимаются въ послѣдній разъ, чтобы родить новаго человѣка и новое бытіе.

Универсальный, возрожденный человѣкъ соціализма — не вымыселъ досужаго ума и не ласкающая только мечта совершающагося на нашихъ глазахъ мірового историческаго переворота. Онъ необходимый и признанный продуктъ нарождающагося, основаннаго на соціальномъ свободно-творческомъ трудѣ культуропорядка. Но за него надо бороться, имъ надо жить, чтобы онъ не остался только дивной сказкой человѣческой исторіи. Онъ то близокъ намъ и поддерживаетъ въ насъ свѣтъ завершающейся въ соціализмѣ всеевропейской культуры, то изъ далекаго будущаго шлетъ намъ слова утѣшенія и одобренія и зоветъ къ великимъ практическимъ задачамъ настоящаго.